

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Том 16

№ 1 · 2015

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

1-2015

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 г. №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Редакционная коллегия журнала:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (*зам. гл. редактора*); **Бедерханова В.П.**, д-р пед. наук, проф.; **Ермоленко В.В.**, д-р экон. наук, доц.; **Жаде З.А.**, д-р полит. наук, проф.; **Иванов А.Г.**, д-р ист. наук, проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол. наук, доц.; **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц. (*зам. гл. редактора*); **Курбатова Г.С.**, отв. секретарь; **Лузаков А.А.**, д-р психол. наук, доц.; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц.; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф.; **Остапенко А.А.**, д-р пед. наук, проф.; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук (*тех. директор*); **Рябкина З.И.**, д-р психол. наук, проф.; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. наук, проф.; **Юрченко В.М.**, д-р филос. наук, проф. (*зам. гл. редактора*), проф.

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционный совет журнала:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф. (МГИМО(У) МИД РФ, Россия); **Дмитриев А.В.**, д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт социологии РАН, Россия); **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., зам. гл. редактора (КубГУ, Россия); **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф. (Университет Шеффилда, Великобритания); **Журавлев А.Л.**, д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт психологии РАН, Россия); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия); **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН, Россия); **Кесслер Юрген**, д-р права, проф. (Ун-т прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); **Кузьмина Н.В.**, д-р психол. наук, проф. (РАО, Россия); **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф. (Институт социологии РАН, Россия); **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф. (Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия); **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, проф. (ЮФУ, Россия); **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф. (Астраханский ГУ, Россия); **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, проф. (ИМЭМО РАН, Россия); **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, Россия); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф. (Пермский ГНИУ, Россия); **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф. (РАНХиГС, Россия); **Швецов А.Н.**, д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа РАН, Россия); **Янушкявичене О.А.**, д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский пед. ун-т, Литва).

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Подписано в печать 31.03.2015. Уч.-изд. л. 9,04. Усл. печ. л. 9,08. Тираж 1000 экз. Заказ №

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Пахомова В. Г. Психологические особенности образа «Я» младших школьников — активных и неактивных пользователей компьютерных игр 6

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Симулякры психологической безопасности в деятельности организации 18

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Крутий И. В., Красина О. В., Лозовая А. А., Ляо Да Чи, Сан Джи Хванг, Чен Бо Ю
Сравнительный анализ имиджа стран в российских и тайваньских он-лайн сообществах 31

Оберемко О. А., Силаева В. Л. Не/устойчивость социального предпринимательства: несколько замечаний по результатам предварительного исследования 48

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Гомцян О. А. Трансформация российского общества: ретроспекция проблем современной России 60

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

Баранов А. В. Сепаратизм в современной Италии: факторы развития, институционализация, политические стратегии. 78

ОБЗОРЫ

Ковалёва Н. В. Научно-практическая конференция «Личностная идентичность: вызовы современности» 91

Боткин М. А. Цель американской системы муниципальных колледжей (на примере штата Мэриленд). 94

НАШИ АВТОРЫ 98

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 102

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 108

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

1-2015

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

By decision of the Ministry for Higher Education Higher Attestation Committee Presidium of February 19, 2010 года № 6/6 Human. Community Management Journal published at the Department for Management and Psychology of Kuban State University is included in the list of leading peer-reviewed journals and editions, in which main scientific results of dissertations on completion for Doctor's and Candidate's degrees should be published.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room к. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru.
Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editorial Board:

Prof. **Tatyana T. Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), *Deputy editor-in-chief*; Prof. **Vera P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. **Aleksandr G. Ivanov**, Dr. Sci. (History); Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science); Assist. Prof. **Vladimir V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics); Assist. Prof. **Aleksandr N. Kimberg**, Cand. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), *Deputy editor-in-chief*; **Galina S. Kourbatova**, *Executive Editor*; Assist. Prof. **Andrey A. Louzakov**, Dr. Sci. (Psychology); **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology); Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Andrey A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy); **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), *Technical Director*; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Galina Yu. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Viktor M. Yurchenko**, Dr. Sci. (Philosophy), *Deputy Editor-in-chief*

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Rus. Acad. of Education, Moscow, Russia, Prof. **Anatoly V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad. Sci. Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Great Britain; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Moscow, Russia; Prof. Dr. **Jürgen Keßler**, University of Applied Science, Berlin, Germany; Prof. **Nina V. Kuz'mina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education, St. Petersburg, Russia; Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Anna P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia; Prof. **Aleksandr N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute for System Analysis, Moscow, Russia; Prof. dr. **Olga Januškevičienė**, Lithuanian Educational University; Vilnius, Lithuania

PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT

- Pahomova V. G.* Self-concept's psychological peculiarities of schoolchildren – active and passive gamers 6

SOCIAL PSYCHOLOGY

- Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G.* Simulacrum of psychological safety in activities of the organization 18

SOCIAL PRACTICES

- Krutiy I. A., Krasina O. V., Lozovaya A. A., Liao Da Chi, San Yin Hwang, Chen Bo Yu*
A comparative analysis of the image of the countries in the Russian and Taiwanese online communities 31
- Oberemko O. A., Silaeva V. L.* Un/sustainability of social entrepreneurs: some notes after a pilot survey 48

SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

- Gomcjan O. A.* Transformation of Russian society: retrospection of the problems of post-soviet Russia 60

POLITICAL REGIONALISM

- Baranov A. V.* Separatism in contemporary Italy: factors of Development, institutionalization, political strategies 78

REVIEWS

- Kovaleva N. V.* Scientific and practical conference “Personal identity: challenges of the present” 91
- Botkin M. A.* The purpose of the American community college system: a state of Maryland perspective 94

OUR AUTHORS 100

INFORMATION FOR THE AUTHORS 107

PROCEDURE FOR RECEIVING AND REVIEWING MANUSCRIPTS 109

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА Я МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ — АКТИВНЫХ И НЕАКТИВНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

.....

Пахомова В.Г.

Пахомова Виктория Георгиевна,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, 295007, Россия,
Республика Крым, Симферополь, проспект академика Вернадского, 4.
Эл. почта: planet-vi@mail.ru

Статья посвящена изучению влияния игровой виртуальной реальности на формирование компонентов Образа Я младших школьников. Проверялось предположение о существовании различий в компонентах Образа-Я у младших школьников — активных и неактивных пользователей компьютерных игр. Группу активных пользователей компьютерных игр составили 98 детей в возрасте от 7,5 до 10 лет (средний стаж участия в 3D-Action, ролевых компьютерных играх — 3 года, регулярность использования — в среднем 1+0,2 часа ежедневно). Группу неактивных пользователей составили 117 детей от 6 до 10 лет (средний стаж участия в компьютерных играх преимущественно без эффекта «присутствия» — 1 год, регулярность — в среднем 30 минут один раз в два-три дня). Использовались самооценочные методики «Лесенка» (в модификации С.Г. Якобсон и В.Г. Щур) и «Кто Я?» (авторы — М. Кун, Т. Макпартленд, модификация Т.В. Румянцевой), а также проективная методика «Несуществующее животное». По итогам эмпирического исследования сделан вывод о том, что компьютерная игра, являясь значимым видом деятельности для ребенка, приводит к определенным изменениям в Образе Я. В частности, Образ Я активных пользователей характеризуется большей неопределённостью описаний «Физического Я», образ «Я-виртуальное» близок к образу «Я-идеальное». Неактивных пользователей отличает более дифференцированный Образ Я, они чаще осознают себя через сферу взаимоотношений, у них оптимальное соотношение персональной и социальной идентичностей в самоописаниях. Сопоставление психографических данных свидетельствует о том, что у активных пользователей компьютерных игр показатели эгоцентричности, сниженной самооценки встречаются чаще по сравнению с группой неактивных пользователей. Есть основания предполагать, что у младших школьников — активных пользователей присутствует ощущение опасности в объективной реальности и, как следствие, создаются предпосылки для погружения в мир фантазирования, мир виртуальной реальности.

Ключевые слова: Образ Я, виртуальная реальность, младший школьник, идентификация, активный пользователь компьютерных игр.

Одним из способов взаимодействия с виртуальной реальностью, наиболее привлекательным для пользователей, является компьютерная игра. В силу

высокой динамичности действия и красочности компьютерного изображения в ней есть особая притягательность для детей.

Важной характеристикой психического развития ребенка в младшем школьном возрасте является дальнейшее становление самосознания, проявляющееся в дифференциации его внутренней структуры, усложнения содержательного наполнения и изменения функциональной роли в процессах регуляции и саморегуляции; в структуре самосознания формируются три ведущие компоненты: Образ Я, самооценка и ценностные ориентации, которые связаны между собой, но еще недостаточно согласованы (Островская, 2002). Образ Я ребёнка — это динамическая система представлений о себе как об ученике, как о субъекте учебной деятельности и важная составляющая его самосознания (Давыдов, 1992).

Необходимо отметить, что данный возрастной период остается крайне чувствительным к различного рода влияниям. Появление виртуальной реальности предоставляет ребёнку возможность ориентироваться на иную систему оценивания, подчас более эмоционально привлекательную, позитивную и отличную от той, которая транслируется значимыми другими (родителями, учителями).

Актуальность исследования игровой деятельности младших школьников в виртуальной реальности обусловлена также её массовым характером и чрезвычайной популярностью. Возникает вопрос о том, каким образом происходит формирование самосознания современного ребенка младшего школьного возраста в условиях виртуализации действительности и к каким последствиям это может привести в перспективе. Цель нашего исследования — изучение влияния игровой виртуальной реальности на формирование компонентов Образа Я младших школьников.

Психологические механизмы вовлечения в виртуальную реальность изучали Ю. В. Батенова (2011), Е. И. Богомолова (2014), А. В. Войскунский (2004), А. М. Демильханова (2009), Ю. П. Зинченко, Г. Я. Меньшикова, Ю. М. Баяковский, А. М. Черноризов, А. Е. Войскунский (2010) и др. Взгляды на проблему влияния виртуальной реальности компьютерных игр на детей неоднозначны. В некоторых исследованиях получены противоречивые данные о связи самооценки, социальных навыков, успешности детей и подростков и количества времени, которое они проводят за компьютерными играми: хотя в большинстве случаев игры не становятся причиной школьной или социальной дезадаптации, но здесь есть свои группы риска (Фомичева, Шмелев, Бурмистров, 1991; Хайбулина, 2012; Griffiths, 2005; Suler, 2002).

Многие отечественные исследователи (Емелин, Рассказова, Тхостов, 2012; Иванов, 2008; Шапкин, 1999) подчеркивают невозможность рассмотрения увлечения компьютерными играми как полезного и безобидного способа организации досуга ребёнка. Виртуальность «снимает» многие запреты, которые ограничивают ребенка в повседневной жизни, создает иллюзию контроля, анонимности, уводит в мир фантазии, мечты.

А. М. Демильханова (2009) утверждает, что использование компьютера и Интернета с самого раннего возраста существенно изменяет всю ментально-психическую структуру субъекта, переориентирует его с традиционно-жизненного опыта на принципиально иной, далекий от того, с которым он имел дело в обозримом прошлом. Активное и постоянное участие детей в ролевых компьютерных играх ведет к деформации Образа Я и возникновению дополнительных форм идентификации: ролевой персонаж игры — это тот образ, который может оказывать обратное влияние на формирование Эго пользователя и его идентификации.

Виртуальная реальность предоставляет возможность пользователю создавать множество масок — персонализированных проекций, которые, будучи различными проявлениями одной и той же личности, отражают её подсознательные влечения. В результате длительного нахождения за компьютерной игрой и принятия реальности игры за настоящую реальность у игроков начинает формироваться еще одна идентичность, т.е. возникает еще одна (или две) вторичные личности, каждая из которых обладает собственным отдельным сознанием (Демильханова, 2009). Возможно, это происходит потому, что виртуальная реальность компьютерной игры вновь моделирует стадию зеркала и возникновение дополнительной личностной идентификации является формой фиксации на стадии зеркала (Лакан, 1997). Виртуальные характеристики компьютерных персонажей могут стать частью самосознания игрока посредством разделения внешнего и внутреннего: внешнее Я — на дисплее, а внутреннее Я — у субъекта игры. Объект в игре — это образ реального объекта, который субъект интегрирует в себя по механизму интроекции, придавая ему статус фантазма (Жичкина, Белинская, 2000).

По мнению ряда исследователей (Козлова, Сушков, 2013), создание «виртуальной личности» являет собой компенсацию каких-либо сложностей пользователя в реальном мире: компьютерная игра выступает как средство преодоления конфликтов, вызванных глубинными причинами, которые лежат в области социальных отношений. А. Е. Жичкина (2001) пишет о том, что особенности идентичности индивида, в свою очередь, могут влиять на поведение в Интернете и идеальное Я индивида реализуется в виртуальной реальности.

В целом до конца неясно, насколько описанные механизмы универсальны или специфичны относительно игровой среды и определенного возрастного периода развития.

В эмпирическом исследовании особенностей Образа Я младших школьников — активных и неактивных пользователей компьютерных игр приняли участие 215 младших школьников. Это учащиеся 1–4-х классов разных школ г. Симферополя в возрасте от 6 до 10 лет (100 девочек и 115 мальчиков). Все респонденты разной национальности и вероисповедания, воспитываются

в полных семьях, имеют неодинаковый уровень школьной успеваемости, принадлежат к различным социальным слоям.

Группу активных пользователей компьютерных игр составили 98 детей в возрасте от 7,5 до 10 лет (средний стаж участия в 3D-Action, ролевых компьютерных играх — 3 года, регулярность использования — в среднем 1+0,2 часа ежедневно). Группу неактивных пользователей составили 117 детей от 6 до 10 лет (средний стаж участия в компьютерных играх преимущественно без эффекта «присутствия» — 1 год, регулярность — в среднем 30 минут один раз в два-три дня).

При организации исследования мы исходили из предположения о существовании различий в компонентах Образа Я у младших школьников — активных и неактивных пользователей компьютерных игр.

Для изучения структуры и других характеристик Образа Я младших школьников — активных и неактивных пользователей компьютерных игр использовались самооценочные методики «Лесенка» (в модификации С. Г. Якобсон и В. Г. Щур) и «Кто Я?» (авторы — М. Кун, Т. Макпартленд, модификация Т. В. Румянцевой), а также проективная методика «Несуществующее животное». Математический анализ результатов диагностики осуществлялся при помощи критерия ϕ -Фишера, коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Рассмотрим результаты анализа данных по тесту М. Куна, Т. Макпартленда и лесенки самооценки в обеих группах.

У большинства респондентов обеих групп обнаружен одинаковый уровень прогностической оценки — высокий. Это указывает на нереалистическое отношение к своим возможностям по всем обсуждаемым временным перспективам и ситуациям: «Я сейчас» («Я-реальное»), «Я в прошлом (Я, когда был маленький/ая)» «Я, когда вырасту большой/ая (Я в будущем)», «Я-идеальное» и «Я в компьютерной игре» («Я-виртуальное»). Около 85 % детей связывают будущее с более высоким уровнем развития качеств, характеризующих их как субъектов деятельности (социальной, учебной, совместной, игровой, виртуальной).

Самооценка младших школьников в обеих группах чаще всего оказывается завышенной или адекватной; причем отсутствуют дети, которые совсем не выделили себя из окружающей среды, что свидетельствовало бы о низком уровне самоосознания и структурированности Образа Я.

Из 6 тестовых категорий методики М. Куна, Т. Макпартленда в выборке чаще всего представлены категории «Социальное Я», «Коммуникативное Я», «Деятельное Я» и «Рефлексивное Я». Самоописание респондентов обеих групп исследования отличается довольно высокой дифференцированностью.

Валентности идентичности младших школьников — активных пользователей компьютерных игр распределились следующим образом: нейтральная (48 %) — наблюдается или равновесие между положительными и отрицательными самоидентификациями, или в самоописании ярко не проявляется никакой

эмоциональный тон (например, идёт формальное перечисление ролей: «дочь», «первоклассница», «мальчик» и т.д.); позитивная (40 %) — положительные идентификационные характеристики преобладают над отрицательными («весёлая», «добрая», «умный», «хороший»); негативная (около 11 %) — превалируют в целом отрицательные категории при описании собственной идентичности, больше описываются недостатки («нехороший», «балованный»). Валентности идентичности младших школьников в группе неактивных пользователей распределены так: нейтральная (56 %), позитивная (41 %) и негативная (около 3 %).

Категории, связанные с полом, в ответах на вопрос «Кто Я?» у 95 % респондентов в обеих группах стоят или в самом начале списка, или в середине, что подтверждает актуальность и значимость категорий пола в самосознании. О знании специфики определенного репертуара полоролевого поведения свидетельствует преимущественно нейтральное («мальчик/девочка») использование детьми прямого и косвенного обозначения пола.

Образ «Я-виртуальное» младших школьников — активных пользователей по многим показателям идентичен с образом «Я-в будущем» («Я-идеальное»). Менее позитивен, но в целом близок к ним образ «Я-реальное». В группе неактивных пользователей образ «Я-в прошлом» менее привлекателен по сравнению с образами «Я-сейчас» и «Я-в будущем» ($p < 0,01$).

Самоописания активных пользователей компьютерных игр включают относительно небольшое количество характеристик физического Я (методика «Кто Я?»): в среднем одна характеристика на описание. Эмоциональное отношение к своей внешности выражается ими, как правило, определённо, одной базовой характеристикой, чаще с критическим оттенком (например, «Я — обычная», «Я — непослушная девчонка», «хулиган», «разбойник»).

Категория физического Я более развёрнуто прописывается группе неактивных пользователей, где процент эмоционально-положительных ответов этой категории составляет 7 % (против 1 % в группе активных пользователей, $p < 0,04$). Это может свидетельствовать об отсутствии стремления к рефлексии собственных эмоциональных переживаний и телесных ощущений у младших школьников — активных пользователей компьютерных игр.

По сравнению с группой активных пользователей большая часть неактивных пользователей компьютерных игр характеризуется довольно высокой степенью сформированности личностной идентичности (на это указывает абсолютное доминирование рефлексивных самоописаний), а также предпочтением реальной формы самопредъявления (демонстрация умений и компетенций, реже — внешности), частотой позитивных описаний внешности, полоролевых характеристик и физических данных («хорошая девчонка», «самый добрый мальчик в классе»).

Выявлены различия в самоописаниях обеих групп относительно контекста взаимоотношений с окружающими (например, «Я — хороший друг», «у меня

много друзей», «Я — общительный»). Неактивные пользователи (53 %) чаще активных пользователей (53 % против 34 %, $p < 0,02$) осознают себя через сферу взаимоотношений, позитивно оценивают себя, а их представления о себе близки к реальному Образу Я.

В обеих группах выражено присутствие категории «Деятельного Я» как осознанной констатации своих умений и компетенций с той разницей, что в группе активных пользователей чаще имеют место высказывания о деятельности в реальности компьютерной игры («люблю играть в компьютерные игры», «играю в игры в планшете»), что не характерно для группы неактивных пользователей ($p < 0,05$). При этом нельзя сказать, что представители первой группы не нацелены на сотрудничество, понимание окружающих. Но у этих детей происходит смещение интереса на компьютерную игру, где выстраиваются отношения с окружающими, где они могут удовлетворить амбиции, строить успешные взаимоотношения. Полагаем, что пребывание в виртуальной реальности может представлять собой компенсацию каких-либо сложностей пользователя в реальном мире.

Специфичной также оказалась категория «Рефлексивное Я» (методика «Кто Я?») в группе активных пользователей: помимо имени, фамилии, личностных качеств, показателей эмоционального отношения к себе, присутствовали клички и имена пользователей в компьютерной игре (назовём их «Nick»). В группе неактивных пользователей ответов, касающихся персонажей компьютерных игр, не обнаружено (4 % против 0 %, $p < 0,03$).

Ведущим компонентом самосознания у активных пользователей является «Социальное Я». Из показателей «Социального Я» чаще всего встречаются: прямое обозначение пола, ролевая позиция (ученик, школьник), этническо-региональная идентичность, семейная принадлежность, которая проявляется через обозначение семейной роли. В самоописаниях же неактивных пользователей чаще имело место оптимальное соотношение персональной и социальной идентичностей, что указывает на сформированность и дифференцированность реальной идентичности.

По мнению некоторых исследователей (Фомичева, Шмелев, Бурмистров, 1991), компьютерные и интернет-игры могут способствовать позитивному направлению развития, например, игра, обеспечивая интенсивный опыт анализа своих неудач и успехов, способствует более дифференцированному представлению о себе, а также формированию готовности нести ответственность за предпринимаемые действия. По их данным, у опытных игроков самооценка в целом выше, чем у не-игроков, а идеальные и реальные компоненты структуры Образа Я сливаются и переносятся в структуру Образа Я в компьютерной игре. В нашем исследовании неактивные пользователи от активных пользователей отличаются более адекватной самооценкой. Данный факт можно расценивать как подтверждение того, что компьютерная игра не даёт ребёнку возможность

ощутить себя как свой идеал. Кроме того, существуют другие факторы, определяющие уровень самооценки ребенка младшего школьного возраста.

Соотношение тестовых показателей по обеим группам подтверждает предположение о наличии различий в составляющих Образа Я младших школьников — активных и неактивных пользователей компьютерных игр. Образ Я активных пользователей характеризуется большей неопределённостью описаний «Физического Я», образ «Я-виртуальное» близок к образу «Я-идеальное». Неактивных пользователей отличает более дифференцированный Образ Я, они чаще осознают себя через сферу взаимоотношений, у них оптимальное соотношение персональной и социальной идентичностей в самоописаниях.

Важным для нас представлялось не только определить особенности Образа Я младших школьников — активных и неактивных пользователей компьютерных игр, но и выявить возможные трудности в отношениях с окружающими. Для этого дополнительно была использована проективная методика «Несуществующее животное», где подсчитывались количественные соотношения показателей Образа Я, самооценки, индивидуально-психологических особенностей, взаимоотношений с социумом (т.е. подсчитывалось количество рисунков, где присутствует определённый диагностический показатель) (Венгер, 2007).

Сопоставление психографических данных позволило сделать вывод о наличии различий между характером изображения несуществующего животного в экспериментальной и контрольной группах. Доля рисунков, где есть признаки возбудимости, импульсивности, эгоцентричности, сниженной самооценки, у активных пользователей компьютерных игр больше по сравнению с группой неактивных пользователей ($p < 0,05$). На рисунках детей — активных пользователей у животного часто изображались большие уши, что свидетельствует о том, что их самооценка сильно зависит от мнения окружающих.

Показатели тревоги и страха зафиксированы у 42 % активных и 26 % неактивных пользователей компьютерных игр: на рисунках видны выступы по бокам, обилие глаз, ожидание опасности и готовность к защите ($p < 0,02$). Это даёт основание предположить, что у младших школьников — активных пользователей присутствует ощущение опасности в объективной реальности и, как следствие, создаются предпосылки для погружения в мир фантазирования.

По числу элементов, свидетельствующих об агрессивности, экстраверсии/интраверсии, рисунки активных и неактивных пользователей не различаются ($p < 0,1$). Обнаруженные особенности изображения отражают скорее половые различия: в рисунках мальчиков обеих групп исследования чаще присутствуют детали, указывающие на импульсивность, возбудимость, агрессивность (затемнение контурной линии, сильная штриховка, когти, зубы, клюв, рога, щетина, рога, щупальца, череп и пр.). В свою очередь, рисунки девочек, независимо от степени заинтересованности компьютерными играми, отличаются

обилием украшающих деталей — прорисовкой ресниц, бантов, перьев, бус, кудрей, цветов в волосах, что является показателем женского начала, заинтересованности в восхищении со стороны окружающих, всеобщем признании своей привлекательности, чувствительности, стремления к самоутверждению, демонстративности.

Активными пользователями компьютерных игр несуществующее животное изображается в виде персонажа компьютерной игры («зомби», «злая птичка» — *angry birds*). Это позволяет считать достаточно обоснованным положение о существовании связи образа несуществующего животного с Образом Я испытуемого. Прямая корреляция ($p < 0,01$) одного из показателей «Рефлексивное Я» («Nick») и рисунками несуществующего животного в виде персонажа компьютерной игры может свидетельствовать в пользу значимости для ребенка данного персонажа и указывать на возможную с ним идентификацию, на опосредованность фантазии опытом взаимодействия с виртуальной реальностью.

Таким образом, полученные в ходе интерпретации рисунков психографические данные свидетельствуют о различии младших школьников — активных и неактивных пользователей компьютерных игр по таким параметрам, как самооценка, тревожность, возбудимость, импульсивность, эгоцентричность.

Обратная корреляция ($p < 0,01$) между «Физическим Я» и характером изображения персонажей компьютерных игр подтверждает предположение о том, что активные пользователи позиционируют себя как игроков: категория «Физического Я» содержит минимальное количество описательных характеристик. Учитывая, что сформированный образ тела является единственным зримым маркером начала процесса самоконституирования, приходим к выводу: данный процесс находится только на начальной стадии, но чем больше ребенок играет, тем все больше он начинает чувствовать контраст между «им реальным» и «им виртуальным», что может породить неуверенность в себе.

Итак, компьютерная игра, будучи значимым видом деятельности для ребенка, приводит к определенным изменениям в образе Я. В частности, Образ Я активных пользователей характеризуется большей неопределённостью описаний «Физического Я», образ «Я-виртуальное» близок к образу «Я-идеальное». Неактивных пользователей отличает более дифференцированный Образ Я, они чаще осознают себя через сферу взаимоотношений, у них оптимальное соотношение персональной и социальной идентичностей в самоописаниях.

Сопоставление психографических данных свидетельствует о том, что у активных пользователей компьютерных игр показатели эгоцентричности, сниженной самооценки встречаются чаще по сравнению с группой неактивных пользователей. Есть основания предполагать, что у младших школьников — активных пользователей присутствует ощущение опасности в объективной реальности и, как следствие, создаются предпосылки для погружения в мир фантазирования, мир виртуальной реальности.

Библиографический список

1. Батенова, Ю.В. (2011). Особенности развития мышления дошкольника в условиях игровой компьютерной деятельности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 8 (4), 59–72.
2. Богомолова, Е.И. (2014). Личностная идентичность в условиях виртуализации бытия. *Человек. Сообщество. Управление*, (2), 104–119.
3. Венгер, А.Л. (2007). *Психологические рисунки тесты*. Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС.
4. Войскунский, А.Е. (2004). Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета. *Психологический журнал*, 25 (1), 90–100.
5. Давыдов, В.В. (1992). Генезис и развитие личности в детском возрасте. *Вопросы психологии*, (1), 12–19.
6. Демильханова, А.М. (2009). *Влияние виртуальной реальности на образ Я: на примере ролевых компьютерных игр*. Ярославль.
7. Емелин, В.А., Рассказова, Е.И., Тхостов, А.Ш. (2012). Психологические последствия развития информационных технологий. *Национальный психологический журнал*, (1), 81–87.
8. Жичкина, А.Е. (2001). *Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста*: автореферат кандидатской диссертации. Москва.
9. Жичкина, А.Е., Белинская, Е.П. (2000). Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростка-пользователя Интернета. В В.С. Собкин (ред.) *Образование и информационная культура. Социологические аспекты* (с. 431–460). Москва: Центр социологии образования РАО.
10. Зинченко, Ю.П., Меньшикова, Г.Я., Баяковский, Ю.М., Черноризов, А.М., Войскунский, А.Е. (2010). Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы. *Национальный психологический журнал*, 2 (4), 64–71.
11. Иванов, М.С. (2008). *Психология самореализации личности в компьютерной игровой деятельности*. Кемерово: Кузбассвуиздат.
12. Козлова, Н.С., Сушков, И.Р. (2013). Стремление к публичности и самопрезентации как проявление специфических потребностей, реализуемых личностью в Интернет-среде. Режим доступа http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Kozlova_Sushkov_Publicity-Self-Presentation/
13. Лакан, Ж. (1997). Стадия зеркала и её роль в формировании функции Я. В *Инстанция буквы или судьба разума после Фрейда* (с. 7–15). Москва: Логос.
14. Островская, Е.А. (2002). Взаимозависимость самооценки и ценностных ориентаций младших школьников. *Социальные технологии. Актуальные проблемы теории и практики*, (15), 117–123.
15. Фомичева, Ю.В., Шмелев, А.Г., Бурмистров, И.В. (1991). Психологические корреляты увлеченности компьютерными играми. *Вестник Московского университета, сер. 14, Психология*, (3), 27–39.
16. Хайбулина, Э.И. (2012). Информационная безопасность личности в виртуальном пространстве эпохи постмодерна. *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, 136 (11), 159–164.

17. Шапкин, С.А. (1999). Компьютерная игра: новая область психологических исследований. *Психологический журнал*, 20 (1), 86–102.
18. Griffiths, M.D. (2005). A «components' model of addiction within a biopsychosocial framework. *Journal of Substance Use*, 10 (4), 191–197.
19. Suler, J. (2002). Identity management in cyberspace. *The Rider university Electronic resource*. Retrieved from <http://www.rider.edu/~suler/psycyber/identitymanage.html>

Статья поступила в редакцию 05.12.2014

.....

SELF-CONCEPT'S PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF SCHOOLCHILDREN — ACTIVE AND PASSIVE GAMERS

Pahomova V. G.

Pahomova Viktorija Georgievna, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Vernadsky avenue, 4. E-mail: planet-vi@mail.ru.

The article is devoted to analysis of a gaming virtual reality's influence on development of components of schoolchildren's self-concept. There was examined an assumption about the difference between self-concept's components of schoolchildren — active and passive gamers. The group of active gamers consisted of 98 children aged from 7,5 to 10 years (an average experience in 3D-Action, role computer games — 3 years, usage — in average 1+0,2 hour daily). The group of passive gamers consisted of 117 children aged from 6 to 10 (an average experience in computer games, mainly without participation effect — 1 year, usage in average 30 minutes every 2–3 days). Self-evaluation techniques “Ladder” (modified by S. G. Jakobson and V. G. Shhur) and “Who am I?” (authors — M. Kun, T. V. Rumjanceva) and also a projective technique “A nonexistent animal” were used. An empirical study resulted in conclusion that computer games, being a significant kind of activity for children, lead to some changes in self-concept. Particularly, the self-concept of active gamers is characterized by more indefinite description of “physical self-concept”, “virtual self-concept” is closer to “ideal self-concept”. Passive gamers are characterized by more differentiated self-concept, they become self-aware through the sphere of relationship more often, they have an optimal balance of personal and social identities in self-descriptions. Due to psychographics correlation active gamers show an evidence of egocentrism and low-esteem more often in comparison with the group of passive gamers. It is reasonable to suppose that schoolchildren-active gamers have a feeling of danger in objective reality and it lays the ground for falling into a fantasy world, the world of virtual reality.

Key words: self-concept, virtual reality, schoolchild, identification, active gamer.

Reference

1. Batenova, Ju.V. (2011). Osobennosti razvitiya myshleniya doskol'nika v usloviyah igrovoj komp'yuternoj dejatel'nosti [Peculiarities of a schoolchild's brain buiding in the context of computer gaming activities]. *Psihologija. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki* [Psychology. The magazine of Higher School of Economics], 8 (4), 59–72.
2. Bogomolova, E.I. (2014). Lichnostnaja identichnost' v usloviyah virtualizacii bytija [Personal identity in the context of an objective reality's virtualization]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (2), 104–119.
3. Venger, A.L. (2007). *Psihologicheskie risunki testy* [Psychological pictures tests]. Moskva: VLADOS-PRESS.

4. Vojskunskij, A.E. (2004). Aktual'nye problemy psihologii zavisimosti ot Interneta [Current problems of the Internet-addiction psychology]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological magazine], 25 (1), 90–100.
5. Davydov, V.V. (1992). Genezis i razvitie lichnosti v detskom vozraste [Genesis and personality development in childhood]. *Voprosy psihologii* [Psychological issues], (1), 12–19.
6. Demil'hanova, A.M. (2009). *Vlijanie virtual'noj real'nosti na obraz Ja: na primere rolevyh komp'yuternyh igr: avtoreferat kandidatskoj dissertacii* [Virtual reality's influence on self-concept: the case of role computer games: the extract from the master's dissertation]. Jaroslavl'.
7. Emelin, V.A., Rasskazova, E.I. & Thostov, A. Sh. (2012). Psihologicheskie posledstvija razvitija informacionnyh tehnologij [Psychological consequences of informational technologies development]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National psychological magazine], (1), 81–87.
8. Zhichkina, A.E. (2001). *Vzaimosvjaz' identichnosti i povedenija v Internete pol'zovatelej junosheskogo vozrasta* [Interrelation of teen-age gamers' identity and behavior on the Internet]. Moskva.
9. Zhichkina, A.E. & Belinskaja, E.P. (2000). Samoprezentacija v virtual'noj kommunikacii i osobennosti identichnosti podrostka-pol'zovatelja Interneta [Self-presentation in virtual communications and peculiarities of a teen-age Internet-user's identity]. In V. S. Sobkin (ed.). *Obrazovanie i informacionnaja kul'tura. Sociologicheskie aspekty* [Education and informational culture. Sociological aspects] (p. 431–460). Moskva: Centr sociologii obrazovanija RAO.
10. Zinchenko, Ju.P., Men'shikova, G. Ja., Bajakovskij, Ju.M., Chernorizov, A.M. & Vojskunskij, A.E. (2010). Tehnologii virtual'noj real'nosti: metodologicheskie aspekty, dostizhenija i perspektivy [Technologies of virtual reality: methodological aspects, achievements and prospects]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National psychological magazine], 2 (4), 64–71.
11. Ivanov, M.S. (2008). *Psihologija samorealizacii lichnosti v komp'yuternoj igrovoj dejatel'nosti* [Psychology of personal self-realization in computer gaming reality]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
12. Kozlova, N.S. & Sushkov, I.R. (2013). Stremlenie k publichnosti i samoprezentacii kak projavlenie specificheskikh potrebnostej, realizuemyh lichnost'ju v Internet-srede [Publicity and self-presentation drive as expression of specific needs, met by a person on the Internet]. Retrieved from http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Kozlova_Sushkov_Publicity-Self-Presentation/
13. Lakan, Zh. (1997). Stadija zerkala i ejo rol' v formirovanii funkcii Ja [Mirror stage and its role in ego function formation]. *Instancija bukvy ili sud'ba razuma posle Frejda* [A letter's instance or the destiny of mind after Freud] (p. 7–15). Moskva: Logos.
14. Ostrovskaja, E.A. (2002). Vzaimozavisimost' samoocenki i cennostnyh orientacij mladshih shkol'nikov [Interdependence of schoolchildren's self-esteem and value-system]. *Social'nye tehnologii. Aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Social technologies. Current problems of theory and practice], (15), 117–123.
15. Fomicheva, Ju.V., Shmelev, A.G. & Burmistrov, I.V. (1991). Psihologicheskie korrelyaty uvlechennosti komp'yuternymi igrami [Psychological correlates of computer games

- dedication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, ser. 14, Psihologija* [Bulletin of Moscow University, ser. 14, Psychology], (3), 27–39.
16. Hajbulina, Je.I. (2012). Informacionnaja bezopasnost' lichnosti v virtual'nom prostranstve jepohi postmoderna [Personal informational security in virtual space of postmodern age]. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Tehniceskie nauki* [News of Southern Federal University], 136 (11), 159–164.
 17. Shapkin, S.A. (1999). Komp'yuternaja igra: novaja oblast' psihologicheskikh issledovanij [A computer game: a new field of psychological research]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological magazine], 20 (1), 86–102.
 18. Griffiths, M.D. (2005). A “components” model of addiction within a biopsychosocial framework. *Journal of Substance Use*, 10 (4), 191–197.
 19. Suler, J. (2002). Identity management in cyberspace. *The Rider university Electronic resource*. Retrieved from <http://www.rider.edu/~suler/psycyber/identitymanage.html>

СИМУЛЯКРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Краснянская Т.М., Тылец В.Г.

Краснянская Татьяна Максимовна, филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки, 357635, Россия, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, 7.
Эл. почта: ktm8@yandex.ru.

Тылец Валерий Геннадьевич, филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки, 357635, Россия, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, 7. Эл. почта: tyletsvalery@yandex.ru.

Статья посвящена рассмотрению психологической безопасности как важного аспекта корпоративной безопасности. Под корпоративной безопасностью понимается характеристика особого состояния деятельности организации, позволяющая ей стабильно функционировать, с одной стороны, и не снижать развитие в направлении ключевой для неё цели, с другой стороны. Конкретная задача статьи — анализ симулякров психологической безопасности в организации. Под симулякрами психологической безопасности в организации понимаются психические феномены, сущность которых несовместима с целями обеспечения психологического благополучия сотрудников и воспроизводства практики устойчивого функционирования и развития организации. К категории симулякров психологической безопасности причисляются сформированные у субъектов образы деятельности организации, которые обладают для него высокой привлекательностью, но в реальности негативно влияют на состояние корпоративной безопасности. В эмпирической части исследования с помощью метода экспертной оценки выделены и содержательно охарактеризованы инновационный, стимулирующий и имиджевый типы симулякров психологической безопасности в организации. На выборке ($n = 458$), включавшей сотрудников торговых, образовательных, транспортных и ремонтных организаций в возрасте от 25 до 55 лет, проведено шкалирование степени соответствия компонентов разработанной типологии симулякров и реального состояния психологической безопасности организации. Установлено, что перерождение позитивных представлений, потребностей, ценностей персонала, касающихся инновационной, стимулирующей и имиджевой практики деятельности организации, связано с определёнными качествами личности. Такими качествами, по результатам обследования, стали низкий уровень психологической готовности персонала к внедрению инноваций в деятельности организации (измерение методом самооценки), адаптивной способности и нервно-психической устойчивости персонала (измерение с помощью многоуровневого личностного опросника «Адаптивность») (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина). Сделан вывод о возможности повышения уровня корпоративной безопасности на основе преодоления симулякров психологической безопасности.

Ключевые слова: безопасность, корпоративная безопасность, психологическая безопасность, симулякр, персонал, инновация, стимулирование, имидж.

Вопросы совершенствования управления деятельностью организаций в условиях воспроизводства и неуклонного возрастания объемов и сложности социальных, политических и экономических рисков, возникающих перед ними, не утрачивают своей актуальности. Вне зависимости от степени контроля над процессом и результатами их деятельности, жесткости конкуренции на рынке сбыта услуг и товаров, защищенности законом в правовом пространстве, прочих первостепенных и вторичных по значимости обстоятельств функционирования от них требуется сохранение жизнеспособности и социальной полезности. Необходимым условием стабильной и эффективной работы любой организации вне зависимости от сферы её деятельности и формы собственности продолжает оставаться корпоративная безопасность.

Вообще, проблемы безопасности в настоящее время подвергаются достаточно интенсивному и многоаспектному рассмотрению (Благодырь, 2012; Ковдра, 2011). Проведённые исследования позволили построить систему понятий в области безопасности (Ежевская, 2008; Brascoupe, Waters, 2009), выявить условия (Ковдра, 2012; Carmeli, Brueller, Dutton, 2009; Guldenmund, 2007; Lu, Tsai, 2008), закономерности (Краснянская, 2005; Goldstein, Young & Boyd, 2008) и организационные подходы к её обеспечению в различных контекстах (Дорофеева, Гармонова, 2009; Краснянская, 2013; Татьяначенко, 2010; Эксакусто, 2010; Siemsen, Roth, Balasubramanian, Anand, 2009) и т.д. Несмотря на высокий интерес, многие аспекты безопасности всё ещё остаются недостаточно изученными, что не позволяет включить знания о них в практику её обеспечения. Это касается и вопросов корпоративной безопасности.

Публикации по соответствующей проблематике (Бородин, 2004; Краснянская, 2014; Тылец, Краснянская, 2011; Ernes, 2013) «обнажают» содержательную, структурную и функциональную сложность организационной реальности, распознаваемой и именуемой в качестве корпоративной безопасности. Данным понятием мы склонны обозначать характеристику особого состояния деятельности организации, позволяющего ей сохранять способности к стабильному функционированию, с одной стороны, и к неснижающемуся развитию в направлении достижения ключевой для неё цели, с другой стороны. При этом под стабильным функционированием понимается осуществление организацией деятельности непрерывной, с устойчивым качеством, без каких-либо существенных затруднений и срывов, в условиях защищенности от возможного негативного влияния факторов различной природы. Неснижающееся развитие в направлении достижения ключевой цели подразумевает, что организация продолжает непрерывно и поступательно совершенствоваться по ключевым параметрам, обеспечивая реализацию замысла своих создателей, синхронизируя содержание и качество деятельности с положениями своей миссии. Организационно-управленческой материализацией корпоративной безопасности является структура (или система), отвечающая за её уровень в конкретной организации. Сформулированная

интерпретация представляется удобной для избранной тематики нашего исследования, так как оставляет открытым вопрос об условиях достижения организацией состояния безопасности.

Содержательный анализ проблемы показывает, что необходимым аспектом корпоративной безопасности наряду с социальной, экономической, финансовой безопасностью с полным основанием может рассматриваться психологическая безопасность. Будучи своеобразной проекцией корпоративной безопасности в психологическом пространстве организации, на практике она обнаруживается единством поддержания психологического благополучия сотрудников и воспроизводства практики устойчиво стабильного функционирования и развития самой организации. Соответственно, можно утверждать, что психологическая безопасность в организации предполагает бесконфликтность её социального пространства, чёткость деятельности управленческой вертикали, постоянное приращение профессионализма кадров, устойчиво позитивный имидж производимых товаров (услуг), повышение компетентности персонала в сфере безопасности и прочие составляющие, способствующие её стабильной и расширяющейся деятельности. Среди комплекса факторов, определяющих уровень её поддержания в организации, рассмотрим роль особых феноменов, определяемых в качестве симулякров психологической безопасности.

Уточним, что категория «симулякр» для науки не является принципиально новой. На концептуальном уровне её содержание было прорисовано ещё в рамках научной теории идей Платона. На современном этапе в научный оборот она была введена Ж. Бодрийяром. Утвердившись изначально в философском исследовательском пространстве, симулякр обозначал собой некоторую псевдовещь, пустую форму, стереотип, образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишённое подлинника в жизненной реальности (Делез, 1998). При этом его использование ориентировалось преимущественно на разграничения по основным позициям подлинных объектов и их копий, образов, лишённых подобия, и оригиналов. Практически в этом же смысле категория «симулякр» использовалась в социологии и языкознании.

В нашем случае под симулякрами психологической безопасности в организации понимаются психические феномены (представления, потребности, ценности, стратегии), сущность которых радикально несовместима с целями обеспечения единства психологического благополучия сотрудников и воспроизводства практики устойчивого функционирования и развития этой организации. К категории симулякров психологической безопасности причисляются сформированные у субъектов образы необходимого построения деятельности организации, которые обладают для него высокой привлекательностью, яркостью, насыщенностью, иллюзорной актуальностью, но реально негативно отражаются на состоянии корпоративной безопасности. Являясь, по сути, представлениями о безопасности, значимыми для построения соответствующей

практики (Петренко, 1997; Середа, 2013; Тырскова, 2010), они диаметрально противоположны им по своей роли, не способствуют, а противодействуют достижению безопасности. Выявлению этих образований в их психологическом аспекте и было посвящено наше исследование.

Исследование проходило в течение пяти лет (2010–2014 гг.) и включало несколько этапов.

Начальный этап построения типологии симулякров психологической безопасности в организации предусматривал двухшаговое выполнение.

Первый шаг — ориентировочный — предполагал выявление основного массива феноменов, попадающих под категорию симулякров психологической безопасности организации. Для этого использовался опрос рядового и управленческого состава ряда мелких и крупных организаций Ставропольского края, производящих товары и оказывающих услуги (торговые, образовательные, транспортные, ремонтные). Респондентов ($n = 100$) просили обозначить необходимые для их организации изменения, способные повысить удовлетворённость её сотрудников и эффективность деятельности самой организации. Собранные материалы были подвергнуты содержательной группировке экспертами в сфере корпоративной безопасности. В состав экспертов из пяти человек вошли три психолога, специализирующихся в области организационной психологии, и два специалиста, отвечающих за безопасность в организации на протяжении более 5 лет. По итогам их работы был сформирован следующий начальный перечень категорий, претендующих на получение статуса симулякров психологической безопасности: повышение уровня зарплаты; создание системы корпоративных традиций и обычаев; активизация деятельности психолога по урегулированию взаимоотношений в коллективе; расширение мер поощрения и наказания; внедрение новых приоритетов деятельности персонала; изменение содержания и принципов трудовых отношений; введение четких критериев оценки результативности деятельности рядового и управленческого персонала; повышение качества производимой продукции / оказываемых услуг; гуманизация корпоративного пространства; построение имиджа организации, в которой выгодно и престижно работать.

Второй шаг — уточняющий — сводился к построению типологии симулякров психологической безопасности в организации. Уточнение симулякров психологической безопасности осуществлялось на выборке, которую составили сотрудники торговых (180 чел.), образовательных (167 чел.), транспортных (77 чел.) и ремонтных организаций (34 чел.) в возрасте от 25 до 55 лет. В выборку вошли примерно в равном соотношении мужчины и женщины (соответственно 211 и 247 чел.). Испытуемым предполагалось реализовать процедуру шкалирования степени соответствия компонентов разработанной экспертами типологии симулякров и реального состояния психологической безопасности организации. Использовалась 7-балльная шкала: 1 балл — полностью не соответствует

психологической безопасности, 7 — полностью соответствует психологической безопасности. При оценке соответствия рекомендовалось опираться на индивидуальное понимание психологической безопасности организации, связанной с удовлетворённостью её сотрудников и эффективностью деятельности самой организации. По итогам проведенной работы наименьшие оценки и статус симулякров психологической безопасности получили позиции, средняя оценка которых оказалась менее 4 баллов. В полученный список вошли: внедрение новых приоритетов деятельности, построение имиджа организации (1,6 балла — здесь и далее средняя по выборке оценка), введение четких критериев оценки результативности (2,4 балла), повышение уровня зарплаты (2,8 балла), расширение мер поощрения и наказания (3,4 балла), изменение содержания и принципов трудовых отношений (3,6 балла).

Полученные разновидности симулякров на содержательной основе были нами сгруппированы в три группы, образовавшие основные типы симулякров психологической безопасности организации: инновизирующие, стимулирующие и имиджевые.

Содержательный анализ данных типов симулякров сопровождался использованием некоторых значимых, с нашей точки зрения, характеристик их носителей: психологической готовности персонала к инновациям (измерение по методу самооценки), адаптивной способности и нервно-психической устойчивости персонала (измерение по многоуровневому личностному опроснику «Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина).

К симулякрам психологической безопасности в организации *инновизирующего типа* отнесены представления, потребности и ценности сотрудников, нацеленные на реализацию в ней стратегии повышения корпоративной безопасности посредством внедрения в систему функционирования новых приоритетов деятельности, содержания и принципов её построения, оценки результативности и т.д., но на практике приводящие к противоположному результату.

Обсуждение экспертами содержания и функциональных особенностей симулякра психологической безопасности данного типа показало, что внедрение инноваций с точки зрения решения задач корпоративной безопасности характеризуется неоднозначностью оценки своего результата, т.е. определённой полимодальностью.

С одной стороны, поиск и разработка руководством организации новых, уникальных методов, приёмов, средств построения деятельности может создать неплохую платформу для укрепления системы корпоративной безопасности. Кроме того, что по своей природе инновации объективно ориентируются на достижение большего соответствия практики функционирования организации реальным спросом на результаты её деятельности, они приводят к позитивным изменениям в настрое её кадрового состава. Это выражается в том, что любые изменения в условиях деятельности в некоторой степени «встряхивают» персонал

организации, заставляют каждого сотрудника заново переосмысливать свою позицию в трудовом коллективе, переоценивать своё соответствие предъявляемым к нему требованиям, целесообразность своих ожиданий и претензий к руководству. При этом становятся более очевидными пробелы в компетенциях, в деловых качествах, в установившейся коммуникации. Выявляются конфликты субъектных установок, ролевых позиций и т.д. Внедрение в деятельность организации оригинальных, качественно новых идей, приёмов и решений способно сформировать созидательный импульс обновления, активизировать нацеленность коллектива на изменения, мобилизовать у каждого адаптационную и творческую активность. В целом такие изменения создают многообещающую основу для построения стабильной деятельности и развития этой организации, а также её сотрудников. Достижение единства обозначенной симптоматики является важной основой для сохранения корпоративной безопасности.

С другой стороны, инновации могут и негативно отразиться на состоянии корпоративной безопасности. На это указывают многочисленные источники (Г. М. Андреева, В. И. Белоусов, Э. В. Галажинский, Ф. Генев, В. Е. Клочко, О. М. Краснорядцева и др.), освещающие психологические последствия внедрения новых, нестандартных и оригинальных идей и порядков в деятельность организации. Непродуманное использование разнообразных новшеств зачастую способно не вдохновить персонал на позитивные изменения, на самосовершенствование и совершенствование деятельности организации, а вызвать распространение в коллективе непродуктивного соперничества, конкуренции, конфликтности. Необходимость отстаивать своё первенство, «полезность», право остаться на рабочем месте порождает на субъектном уровне излишнюю напряженность, тревожность, агрессию, что несовместимо с психологической безопасностью личности. Подобная ситуация разлагает не только личность, но и коллектив, не повышает, а разрушает систему корпоративной безопасности.

Неоднозначность результатов внедрения инновационной стратегии требует определения условий перерождения позитивных представлений, потребностей, ценностей, стратегий персонала в этой сфере в симулякры психологической безопасности в организации. В качестве одного из таких условий нами установлена низкая психологическая готовность персонала к инновациям. Как показал корреляционный анализ, отсутствие у субъектов данного психологического новообразования приводит с достаточно высокой вероятностью ($r = 0,76$, $p \leq 0,0001$) к постановке ими низких (3 и менее баллов по 7-балльной шкале) оценок психологической безопасности в организации. Таким образом, инновационные представления, устремления, ценности персонала приобретают статус симулякров психологической безопасности в организации инновизирующего типа.

К симулякрам психологической безопасности в организации *стимулирующего типа* отнесены представления, потребности, ценности её сотрудников, связанные с использованием в целях корпоративной безопасности системы мер

поощрения и наказания. При этом они охватывают систему как материального, так и нематериального стимулирования сотрудников организации.

Как и в предыдущем случае, относить обозначенные психические образования однозначно к симулякрам психологической безопасности в организации не представляется возможным. Речь также идёт об определённой неоднозначности их функционирования в рассматриваемом контексте.

Анализ экспертами собранного эмпирического материала показал, что используемые в организациях стимулирующие системы способны значительно дисциплинировать персонал. Установлено, что грамотно выстроенное в организации стимулирование позволяет поддерживать все звенья управления и исполнения в «тонусе». Оно побуждает сотрудников более ответственно подходить к выполнению своих профессиональных обязанностей, более устойчиво заботиться о благополучии организации, поддерживать свою конкурентоспособность. На субъектном уровне оно формирует чувство удовлетворённости, уверенности в своих силах, способностях, доверие к руководству и коллегам и т.д. Позитивный эмоциональный фон позволяет ему не только переживать субъектное благополучие, но и всё более развиваться на личностном и профессиональном уровнях. В итоге человек работает с большей самоотдачей и эффективностью, что не может не сказаться позитивно на стабильности деятельности организации и дальнейшем её развитии, т.е. на корпоративной безопасности.

Система стимулирования, однако, может стать причиной обнаружения диаметрально обратного эффекта. Несправедливая, несбалансированная система поощрения и наказания легко разрушает психологическую безопасность в организации. Её сотрудников буквально «захлёстывают» представления о том, что они заслуживают за свою работу и что не заслуживают в этой сфере другие. Потребности в вознаграждениях принимают гипертрофированную форму. Их ценности, смещаясь с продуктивного уровня, оказываются дезориентированными и не способствующими личностному и профессиональному развитию. На первый план выходит получение большего материального вознаграждения или карьерного продвижения, а не качества профессиональной деятельности. В организации наблюдается рост межличностной конфликтности, разочарованности в справедливости, напряжённости в отношениях с коллегами и клиентами. В итоге на субъектном уровне обнаруживается прирост численности негативных эффектов — раздражительности, агрессивности, тревожности, стрессированности, психического выгорания. На объективном уровне происходит снижение стабильности и эффективности деятельности организации. Она не только перестаёт развиваться, но и сдаёт уже занятые ранее позиции на рынке товаров и услуг. В силу того, что следствием подобной ситуации является нарушение корпоративной безопасности, иницирующие её представления, потребности и ценности в сфере стимулирования превращаются в симулякры психологической безопасности в организации.

К важной предпосылке перехода продуктивных представлений, потребностей и ценностей в сфере организационного стимулирования в категорию симулякров психологической безопасности в организации стимулирующего типа мы отнесли заниженный уровень психологической адаптивности её сотрудников. Как было установлено по результатам корреляционного анализа, низкие адаптивные способности сотрудников (по методике МЛО-АМ) ($r = 0,42$, $p \leq 0,0001$) связаны с постановкой персоналом по шкалам стимулирования низких оценок психологической безопасности в организации. Таким образом, соответствующие представления, устремления, ценности и прочие психические образования в этой сфере приобретают статус симулякров психологической безопасности в организации стимулирующего типа.

К симулякрам психологической безопасности в организации *имиджевого типа* отнесены представления, потребности, ценности её сотрудников, связанные с использованием в целях корпоративной безопасности практики построения имиджа этой организации.

Признавая неоднозначность результатов имиджевой практики для достижения корпоративной безопасности, эксперты отметили свойственные ей значительные ресурсы для достижения в организации достаточного уровня психологической безопасности. Систематическая работа над имиджем организации может вселить уверенность и в клиентов, и в самих сотрудников в её текущей результативности, в высоком качестве товаров и услуг, в ожидающем её перспективном будущем, в возможностях расширения рынка спроса на услуги (товары). Итогом такой уверенности является позитивная социально-психологическая атмосфера в коллективе, оптимистичный настрой каждого сотрудника, его уверенность в своём текущем и будущем благополучии. Результатом подобного настроя выступает высокое качество работы, стремление развиваться и соответствовать позитивному имиджу организации, что образует в организации пространство психологической безопасности.

Обратный эффект представлений, потребностей, ценностей сотрудников, отражающих имиджевую политику организации, обнаруживается в признании её в качестве нереалистичной, лживой или неэффективной. Субъекты таких психических феноменов переживают разочарование в своём руководстве и в самой организации, в возможностях поддержания высокого уровня продуктивности её деятельности, в удовлетворении ею запросов сотрудников в создании комфортных и стабильных рабочих мест, в выполнении взятых обязательств по отношению к клиентам, своим сотрудникам и др. Итогом является появление тревожности, напряжённости, стрессованности, депрессивности, психического выгорания и т.д. Снижение психического благополучия персонала соответственно отражается на качестве его работы, что снижает объективную эффективность организации. Соответствующий комплекс представлений, потребностей и цен-

ностей, следовательно, относится к симулякрам психологической безопасности в организации имиджевого типа.

Было установлено, что превращение имиджевых представлений, потребностей и ценностей сотрудников организации в симулякры психологической безопасности имиджевого типа в большей мере свойственно субъектам, характеризующимся сниженным уровнем нервно-психической устойчивости (по методике МАО-АМ). По результатам корреляционного анализа можно утверждать, что низкий уровень данной характеристики личности с достаточно высокой вероятностью ($r = 0,51$, $p \leq 0,0001$) сопровождается постановкой субъектом по шкалам имиджевой политики низких оценок психологической безопасности организации (описание см. ранее). Таким образом, соответствующие представления, устремления, ценности и прочие психические образования в этой сфере приобретают статус симулякров психологической безопасности в организации имиджевого типа.

Обобщая результаты исследования, следует признать, что перерождение позитивных представлений, потребностей, ценностей персонала, касающихся инновационной, стимулирующей и имиджевой практики деятельности организации, связано с определёнными качествами личности. Согласно нашим данным, такими качествами выступают низкий уровень психологической готовности персонала к внедрению инноваций в деятельность организации, снижение у него адаптивности и нервно-психической устойчивости. Исходя из несовместимости психологической безопасности в организации и распространения в ней её симулякров, логично предположить, что повышение уровня инновационной готовности, адаптивности и нервно-психической устойчивости персонала организации позитивно отразится на уровне психологической безопасности в организации, а через неё — на уровне корпоративной безопасности.

Библиографический список

1. Благодырь, Е.М. (2012). Безопасное поведение человека: предметно-категориальное содержание в истории психологической науки. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, (1), 322–326.
2. Бородин, И.А. (2004). *Основы психологии корпоративной безопасности*. Москва: Высшая школа психологии.
3. Делез, Ж. (1998). Платон и симулякр. В *Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века* (с. 165–168). Томск: Водолей.
4. Дорощеева, Г.А., Гармонова, В.Е. (2009). Психосоматическое реагирование людей на экстремальность социокультурной ситуации. *Вестник Таганрогского государственного педагогического института*, (2), 310–312.
5. Ежовская, Т.И. (2008). Безопасность личности: система понятий. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, (4), 47–49.
6. Ковдра, А.С. (2012). *Временная перспектива как предиспозиция психологической безопасности личности*: дис. ... канд. психол. наук. Пятигорск.

7. Ковдра, А.С. (2011). Проблема безопасности в современной психологической науке. *Сборник научных трудов Sworld 2*, (20), 25–26.
8. Краснянская, Т.М. (2005). Закономерности самообеспечения безопасности. *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, 9 (53), 93.
9. Краснянская, Т.М. (2014). Правовое сознание персонала как фактор корпоративной безопасности *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, (61), 180–183.
10. Краснянская, Т.М. (2013). Компетентностный ресурс медиативного урегулирования конфликта в пространстве психологической безопасности его субъектов. *Прикладная психология и психоанализ*, (4), 2.
11. Петренко, В.Ф. (1997). *Основы психосемантики*. Смоленск: Изд-во Смоленского государственного университета.
12. Середа, Е.И. (2013). Базисные убеждения личности как внутренний ресурс её психологической безопасности. *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*, (8), 66–70.
13. Татьянченко, Н.П. (2010). *Психология обеспечения безопасности личности военнослужащих*. Калуга: ООО «Ваш Домъ».
14. Тылец, В.Г., Краснянская, Т.М. (2011). Проблемно-предметное поле психологического аудита безопасности организации. *Прикладная психология и психоанализ*, (1), 2.
15. Тырскова, А.Д. (2010). Представления о безопасности как основа поведения человека в незнакомых и сложных ситуациях. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, (3), 395–398.
16. Эксакусто, Т.В. (2010). *Теоретические основы социально-психологической безопасности*. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета.
17. Brascoupe, S. & Waters, C. (2009). Cultural Safety. Exploring the Applicability of the Concept of Cultural Safety to Aboriginal Health and Community Wellness. *Journal de la santé autochtone*, (2), 1–41.
18. Carmeli, A., Brueller, D. & Dutton, J.E. (2009). Learning behaviours in the workplace: The role of high-quality interpersonal relationships and psychological safety. *Systems Research and Behavioral Science*, (1), 81–89.
19. Ernes, D.E. (2013). *Health and Safety, a corporate culture*. Retrieved from http://www.protectair.com/fileadmin/dateien/protectair/dokumente/service/general_information/healthandsafety_knovel_whitepaper_42513.pdf.
20. Goldstein, S.E., Young, A. & Boyd, C. (2008). Relational Aggression at School. Associations with School Safety and Social Climate. *Journal of Youth and Adolescence*, (37), 641–654.
21. Guldenmund, F.W. (2007). The use of questionnaires in safety culture research — an evaluation. *Safety Science*, (45), 723–743.
22. Lu, C. & Tsai, C. (2008). The effects of safety climate on vessel accidents in the container shipping context. *Accident, Analysis and Prevention*, (2), 594–601.
23. Siemsen, E., Roth, A.V., Balasubramanian, S. & Anand, G. (2009). The influence of psychological safety and confidence in knowledge on employee knowledge sharing. *Manufacturing & Service Operations Management*, (3), 429–447.

Статья поступила в редакцию 23.11.2014.

.....

SIMULACRUM OF PSYCHOLOGICAL SAFETY IN ACTIVITIES OF THE ORGANIZATION

Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G.

Krasnyanskaya Tat'jana Maksimovna, the branch of Stavropol State Pedagogical Institute in Essentuki, str. Dolina Roz, 7, Essentuki, 357635, Stavropol, Russia. E-mail: ktm8@yandex.ru.

Tylets Valerij Gennad'evich, the branch of Stavropol State Pedagogical Institute in Essentuki, str. Dolina Roz, 7, Essentuki, 357635, Stavropol, Russia. E-mail: tyletsvalery@yandex.ru.

The article considers the psychological safety as an important aspect of corporate security. Under the corporate security it means characteristic of the specific state of the organization, allowing it to operate stably, on the one hand, and not to reduce the development towards a key goal for it, on the other hand. The specific objective of the article is to analyze the simulacra of psychological safety in the organization. Under the simulacra of psychological safety in the organization we refer to psychic phenomena, the essence of which is not compatible with the objectives of providing psychological well-being of employees and reproduction of sustainable functioning and development of the organization. The category of simulacra of psychological security is ranked as a subject formed by images of the organization, which have high appeal for him, but actually have a negative impact on the state of corporate security. In the empirical part of the study by the method of peer review it is identified and characterized innovating, stimulating and image types of simulacra of psychological safety in the organization. On a sample ($n = 458$), which includes employees of commercial, educational, transport and repair organizations in age from 25 to 55 years the scaling of components developed in typology of simulacra and the real state of psychological safety of organization is realized. It was found that the degeneration of positive perceptions, needs and values of staff regarding innovation, stimulating the practice and image of the organization, is associated with certain personality traits. These qualities of the survey was the low level of psychological readiness of personnel to innovation in the organization (measured by self-assessment), adaptive capacity and neuro-psychological stability of personnel (measured using a multi-level personality questionnaire "Adaptability" by A. G. Maklakov and S. V. Chermyanin). It is concluded that the possibility of raising the level of corporate security is possible through overcoming simulacra of psychological security.

Key words: security, corporate security, psychological security, simulacrum, personnel, innovation, promotion, image.

References

1. Blagodyr', E. M. (2012). Bezopasnoe povedenie cheloveka: predmetno-kategorial'noe soderzhanie v istorii psikhologicheskoy nauki [Safe behavior of a human: object-categorical content in the history of psychological science] *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University], (1), 322–326.
2. Borodin, I. A. (2004). *Osnovy psikhologii korporativnoy bezopasnosti* [Principles of psychology of corporate security]. Moskva: Vysshaya shkola psikhologii.
3. Deleuse, J. (1998). *Platon i simulyakr. V E. A. Nayman (sost.)* [Plato and simulacrum. In E. A. Nyman (ed.)]. *Intentsional'nost' i tekstual'nost'. Filosofskaya mysl' Frantsii XX veka* [Intentionality and textuality. Philosophical thought of the twentieth century in France] (p. 165–168). Tomsk: Vodoley.
4. Dorofeeva, G. A., Garmonova, V. E. (2009). Psikhosomaticeskoe reagirovanie lyudey na ekstremal'nost' sotsiokul'turnoy situatsii [Psychosomatic response of people to extreme

- socio-cultural situation] *Vestnik Taganrogskego gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Bulletin of Taganrog State Pedagogical Institute], (2), 310–312.
5. Ezhevskaya, T. I. (2008). Bezopasnost' lichnosti: sistema ponyatiy [Security of personal-ity: system of concepts] *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psycho law enforcement], (4), 47–49.
 6. Kovdra, A. S. (2012). *Vremennaya perspektiva kak predispozitsiya psikhologicheskoy bezopasnosti lichnosti* [Time perspective as a psychological predisposition of personal security]: dis. ... kand. psikhol. nauk. Pyatigorsk.
 7. Kovdra, A. S. (2011). Problema bezopasnosti v sovremennoy psikhologicheskoy nauke [The problem of security in the modern psychological science] *Sbornik nauchnykh trudov Sworld* [Collection of scientific works Sworld], 2 (20), 25–26.
 8. Krasnyanskaya, T. M. (2005). Zakonomernosti samoobespecheniya bezopasnosti [Laws of self-security] *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki* [Southern Federal University. Technical sciences], 9 (53), 93.
 9. Krasnyanskaya, T. M. (2014). Pravovoe soznanie personala kak faktor korporativnoy bezopasnosti [Legal consciousness of staff as a factor corporate security] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin St. Petersburg State University Russian Interior Ministry], (61), 180–183.
 10. Krasnyanskaya, T. M. (2013). Kompetentnostnyy resurs mediativnogo uregulirovaniya konflikta v prostranstve psikhologicheskoy bezopasnosti ego sub"ektov [Competence resource of a mediation settlement in the space of psychological safety of its subjects] *Prikladnaya psikhologiya i psikhoanaliz* [Applied psychology and psychoanalysis], (4), 2.
 11. Petrenko, V. F. (1997). *Osnovy psikhosemantiki* [Basics of psychosemantics]. Smolensk: Izd-vo Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta.
 12. Sereda, E. I. (2013). Bazyisnye ubezhdeniya lichnosti kak vnutrenniy resurs ee psikhologicheskoy bezopasnosti [Basic beliefs of the person as an internal resource of its psychological security] *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty* [Fundamental and applied research: problems and results], (8), 66–70.
 13. Tat'yanchenko, N. P. (2010). *Psikhologiya obespecheniya bezopasnosti lichnosti voenno-sluzhashchikh* [Psychology of personal security of soldiers]. Kaluga: OOO "Vash Dom".
 14. Tylets, V. G., Krasnyanskaya, T. M. (2011) Problemno-predmetnoe pole psikhologicheskogo audita bezopasnosti organizatsii [Problem and subject field of psychological security audit of organization] *Prikladnaya psikhologiya i psikhoanaliz* [Applied psychology and psychoanalysis], (1), 2.
 15. Tyrsikova, A. D. (2010). Predstavleniya o bezopasnosti kak osnova povedeniya cheloveka v neznakomykh i slozhnykh situatsiyakh [Perception of security as a basis of human behavior in unfamiliar and difficult situations] *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University], (3), 395–398.
 16. Eksakusto, T. V. (2010). *Teoreticheskie osnovy sotsial'no-psikhologicheskoy bezopasnosti* [Theoretical foundations of social and psychological security]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta.
 17. Brascoupé, S. & Waters, C. (2009). Cultural Safety. Exploring the Applicability of the Concept of Cultural Safety to Aboriginal Health and Community Wellness. *Journal de la santé autochtone*, (2), 1–41.

18. Carmeli, A., Brueller, D. & Dutton, J.E. (2009). Learning behaviours in the workplace: The role of high-quality interpersonal relationships and psychological safety. *Systems Research and Behavioral Science*, (1), 81–89.
19. Ernes, D.E. (2013). *Health and Safety, a corporate culture*. Retrieved from http://www.protectair.com/fileadmin/dateien/protectair/dokumente/service/general_information/healthandsafety_knovel_whitepaper_42513.pdf.
20. Goldstein, S.E., Young, A. & Boyd, C. (2008). Relational Aggression at School. Associations with School Safety and Social Climate. *Journal of Youth and Adolescence*, (37), 641–654.
21. Guldenmund, F.W. (2007). The use of questionnaires in safety culture research — an evaluation. *Safety Science*, (45), 723–743.
22. Lu, C. & Tsai, C. (2008). The effects of safety climate on vessel accidents in the container shipping context. *Accident, Analysis and Prevention*, (2), 594–601.
23. Siemsen, E., Roth, A.V., Balasubramanian, S. & Anand, G. (2009). The influence of psychological safety and confidence in knowledge on employee knowledge sharing. *Manufacturing & Service Operations Management*, (3), 429–447.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМИДЖА СТРАН В РОССИЙСКИХ И ТАЙВАНЬСКИХ ОНЛАЙН — СООБЩЕСТВАХ¹

**Крутий И. В., Красина О. В., Лозовая А. А., Ляо Да Чи,
Сан Джи Хванг, Чен Бо Ю**

Крутий Ирина Андреевна, центр социологических исследований «Мицар»,
140160, Россия, Московская область, г. Жуковский, ул. Дугина, 20, кв. 173.
Эл. почта: irinakrutiy@gmail.com.

Красина Ольга Владимировна, центр социологических исследований
«Мицар», 140160, Россия, Московская область, г. Жуковский, ул. Дугина, 20, кв.
173. Эл. почта: olga_krasina_5@hotmail.com.

Лозовая Анна Алексеевна, центр социологических исследований «Мицар»,
140160, Россия, Московская область, г. Жуковский, ул. Дугина, 20, кв. 173.
Эл. почта: lozovaya.anna.al@gmail.com.

Ляо Да Чи, Национальный университет им. Сунь Ят Сена, 70 Lienhai Rd.,
Kaohsiung 80424, Taiwan, R.O.C. Эл. почта: dachi.liao@gmail.com.

Сан Джи Хванг, Национальный университет им. Сунь Ят Сена, 70 Lienhai
Rd., Kaohsiung 80424, Taiwan, R.O.C. Эл. почта: syhwang@mis.nsysu.edu.tw.

Чен Бо Ю, Национальный университет им. Сунь Ят Сена, 70 Lienhai Rd.,
Kaohsiung 80424, Taiwan, R.O.C. Эл. почта: bychen76@staff.nsysu.edu.tw.

В основе статьи лежат результаты первого транснационального и междисциплинарного российско-тайваньского исследовательского проекта по тематикам национальной идентичности и онлайн-имиджа стран. Для получения представленных в статье результатов российскими и тайваньскими исследователями были разработаны собственные методологии анализа неструктурированной текстовой информации. Российские исследователи использовали метод построения ментальных моделей, сетевой и кластерный анализ, а также метод анализа тональности. Тайваньские ученые применяли для анализа текстовых массивов скрытое распределение Дирихле (LDA) и метод сантима-анализа.

Объектом анализа стали высказывания (комментарии, посты) участников интернет-сообществ России и Тайваня. Полученные результаты позволили определить сопоставимые тематики, ведущие концепты, непосредственно влияющие на формирование онлайн-образа стран в среде участников дискуссий, которые обсуждали события, связанные с имиджем собственной страны (Россия, Тайвань), а также соседних стран,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и научного фонда Тайваня в рамках международного российско-тайваньского научно-исследовательского проекта № 12–23–10003 «В поисках национальной идентичности и онлайн-образов: сравнительный анализ интернет-взаимодействий на примере российского и тайваньского сообществ».

таких как Китай, Япония. Выявленные тематики касались обсуждения взаимодействия собственной страны с ведущими странами Запада и Тихоокеанского региона, спорных территориальных вопросов, перспектив сотрудничества, торговли, экспортных возможностей, а также регионального развития, развития технологий и партнерства.

Анализ текстовой информации, размещенной в интернет-сообществах на протяжении нескольких лет, позволил определить временную динамику изменения имиджа стран, выявить устойчивые тематики, обсуждаемые постоянно и рассматриваемые в исследовании в качестве «ядра» онлайн: имиджа страны в дискуссиях интернет-пользователей. Были определены неизменные ключевые концепты — «элементы ядра» и прослежена динамика изменений их тональности (эмоциональной окраски).

Ключевые слова: имидж государства, интернет-сообщество, Россия, Тайвань, ментальные модели, сетевой анализ, анализ тональности, сотрудничество, экономическое развитие, взаимодействие, Китай, Япония.

В начале XXI в. наблюдается процесс, который специалист по коммуникационным исследованиям Клей Ширкли назвал «тектоническим сдвигом в социальных, экономических и политических процессах». Развитие Интернета сделало проще, чем когда бы то ни было, возможность самоорганизации и коллективных действий общества. Как утверждает социолог Мануэль Кастельс (Кастельс, 2000), мы вступили в новую эру — информационную, когда коммуникации дешевле, быстрее и эффективнее, когда общества организованы скорее по сетевому принципу, чем в форме иерархий. Понимание того факта, что цифровые технологии, и особенно Интернет, стали одним из важных направлений социальных взаимодействий, позволило в рамках совместного российско-тайваньского исследования в качестве одной из научных проблем обозначить вопросы влияния цифровых технологий / Интернета на процесс конструирования имиджа стран.

В качестве объекта сравнительного исследования в России была выбрана интернет-аудитория Живого журнала и социальных сообществ «ВКонтакте», а на Тайване — аудитория интернет-форумов РРТ.

Процессы глобализации, экономические, политические и культурные события, их обсуждение и субъективное восприятие онлайн-сообществом способствуют формированию определенного имиджа государств в интернет-пространстве. Кроме того, на имидж государства в субъективном восприятии оказывают влияние не только современные события, но и уже существующие «ярлыки», сложившееся восприятие, опыт взаимодействия стран друг с другом, существующий исторический фон и т.д.

В рамках данной статьи представлены результаты исследования, связанные с анализом образа государства у участников интернет-сообществ. Исследовался имидж не только собственного государства, но и соседних государств, таких как Китай, Япония. Эти страны являются соседними государствами и для России и для Тайваня.

Специфика исследования имиджа стран в рамках проведенного проекта

Имидж государства мобилен, подвержен изменениям в зависимости от происходящих в нем текущих процессов и отражает настоящее состояние дел в государстве. Часто имидж носит конкретизированный характер и связан с конкретными событиями, явлениями, процессами или даже участниками политических, экономических, социальных, культурных и иных процессов, когда в основе его находятся «ярлыки», легко прочитываемые, и с однозначным смыслом.

Учитывая, что проведенное исследование носило сравнительный характер и предполагало прежде всего оценку имиджа России и Тайваня на мировой арене, в качестве основных выступили параметры, связанные с международным или внешним имиджем государства. При оценке имиджа выделены три основных направления, которые в наибольшей степени отражены в дискуссии в рамках российского и тайваньского интернет-сообществ: сотрудничество, влияние, развитие.

Данные для исследования и дизайн методологии

Российскими исследователями в качестве платформы для исследования был взят Живой журнал (ЖЖ), имеющий свыше миллиона аккаунтов и по активности обсуждения социально-политической сферы занимающий первое место среди российских блог-платформ (Кольцова, 2012). Также анализировалась информация, обсуждаемая в сетевых сообществах «ВКонтакте».

В России сбор данных проводился в 2012, 2013 гг. и в первую половину 2014 г. Были проанализированы 2 357 статей и относящихся к ним постов, а также многочисленные дискуссии между участниками сетевых сообществ социальной сети «ВКонтакте».

На Тайване наиболее популярной формой сетей являются традиционные системы интернет-форумов или BBS. Исследование проводилось на основе информации, полученной с самой популярной BBS PTT станции, где зарегистрировано более 1,5 млн пользователей.

В ходе проекта с 2009 по 2012 г. тайваньские исследователи собрали посты, относящиеся к исследуемой тематике. Это включало 1 193 редакционные статьи из Liberty Times, 1 401 статью от United Daily News, материалы четырех политических дискуссий на страницах PPT, CrossStrait, KMT, DPP и HatePolitics.

Для анализа полученных текстовых массивов применяли метод контент-анализа, сетевого анализа, методы кластеризации и анализа тональности. Вместе с тем из-за отсутствия в настоящее время универсальных методов анализа текстов, написанных на разных языках, российские и тайваньские исследователи использовали различные методологические подходы.

Российские исследователи использовали метод построения ментальных моделей, метод сетевого анализа (кластеризация Ньюмана) и анализа тональности. Данные методы начали применяться в социальных исследованиях сравнительно недавно, что связано с необходимостью обработки огромных массивов текстовой неструктурированной информации. Методы разработаны в основном под англоязычные источники информации и пока слабо адаптированы под русские тексты. Поэтому при осуществлении проекта в соответствии с возникающими задачами была проведена либо доработка существующего программного обеспечения, либо разработка нового программного обеспечения.

Основой для построения ментальных моделей послужил подход, разработанный К. Карли. Согласно данному подходу при принятии решений или разговоре с собеседниками люди используют ментальные модели мира для оценки выбора и рамок обсуждения (Карли, 1992). Ментальные модели могут быть представлены в виде сетей (семантических структур). Письменные или устные заявления представляются в виде визуальной структуры, в которой заданы определенные понятия и отношения между ними.

Именно поэтому в методологию исследовательского проекта был включен сетевой анализ, позволивший построить семантические сети ориентированных графов, узлами которых стали концепты (смысловые единицы), а ребрами — семантические отношения (связи) между ними. Это помогло выяснить обсуждаемые темы, связанные с имиджем стран, ведущие тематические концепты (ключевые понятия) внутри темы. Важность концептов оценивалась с помощью таких показателей, как Out-degree, In-degree, Total degree, Betweens, а анализ тональности — sentiment analysis позволил получить эмоциональную оценку ведущих концептов, а также ее временное изменение, связанное с событиями, происходящими в мире и исследуемых странах.

Тайваньскими исследователями были применены иные подходы для анализа текстов. Темы, наиболее часто дискутируемые на форумах, анализировались методом скрытого распределения Дирихле (LDA), позволившим определить основную тематику опубликованных в Интернете статей, а также наиболее обсуждаемые темы в постах, так как не все вопросы, затронутые в опубликованных статьях, вызывают бурную дискуссию у участников интернет-сообществ. Для анализа тональности тайваньские исследователи использовали Словарь тональности, разработанный в Национальном университете Тайваня — Chinese Wordnet.

Тематики российских участников интернет-сообществ в 2013 г.

В 2013 г. российскими исследователями было получено 7 кластеров, связанных с социально-экономическими и политическими событиями и непосредственно влияющими на имидж России, Китая и Японии.

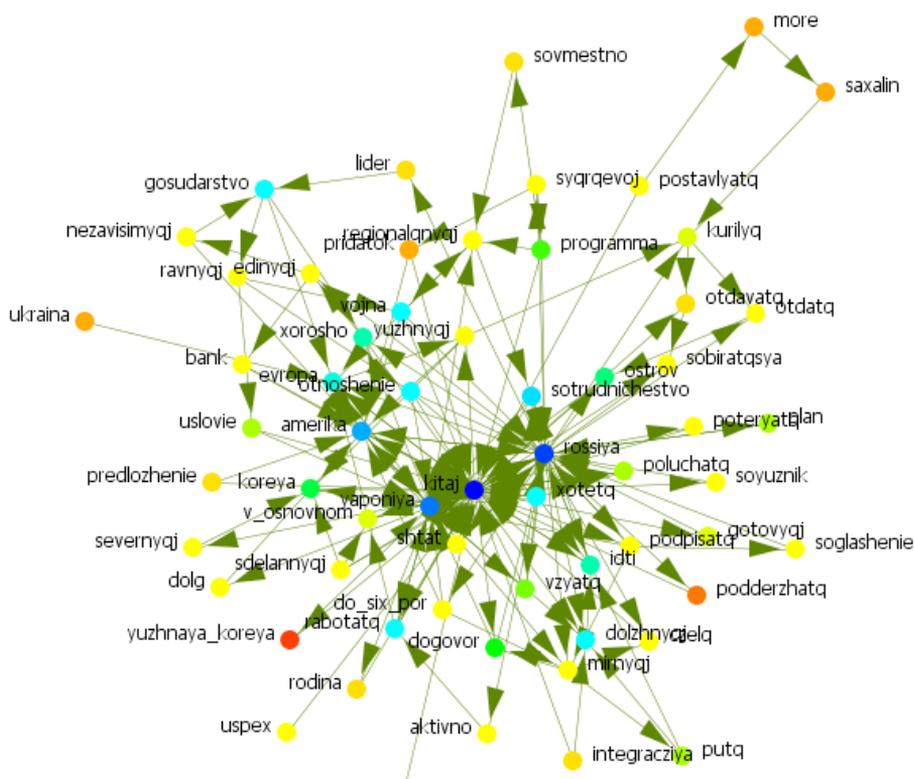

Рис. 1. Семантическая сеть первого кластера. Взаимодействие России, ведущих стран мира и стран Тихоокеанского региона

Первый кластер посвящен тематике «сотрудничество» и может быть обозначен как «взаимодействие России и ведущих стран мира и стран Тихоокеанского региона».

В данном кластере было определено два уровня взаимодействия — это мировой и региональный уровень.

Мировой уровень взаимодействия отражен в постах, дискуссии участников интернет-аудитории и оценке ею потенциала сотрудничества России с такими странами, как Китай, Америка, Япония, Южная Корея, Европа (она рассматривается как единое геополитическое образование). В центре внимания участников сетевых сообществ находятся прежде всего отношения России и КНР. И Россия, и Китай рассматриваются преимущественно в качестве стратегических и долгосрочных партнеров.

Их сотрудничество может позволить получить выгоды России, предотвратить военные конфликты, укрепить мировой статус. Но дискуссия о взаимоотношениях России и Китая неоднозначна, обсуждаются отсутствие действенной

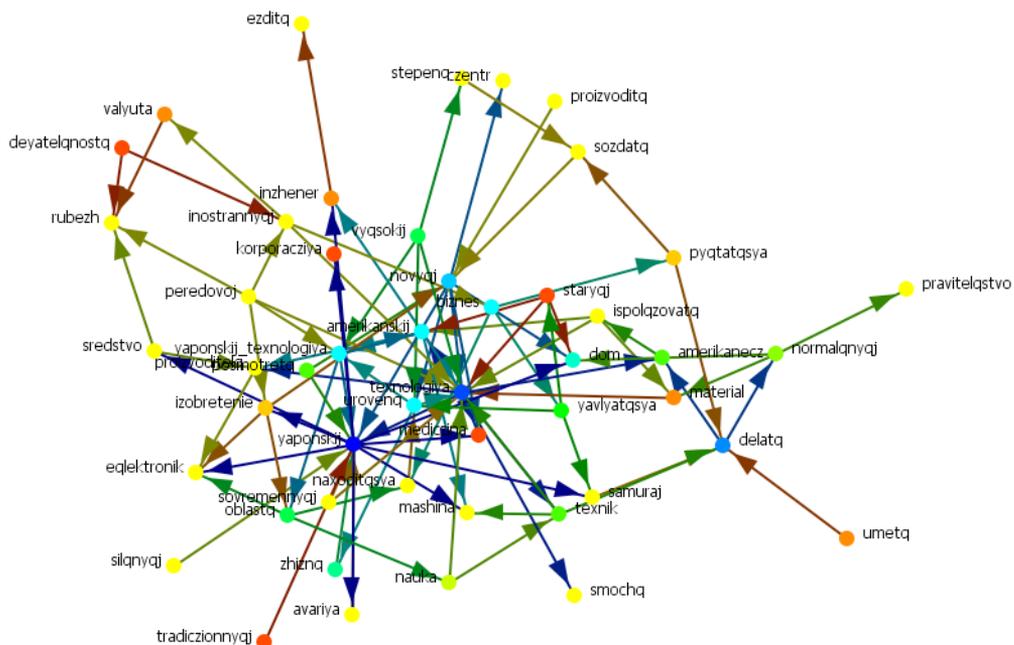

Рис. 2. Классер «Технологическое развитие»

стратегии развития, вопросы доверия между гражданами России и Китая, вопросы рыночных отношений, эффективности государственных решений.

Япония рассматривается через призму мирного договора, нерешенного территориального спора, касающегося Курильских островов. Но помимо этого, Япония российским интернет-сообществом воспринимается в качестве одной из ведущих держав в сфере технологического развития, качественных товаров и услуг.

Вопросы сотрудничества России с другими государствами и установления с ними взаимовыгодных отношений обсуждаются в контексте гарантии экономического развития России в мире вообще и Тихоокеанском регионе в частности. При рассмотрении вопросов о заключении договоров России с другими странами (Японией и Китаем) участники интернет-сообщества обеспокоены возможностью нарушения интересов России, т.е. заключения договоров на невыгодных для России условиях.

Во втором кластере, который был определен как «Технологическое развитие» посты участников интернет-сообществ затрагивают тематику технологического развития России (рис. 2).

Значимым в данном кластере представляется то, что наряду с преимуществами японских и американских технологий участники сообщества обсуждают ситуации, имеющие отношение к разработке, изобретению или внедрению

тельной мере зависит от заключенных контрактов с соседними приграничными государствами и от поступления иностранных валют — американского доллара и юаня. В постах данного кластера обсуждаются особенности российского экспорта и то, что решать вопросы технологического развития России часто приходится в одиночку.

В четвертом кластере, посвященном непосредственно экономическому сотрудничеству России и Китая, «российское» и «китайское» дискутируется через призму партнерского взаимодействия, рассматривается спектр возможных форм совместной деятельности. Российская «территория» оценивается в контексте экономической деятельности, таможенных процедур и существующих границ, а также обсуждаются российские и китайские рынки и товары. В то же время участники сообществ дают оценку преемственности российского и советского в экономическом сотрудничестве между Россией и Китаем.

С концептом «китайский» интернет-аудитория связывает в основном товары, производимые в КНР, которые, по мнению многих пользователей Интернета, не обладают высоким качеством, но заполняют российский рынок.

Оценка «российского» чаще всего связана с осуществляемой политикой правительства России как в отношении рыночных отношений с Китаем, так и опасения за сохранность российских территорий. Неоднозначно отношение интернет-аудитории к проблеме китайской миграции: с одной стороны, она рассматривается как экспансия, с другой — как вахтовая миграция: «жить в КНР, работать в России».

В кластере регионального развития дискуссия идет преимущественно о развитии двух крупных регионов на территории РФ, а именно Сибири и Дальнего Востока.

В обсуждениях участников сетевых сообществ, вошедших в пятый кластер, преимущественное внимание уделяется проблемам развития и освоения Дальнего Востока, и Сибири, указывается их значимость как фактора успешного развития России в целом.

Участниками сообществ обсуждается участие в освоении и развитии этих регионов РФ жителей и компаний Китая, и Японии. Основным направлением рассматривается развитие российского производства, вывод на внутренний рынок страны товаров местных производителей.

На уровне регионального развития выделяется дискуссионная пара «Дальний Восток» — «Сибирь». Тематика обоих регионов связана с вопросами развития и строительства, с дискуссией о перспективах освоения и роста Сибири, и Дальнего Востока РФ, строительства новых городов, развитием инфраструктуры, которая сейчас находится на низком уровне, создания рабочих мест.

Участники сетевых сообществ осознают влияние решений руководства Российского государства на развитие Сибири и Дальнего Востока, вопросов развития как инфраструктуры данных регионов, так и строительства газопроводов.

В рамках шестого кластера «Евразийская политика России» посты участников интернет-сообществ посвящены вопросам, касающимся политических вопросов, установления отношений, построенных на определенных правилах, проблеме создания Евразийского союза, соблюдения при этом суверенных прав государства и прав граждан каждой страны, влияние политических решений, принимаемых на уровне государственной власти на успех внешнеэкономической деятельности России.

Основное содержание сообщений участников интернет-сообщества, вошедших в кластер «Нефтегазовые ресурсы», связано с обсуждением российской сырьевой экономики, природных ресурсов России — нефти и газа. Эти ресурсы обсуждаются в направлении их освоения и дальнейшей разработки, установления цены, а также как факторы геополитического влияния.

Отношение к экспорту природных российских ресурсов нефти и газа на территории государств-соседей в Тихоокеанском регионе неоднозначно. Россия обсуждается как страна, экспортирующая в основном сырьевые товары и пополняющая государственный бюджет именно за счет этих ресурсов. В то же время из дискуссий не исключается позитивное влияние экспорта сырья на развитие российских технологий в сфере поставки и переработки сырьевых ресурсов.

Участники форумов обсуждают российскую ценовую политику, считая, что цены на данные ресурсы низкие, цена не всегда выгодна для России и переговоры по установке цены проходят довольно сложно. Одновременно оцениваются условия контрактов с Китаем и Японией, их аналогия с контрактами для европейских потребителей.

Оживленно ведутся дискуссии о том, как Китай будет использовать эти ресурсы. Низкие налоги, низкие цены на энергоносители, экономное и эффективное использование Китаем ресурсов, развитие им инновационных технологий и сотрудничество с Россией должны, по мнению участников сообществ, привести к успешному развитию технологий и инноваций, в том числе и на территории России. А строительство трубо- и газопроводов уже позитивно сказывается на российской экономике.

Сопоставление тем, обсуждаемых в российских и тайваньских интернет-средах

Российскими и тайваньскими исследователями был проведен сравнительный анализ обсуждаемых тем, который позволил выявить сопоставимые темы, касающиеся имиджа страны. К таким темам относятся:

- взаимодействие страны с ведущими странами Запада и Тихоокеанского региона;
- заключение мирного договора с Японией (Россия), спорные острова (Тайвань);
- сотрудничество с Китаем, перспективы экономического сотрудничества;
- китайская продукция, торговля (Россия, Тайвань);
- региональное развитие, освоение земель Дальнего Востока и Сибири (Россия), региональное экономическое развитие Тайваня;
- экспортные возможности России (в основном касающиеся экспорта сырья), экспортные возможности Тайваня;
- партнерство с Китаем (Россия, Тайвань);
- западные, японские и китайские технологии (Россия, Тайвань).

Ведущие концепты в данных тематиках остаются постоянными. Однако изменение ситуации на международном уровне либо внутри страны приводит к изменению тональности ведущих концептов, т.е. ухудшению или улучшению субъективного восприятия имиджа стран в рамках определенного вопроса.

Изменение тональности концептов Китай, Япония, Америка на примере ситуации, связанной со спорами вокруг островов Сенкаку (результаты, полученные тайваньскими исследователями)

Тайвань с Японией и Китаем связывают общая судьба, общая история, а также существующие политические и экономические связи. Отношения между странами часто были неоднозначны. Так, Тайвань был колонизирован Японией с 1895 по 1945 г. Стратегия влияния Японии на Тайвань прошла различные стадии, включая политику невмешательства, ассимиляции, а также политику коминка — преобразования в подданных императора. Политика коминка предполагала распространение японского языка, внедрение синтоизма и искоренение местных культов, смену имен жителей острова с китайских на японские, а также насаждение японского образа жизни.

В 1980-е гг. Япония уже не могла оказывать жесткого давления на жителей Тайваня, и начался другой этап развития взаимоотношений: трансляция японских телевизионных программ, фильмов, ввоз в страну большого количества коммерческих продуктов. В настоящее время японские передачи, супермаркеты, авто стали неотъемлемой частью жизни тайваньцев.

Китай, как и Япония, оказал и оказывает огромное влияние на жителей Тайваня. Китай, декларирует единство китайской нации (государственная нация) вне зависимости от того, где проживают китайцы, на материковом Китае или на Тайване. Национальность воспринимается как единство «крови и почвы», а ценность государства выше ценности места проживания.

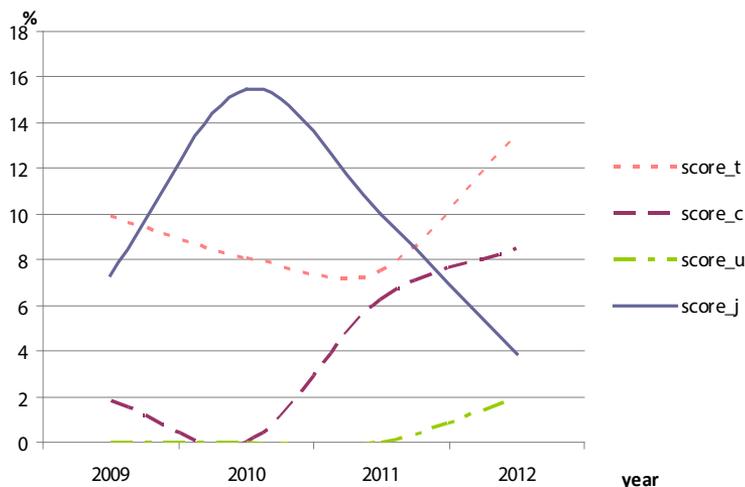

Рис. 4. Позитивное отношение к Тайваню, Китаю, США и Японии в диспуте по островам Сенкаку

Взаимоотношения между Тайванем и Китаем были крайне осложнены в XX столетии. Взаимоотношения между этими странами стали налаживаться около двадцати лет назад. В 1987 г. тайваньским гражданам было разрешено посетить материковый Китай и увидеть родственников. С тех пор Тайвань и Китай приложили значительные усилия для развития сотрудничества в области торговли, культуры на основе взаимного уважения. Для Тайваня Китай стал крупнейшим экспортным рынком, на который приходится почти 27 % всех тайваньских товаров.

Все эти факты не могли не отразиться на неоднозначном отношении жителей острова к Китаю и Японии и на том, как изменяется отношение к ним в связи с происходящими в регионе событиями.

Недавний территориальный спор между Японией, КНР и Тайванем о принадлежности островов Сенкаку касается не столько суверенитета над самими островами, которые не имеют особой хозяйственной ценности, сколько права на освоение ресурсов континентального шельфа Восточно-Китайского моря в районе расположения архипелага (Острова Сенкаку. История урегулирования, 2013). Определенные события, связанные с этими островами, вызывают увеличение числа публикаций и оживленную дискуссию внутри сети. Кроме того, в зависимости от происходящих событий, может меняться число негативных и позитивных откликов, меняться тональность участников дискуссий в ту или иную сторону.

Тайваньские исследователи, участвующие в проекте, изучили, как изменялся процент негативных и позитивных высказываний относительно Японии и материкового Китая в онлайн-дебатах, касающихся ситуации вокруг рыбных остро-

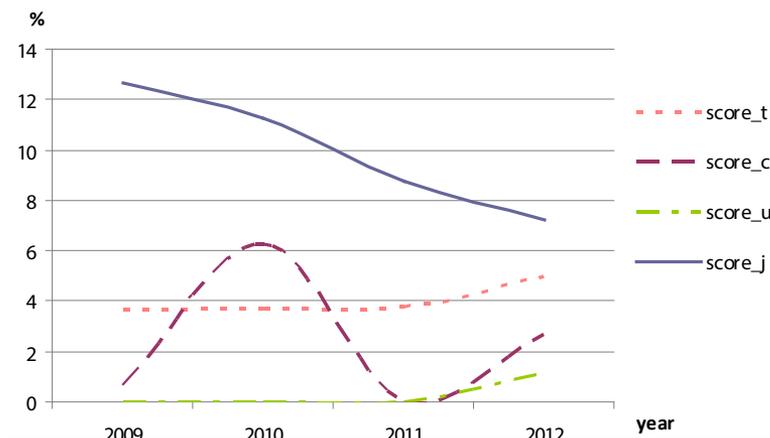

Рис. 5. Негативное отношение к Тайваню, Китаю, США и Японии в диспуте по островам Сенкаку

вов (о. Сенкаку) в течение четырех лет с 2009 по 2012 г. Как следует из рис. 4, после устойчивого роста в 2009 г. с 2010 г. наблюдалось снижение позитивного отношения к Японии. В 2010 г. японская береговая охрана столкнулась с китайской рыболовной лодкой, китайский капитан был задержан, что спровоцировало волну антияпонских протестов в Китае. И хотя произошел рост негативных высказываний в Интернете по поводу событий, развернувшихся вокруг островов, нельзя однозначно сказать, что со стороны онлайн-сообщества РТТ отношение к Японии стало хуже, чем до событий 2010 г. В целом количество отрицательных высказываний меньше положительных на 4 %.

В отношении Китая наблюдалась противоположная картина. В 2010 г. Китай оценивался негативно, а позитивных высказываний практически не было. Но после того как в 2012 г. правительство Японии предприняло попытку национализации островов Сенкаку, стало наблюдаться преобладание положительных оценок Китая — их количество на 5 % превысило число отрицательных оценок по отношению к Китаю в целом.

Изменение тональности высказываний российской аудитории в отношении концептов Россия, Китай, Япония при обсуждении вопросов, касающихся международного сотрудничества

Собранная на российских интернет-площадках информация по оценке имиджа страны участниками российских интернет-платформ и сообществ представлена двумя временными интервалами. Первый характеризуется тем, что в 2012–2013 гг. внешняя политическая ситуация вокруг России была относительно спокойной.

Динамика изменений тональности, %

Страна	Положительное отношение		Негативное отношение	
	2012–2013 гг.	2014 г.	2012–2013 гг.	2014 г.
Китай	43	36	36	38
Россия	19	46	46	28
Япония	32	50	32	32

В 2014 г. произошедшие на Украине события затронули область не только отношений России и Запада, но и повлекли за собой изменения в отношениях между Россией и странами Тихоокеанского региона.

Проведенный анализ обсуждаемых тем, связанных с особенностями происходящих политических, экономических и культурных событий, подтвердил, что в 2014 г. появились новые темы для обсуждения. В то же время он показал, что существуют стабильные темы, повторяющиеся из года в год и связанные с образом страны, с внешними, внутренними и международными аспектами. К этим темам относится и тема международных отношений, в которых Китай, Россия, Япония продолжают играть роль ведущих концептов.

Российские исследователи провели временной анализ изменения положительной и отрицательной оценки Китая, Японии и России в постах, размещенных в ЖЖ и в ВКонтакте (см. таблицу).

Полученные результаты анализа не показали прямой взаимосвязи между происходящими событиями и оценкой участниками интернет-дискуссий стран, в них участвующих.

Уменьшение позитивного отношения к Китаю в первой половине 2014 г. по сравнению с предыдущим периодом оценок может быть связано с тем, что, несмотря на общую договоренность о более тесном сотрудничестве и шаги, предпринимаемые властями России и Китая, не были точно определены условия развития отношений. Было непонятно, насколько эти отношения могут улучшить или ухудшить российскую экономику в целом, отсутствовала уверенность в намерениях Китая. В то же время рост негативных оценок был весьма незначителен, повысилась нейтральная, выжидательная оценка.

А вот рост позитивного отношения к России связан именно с ее активизирующейся деятельностью в Тихоокеанском регионе и с надеждами, направленными на развитие Сибири и Дальнего Востока.

Повысилась позитивная оценка Японии, это связано с ее уровнем технологического развития, а потенциальное сближение России с Японией воспринимается в качестве важного шага на пути развития экономических (технологических) отношений.

Таким образом, изменение позитивных и негативных оценок имиджа страны зависит от многих факторов: от существующей в обществе политической культуры, деятельности средств массовой информации и т.д.

Тем не менее полученные результаты подтвердили эффективность выбранных методологий, их способность выявлять основные направления дискуссии интернет-пользователей по поводу национального имиджа и описывать устойчивые, относящиеся к «ядру» тематики, а также отслеживать динамику изменения тональности в отношении современного имиджа стран и определять направления его изменения.

Библиографический список

1. Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: Канон-Пресс-Ц.
2. Антонова, Л.В. (1996). Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии. *Вопросы психологии*, (1), 131–143.
3. Кальстельс, М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Москва: ГУ ВШЭ.
4. Кольцова, О. (2012). Чем дышит блогосфера? К методологии анализа больших текстовых данных для социологических задач. В Шашкин А. В., Девятко И. Ф., Давыдов С. Г. (ред.) *Онлайн исследования в России 3.0* (с. 163–187). Москва: Online Market Intelligence.
5. Крутий, И.А., Красина, О.В., Лозовая, А.А. (2013). Студенческая интернет-среда России и Тайваня: взгляд на национальную идентичность. *Социология образования*, (8), 37–52.
6. Острова Сенкаку. История урегулирования. (2013). Режим доступа <http://www.geopolitics.ru/2013/02/ostrova-senkaku-dyaoyujdao/>
7. Carly, K. & Palmquist, M. (1992). Extracting, Representing and Analyzing Mental Models. *Social Forces*, 70 (3), 601–636.
8. Chu, Yun-han. (2004). Taiwan's National Identity Politics and the Prospect of Cross-strait Relations. *Asian Survey*, 44 (4), 484–512.
9. Castells, M. End of Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. Режим доступа <http://www.twirpx.com/file/603037/>
10. Greenfield, L. & Eastwood, J. (2007). National Identity. In Boix C., Stokes S. (eds), *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. Oxford; New York: Oxford University Press.
11. Hsieh, John Fuh-sheng. (2005). Ethnicity, National Identity, and Domestic Politics in Taiwan. *Journal of Asian and African Studies*, 40 (51), 13–28.
12. Hwang, Chi. (2005). Dimensions of Taiwanese/Chinese Identity and National Identity in Taiwan: A Latent Class Analysis. *Journal of Asian and African Studies*, 40 (51), 51–70.
13. Kang, Y. & Yang, K. (2011). The Rhetoric of Ethnic Identity Construction Among Taiwanese Immigrants in the United State. *The Howard Journal of Communications*, (22), 163–182.

14. Krutiy, I., Krasina, O. & Zangieva, I. (2010). Public diplomacy in constructing national image in world affairs: perspectives for Russia. In V. A. Mansurov (Ed). *Russian Sociology on the Move* (pp. 332–336). Moscow-Gothenburg.
15. Lin, Tse-min, Wu, Chin-En & Lee, Feng-Yu. (2006). Neighborhood Influence on the Formation of National Identity in Taiwan: Spatial Regression with Disjoint Neighborhoods. *Political Research Quarterly*, 59 (1), 35–47.
16. Lin, Tse-min, Yun-han, Chu & Melvin, J.H. (1996). Conflict Displacement and Regime Transition in Taiwan: A Spatial Analysis. *World Politics*, 48 (4), 453–481.
17. Wang, T.Y. & Liu, I–Chou. (2004). Contending Identities in Taiwan: Implications for Cross-strait Relations. *Asian Survey*, 44 (4), 568–590.
18. Wu, Yu-shan. (2000). Theorizing on Relations Across the Taiwan Strait: Nine Contending Approaches. *Journal of Contemporary China*, 9 (25), 407–428.
19. Chinese Wordnet. Retrieved from <http://lope.linguistics.ntu.edu.tw/cwn/licence>

Статья поступила в редакцию 20.11.2014.

.....

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMAGE OF THE COUNTRIES IN THE RUSSIAN AND TAIWANESE ONLINE COMMUNITIES

Krutiy I. A., Krasina O. V., Lozovaya A. A., Liao Da Chi, San Yin Hwang, Chen Bo Yu

Krutiy Irina Andreevna, the center for sociological research “MICAR”, 140160, Russia, Moscow region, Zhukovsky, str. Dugin, 20, square 173. E-mail: irinakrutiy@gmail.com.

Krasina Olga Vladimirovna, the center for sociological research “MICAR”, 140160, Russia, Moscow region, Zhukovsky, str. Dugin, 20, square 173. E-mail: olga_krasina_5@hotmail.com.

Lozovaya Anna Alekseevna, the center for sociological research “MICAR”, 140160, Russia, Moscow region, Zhukovsky, str. Dugin, 20, square 173. E-mail: lozovaya.anna.al@gmail.com.

Liao Da Chi, National Sun Yat-Sen University, 70 Lienhai Rd., Kaohsiung 80424, Taiwan, R. O. C. E-mail: dachi.liao@gmail.com.

San Yin Hwang, National Sun Yat-Sen University, 70 Lienhai Rd., Kaohsiung 80424, Taiwan, R. O. C. E-mail: syhwang@mis.nsysu.edu.tw.

Chen Bo Yu, National Sun Yat-Sen University, 70 Lienhai Rd., Kaohsiung 80424, Taiwan, R. O. C. E-mail: bychen76@staff.nsysu.edu.tw.

The core of the article is the results of the first transnational and interdisciplinary Russian-Taiwanese research project on the themes of national identity and online image of the countries. To obtain presents in the article results of the Russian and Taiwanese researchers have developed their own methodology for the analysis of unstructured textual information. Russian researchers used a method of constructing a mental model, network and cluster analysis, and the method of sentiment analysis. Taiwanese scientists were used for analyses of text arrays latent Dirichlet distribution (LDA) and the method of sentiment analysis. The object of the analysis was the statements (comments, posts) members of online communities of Russia and Taiwan. The results obtained allowed to identify a comparable subject, leading concepts that directly affect the formation of online image of the country among the participants, who discussed the events associated with the image of their own country (Russia, Taiwan), as well as neighboring countries such as China, Japan. Identified themes related to the discussion of the interaction of their own country with the leading countries of the West and the Pacific, territorial disputes, the prospects of cooperation, trade, export

opportunities, as well as regional development, technology development and partnership. The analysis of text information in the Internet community for several years has enabled us to determine the temporal dynamics of the image of the country, to determine the sustainable theme, constantly discussed and considered in the study as “core” online image of the country in discussions of the Internet users. Were the permanent key concepts of “core elements” and the dynamics of changes in their tone (emotional coloring).

Key words: the image of the state, the Internet community, Russia, Taiwan, mental models, network analysis, sentiment analysis, Russia, Taiwan, China, Japan, mental models, network analysis, sentiment analysis, cooperation, economics development, interaction.

References

1. Anderson, B. *Voobraghaemie soobshchestva. Razmyshleniya ob istokax i rasprostranenii nacionalizma* [Imagined communities. Reflections about origins and spread of nationalism]. Moscow: Kanon-Press-C, 2001.
2. Antonova, L.V. (1996). Problema lichnostnoi identichnosti v interpretacii sovremennogo psihoanaliza, interakcionizma i kognitivnoi psikhologii [The problem of personal identity in the interpretation of modern psychoanalysis, interactionism and cognitive psychology]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], (1), 131–143.
3. Castells, M. (2000) *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information age: economy, society and culture]. Moscow: State university — Higher school of economics.
4. Kolcova, O. (2012). Chem dyshit blogosfera? K metodologii analiza bolshih tekstovykh dannykh dlya sociologicheskikh zadach [What does the blogosphere breathe? The methodology for the analysis of large text data for the sociological tasks]. In Shashkin A.V., Devyatko I.F., Davidov S.G. (Eds.) *On-line issledovaniya v Rossii 3.0* [Online research in Russia 3.0], (pp. 163–187). Moscow: Online Market Intelligence.
5. Krutiy, I. A., Krasina, O.V., Lozovaya, A.A. (2013). Studencheskaya internet sreda Rossii i Taivanya: vzglyad na nacionalnyu identichnost [Student Internet environment of Russia and Taiwan: a view on national identity]. *Sociologiya obrazovaniya* [Sociology of education], (8), 37–52.
6. Ostrova Senkaku. Istoriya uregulirovaniya [The Senkaku Islands. The history of the settlement]. (2013). Retrieved from <http://www.geopolitics.ru/2013/02/ostrova-senkaku-dyaoyujdao/>
7. Carly, K. & Palmquist, M. (1992). Extracting, Representing and Analyzing Mental Models. *Social Forces* 70 (3), 601–636.
8. Chu, Yun-han. (2004). Taiwan's National Identity Politics and the Prospect of Cross-strait Relations. *Asian Survey*, 44 (4), 484–512.
9. Castells, M. End of Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. Режим доступа <http://www.twirpx.com/file/603037/>
10. Greenfield, L. & Eastwood, J. (2007). National Identity. In Boix C., Stokes S. (eds), *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. Oxford; New York: Oxford University Press.
11. Hsieh, John Fuh-sheng. (2005). Ethnicity, National Identity, and Domestic Politics in Taiwan. *Journal of Asian and African Studies*, 40 (51), 13–28.
12. Hwang, Chi. (2005). Dimensions of Taiwanese/Chinese Identity and National Identity in Taiwan: A Latent Class Analysis. *Journal of Asian and African Studies*, 40 (51), 51–70.

13. Kang, Y. & Yang, K. (2011). The Rhetoric of Ethnic Identity Construction Among Taiwanese Immigrants in the United State. *The Howard Journal of Communications*, (22), 163–182.
14. Krutiy, I., Krasina, O. & Zangieva, I. (2010). Public diplomacy in constructing national image in world affairs: perspectives for Russia. In V. A. Mansurov (Ed). *Russian Sociology on the Move* (pp. 332–336). Moscow-Gothenburg.
15. Lin, Tse-min, Wu, Chin-En & Lee, Feng-Yu. (2006). Neighborhood Influence on the Formation of National Identity in Taiwan: Spatial Regression with Disjoint Neighborhoods. *Political Research Quarterly*, 59 (1), 35–47.
16. Lin, Tse-min, Yun-han, Chu & Melvin, J.H. (1996). Conflict Displacement and Regime Transition in Taiwan: A Spatial Analysis. *World Politics*, 48 (4), 453–481.
17. Wang, T.Y. & Liu, I-Chou. (2004). Contending Identities in Taiwan: Implications for Cross-strait Relations. *Asian Survey*, 44 (4), 568–590.
18. Wu, Yu-shan. (2000). Theorizing on Relations Across the Taiwan Strait: Nine Contending Approaches. *Journal of Contemporary China*, 9 (25), 407–428.
19. Chinese Wordnet. Retrieved from <http://lope.linguistics.ntu.edu.tw/cwn/licence>

НЕ/УСТОЙЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

.....

Оберемко О. А., Силаева В. Л.

Оберемко Олег Алексеевич, Центр социального предпринимательства и социальных инноваций Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 9/11.
Эл. почта: ooberemko@hse.ru.

Силаева Виктория Леонидовна, Центр социального предпринимательства и социальных инноваций Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, 115054, Россия, Москва, ул. М. Пионерская, д. 12.
Эл. почта: vsilaeva@hse.ru.

В статье рассматривается экономическая самостоятельность социальных предприятий, решающих социальные проблемы на пересечении рыночного, некоммерческого и государственного секторов. Авторы учитывают неоднозначность определения понятия «социальное предприятие» и в качестве рабочего используют определение международной ассоциации «Ашока». Для выборки объектов исследования использована база данных членов «Ашока» — крупнейшей некоммерческой организации, оказывающей поддержку лидерам социального предпринимательства по всему миру. С мая по ноябрь 2012 года из 38 стран было получено 128 анкет, заполненных в режиме онлайн на английском и испанском языке по выбору респондента. Выборка респондентов и процент возврата заполненных анкет обусловлен методическими ограничениями интернет-исследования и общим характером объекта исследования.

Проверен ряд гипотез о финансовой и организационной устойчивости, проанализированы бизнесориентированные взгляды общепризнанных лидеров социального предпринимательства.

Обнаружено, что финансовая устойчивость социальных предприятий зависит от диверсифицированного спроса на производимые товары и услуги; предприятие более устойчиво, если его клиенты представляют, как минимум, два сектора из четырех выделенных: государственный сектор, частный (коммерческий) сектор, некоммерческий сектор и индивидуальные клиенты.

подавляющее большинство социальных предпринимателей выразили твердые ориентации на ведение бизнеса; примерно лишь каждый десятый указал финансовую по-

¹ Исследование проводилось в Центре социального предпринимательства и социальных инноваций Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Москва, Россия; директор — Александра Александровна Московская. Эл. почта: amoskovskaya@hse.ru.

Финансовую поддержку исследования осуществлял Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», Россия. URL: <http://www.nb-fund.ru/>.

мощь от государства или благотворительных организаций в качестве главного условия организационной и/или финансовой устойчивости.

Поддерживаемое ассоциацией «Ашока» движение социального предпринимательства явно представляет собой глобальную целевую инициативу. Каждые два из трех социальных предприятий создавались собственными усилиями; остальные — при поддержке партнерских некоммерческих и коммерческих организаций.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, финансовая и организационная устойчивость.

Введение

Недавно «социальные предприятия» получили международное признание как «инновационная предпринимательская инициатива», направленная на борьбу с широким кругом социальных проблем (Ohana, Meyer, Swaton, 2012, p. 1093), черпающая необходимые ресурсы из всех трех указанных секторов и даже из различий между ними, «использующая рыночные методы достижения социально полезных результатов» (Luke, Vien Chu, 2013, p. 765) или «использующая бизнес в качестве инструмента социального развития» ([Dart, 2004, p. 421], цит. по: [Luke, Vien Chu, 2013, p. 765])². Размытость этого понятия обусловлена тем, что представители всех трех секторов «сводят к нему любую организацию, которая внедряет новшества или занимается коммерческой деятельностью в социальных целях» (Ridley-Duff, Bull, 2011, p. 1).

Появление термина «социальное предпринимательство» по меньшей мере частично вызвано отсутствием точного значения понятия «социального предприятия». При определении социального предпринимательства зачастую делается упор на (а) различии между законным, т.е. формально присвоенным статусом предприятия, чья деятельность может и не иметь ничего общего с обычной предпринимательской деятельностью, но выступать образцом предприятия, функционирующего ради достижения социально полезных целей; (б) возможности непосредственно менять наличное положение вещей, а не просто поддерживать социально незащищенные группы на уровне выживания (Dees, 1998; Thompson, 2002; Nicholls, 2010a, 2010b; Weerawardena, Sullivan Mort, 2006).

Было бы нецелесообразно и дальше рассматривать различные определения, поскольку точное определение понятий, используемых в данной статье, обусловлено выбором в качестве эмпирического объекта для исследования лауреатов международной некоммерческой организации «Ашока» («Ashoka Innovators for the Public»), отобранных по всему миру из числа «лучших предпринимателей», ориентированных на решение социальных проблем. По определению «социальные предприниматели» — это «лица, предлагающие инновационные решения самых острых социальных проблем... социальные предприниматели выступают инициаторами общественных изменений, используя упущенные

² См. подобные подходы: (Barraket et al., 2010; Talbot et al., 2002; Ridley-Duff, Bull, 2011; Dees, 1998; Emerson, Twersky, 1996).

другими возможности улучшить системы, разработать новые подходы и найти способы изменить общество к лучшему» [Ашока].

Выборка строилась на основе открытых списков лауреатов в номинации «Инновации для общества»³. Сначала на каждом континенте (Азия, Африка, Европа, Северная и Южная Америка) было случайным образом отобрано по 10 стран, затем в каждой стране случайным образом отбирались по 30 лауреатов, которым были отправлены приглашения участвовать в исследовании. Процент возврата заполненных анкет составил всего 8%⁴, так что результаты лишь очень условно репрезентируют глобальную картину социального предпринимательства на момент проведения исследования.

Выбор устойчивости социальных предприятий в качестве предмета исследования обусловлен рисками, которым подвержены любые малые субъекты инновационной экономической деятельности: как некоммерческие организации (Лебедева, 2010; Мерсиянова, Якобсон, 2011), так и коммерческие (Варданян, 2014; Карманова, 2014 (Karmanova); Брялина, 2014 Bryalina; Тореев, 2008). Эти риски могут грозить социальным предпринимателям подчинением крупным игрокам любого рода — спонсорам, поставщикам, даже посредникам. Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы раскрыть любые прямые или косвенные индикаторы зависимости социального предпринимательства, будь то социальная, организационная или финансовая зависимость.

Конечно, мы осознаем, что никакое предприятие не может быть совершенно независимым: предприятие вынуждено сотрудничать с другими агентами, поскольку его место на рынке и возможности достичь успеха обусловлены углубляющимся разделением труда и пролиферацией рыночных сегментов, которые в свою очередь увеличивают взаимную зависимость предприятий как в экономическом плане (рыночная конъюнктура, поставки, качество товаров и услуг партнеров, конкурентов и т.д.), так и в организационном (организационный изоморфизм).

Финансовая устойчивость

На прямой вопрос об организационной независимости 94% социальных предпринимателей дали положительный ответ. Ни один из «зависимых» социальных предпринимателей не указал на свою принадлежность к определенным государственным учреждениям, но некоторые указали на связь с некоммерче-

³ <https://www.ashoka.org/fellows>

⁴ Для опроса в относительно однородном социально-культурном ареале такой уровень возврата непозволительно низок; однако для глобального опроса тот результат, возможно, и не плох, поскольку опыт показал, что включенность в глобальную партнерскую сеть НКО не гарантирует ту самую социально-культурную однородность, которая могла бы обеспечить больший отклик.

скими организациями и предприятиями смешанного — частно-государственного типа.

В то же время около трети заявивших о своей независимости сообщили о своей аффилированности с более крупными организациями национального или международного масштаба, следовательно, можно сделать вывод, что аффилированность не лишает лидеров социального предпринимательства субъективного чувства собственной автономности.

Другими словами, практически все исследованные нами социальные предприниматели действуют как самостоятельные единицы или фирмы. Их финансовая устойчивость может быть определена как возможность диверсификации и клиентов, и источников финансирования.

«Устойчивость экономических связей с покупателями и потребителями товаров предприятия» (Лазарев, 2008, с. 78) — это ключевой момент для коммерческого предприятия, которое многократно увеличивает собственное значение, переходя в разряд социального. Экономическая устойчивость — это гораздо более сложная проблема для предприятий среднего и малого бизнеса, потому что крупные предприятия обладают более широким набором способов адаптации к критическим изменениям окружающих условий; для предприятий малого и среднего бизнеса и в частности для малых предприятий, такие способы адаптации, как «диверсификация товаров, работ и услуг, расширение рыночных отношений, оптимизация структуры основных производственных фондов», недоступны (Корчагина, 2005).

Возможный способ повышения устойчивости социального предпринимательства — диверсификация клиентов. Исходя из ответов респондентов на вопрос: «Кто является основным клиентом/потребителем товаров или услуг вашей организации?», мы выявили 4 категории социальных предприятий, у которых есть:

1) клиенты — организации из государственного сектора: правительства; (региональные и федеральные) министерства; высокопоставленные должностные лица; чиновники и т.д.;

2) клиенты — организации из частного (коммерческого) сектора: предприниматели, дилеры по продаже автомобилей и аксессуаров; переработчики мусора; частные предприятия и т.д.;

3) клиенты — организации из некоммерческого сектора: Фонд Уолмарт; Фонд социального предпринимательства и т.д.;

4) индивидуальные клиенты: бедняки, студенты, родители детей с ограниченными возможностями, безработные и т.д.

Подобная категоризация позволяет в определенной степени диверсифицировать торговые операции социальных предпринимателей, т.е. оценить риски зависимости социальных предпринимателей от узкоспециализированных

Таблица 1

Диверсификация торговых операций социальных предпринимателей с их основными клиентами, количество = 100 (%)

Клиенты, относящиеся к	Доля социальных предпринимателей, %
1-му (государственному) сектору	0
2-му (коммерческому) сектору	8
3-му (некоммерческому) сектору	5
Индивидуальным клиентам	23
1-му и 2-му секторам	2
1-му и 3-му секторам	3
1-му сектору и индивидуальным клиентам	5
2-му и 3-му секторам	7
2-му сектору и индивидуальным клиентам	7
3-му сектору и индивидуальным клиентам	23
Любое сочетание 3 типов	17
<i>Всего</i>	100

сегментов рынка (табл. 1). Логично предположить, что риски, препятствующие постановке и достижению целей, увеличиваются, если клиентская база ограничена, в частности, когда контрагенты относятся к одному сектору.

Почти две трети социальных предпринимателей (64%) имеют клиентов в более чем одном секторе, что означает их потенциальную устойчивость. Индивидуальные клиенты являются самыми распространенными (73%).

Клиентами около 23% социальных предпринимателей выступают государственные учреждения федерального или регионального уровня. Как показывает практика, взаимодействие с государственными учреждениями отнюдь не означает, что социальный предприниматель может быть единственным владельцем государственных ресурсов. Например, в базе данных есть сведения о социальном предпринимателе, который взаимодействовал с полицией и семьями полицейских в целях предотвращения в них домашнего насилия и суицидов. Это тот случай, когда социальный предприниматель работает над решением социальных проблем внутри государственного сектора.

Структура источников формирования бюджета — еще один важный индикатор финансовой устойчивости. Чрезмерная финансовая поддержка, оказываемая очень влиятельным (например, любой уровень государственной власти) или состоятельным субъектом, рассматривается как риск для финансовой (а также организационной) устойчивости.

Таблица 2

Доля социальных предприятий, в структуре дохода которых имеются источники, обеспечивающие свыше 30% общего дохода,%

Доля в структуре дохода социального предприятия	Государственные субсидии и дотации	Взносы и дотации некоммерческих организаций	Взносы коммерческих организаций	Членские взносы, вклады учредителей или собственников	Всего
Свыше 30 %	7	16	5	3	31
В том числе и свыше 50 %	7	8	2	2	19

Почти 3/4 социальных предпринимателей не получают субсидий от государства (на любом уровне), и только 7% (табл. 2) наполовину и более финансируются за счет государственных субсидий и дотаций. Конечно, щедрые государственные дотации не являются единственным риском зависимости. Если предположить, что каждый источник финансирования (включая коммерческие и даже некоммерческие организации), постоянно обеспечивающий по меньшей мере половину бюджета социального предпринимателя, делает его положение уязвимым, нам придется признать устойчивыми огромное количество социальных предпринимателей.

Даже по самым пессимистичным оценкам, не более 19% социальных предпринимателей могут быть отнесены к группе, подверженной риску финансовой неустойчивости в условиях, когда бюджет более чем наполовину формируется за счет только одного источника. И это очень пессимистичный расчет, поскольку он будет верным, только если во всех случаях за множеством «некоммерческих организаций», «коммерческих организаций», «членов» и «учредителей» (см. заданные в табл. 2 источники) скрываются единоличные спонсоры.

Неуспешная попытка рассчитать кумулятивный индекс «политики создания тепличных условий»

С помощью прямых вопросов об отношении к идее постоянного финансирования социальных предпринимателей государством или благотворительными организациями была предпринята попытка оценить риски потенциально организационно независимых социальных предприятий. Только 5% респондентов согласились, что «социальные предприятия должны функционировать под руководством государства», 10% полагают, что «социальные предприятия должны финансироваться благотворительными организациями», а те, кто считает, что финансировать должны и те, и другие, составили 12%.

Твердые бизнес-ориентированные взгляды выразили 73% респондентов: «Социальные предприниматели должны сами знать, как зарабатывать деньги». Среди тех 27%, отвергнувших идею самодостаточности социальных предприни-

мателей, не оказалось ни одного, кто согласился бы связать свою деятельность одновременно и с государством, и с благотворительными организациями.

Это значит, что по меньшей мере 88 % социальных предпринимателей более-менее бизнес-ориентированы, включая те 73 % с твердыми бизнес-ориентированными взглядами.

Кроме того, 2/3 социальных предприятий создавались собственными усилиями; данный факт демонстрирует, что социальное предпринимательство — это проявление глобальной целевой инициативы. Остальные социальные предприятия создавались при финансовой поддержке партнерских организаций. В половине случаев поддержку оказывали некоммерческие организации; в 80 % случаев — одновременно некоммерческие и коммерческие организации. Таким образом, 2-й и 3-й секторы способствуют зарождению социальных предприятий. Поэтому нет смысла возобновлять дискуссии по поводу ситуации с принадлежащими государствам некоммерческими организациями и африканскими и азиатскими странами, чувствительными к этому вопросу (Naim, 2007; Al-Najjar, 2008; Wilson, 2012).

Была предпринята попытка рассчитать кумулятивный индекс всех признаков, которые, вероятно, помогли бы обнаружить прочную зависимость между деятельностью социальных предприятий и внешними влиятельными игроками. Были выбраны следующие признаки для построения шкалы суммарных оценок:

- 1) самооценка организационной автономии;
- 2) наличие государственных органов в числе основных клиентов/получателей товаров/услуг;
- 3) выраженное согласие с утверждением: «Социальные предприятия должны функционировать под руководством государства/должны финансироваться государством»;
- 4) выраженное согласие с утверждением: «Социальные предприятия должны финансироваться благотворительными организациями»;
- 5) выраженное несогласие с утверждением: «Социальные предприниматели должны сами знать, как зарабатывать деньги»;
- 6) превышающая 30 % доля государственных субсидий и дотаций в бюджете социального предпринимателя;
- 7) выделение поддержки некоторых государственных должностных лиц или представителей политической элиты в качестве очень важного или просто важного фактора для создания социального предприятия;
- 8) выделение поддержки некоторых государственных должностных лиц или представителей политической элиты в качестве очень важного или просто важного фактора для успешного функционирования социального предприятия в современном мире;

9) указание на активную поддержку со стороны государства/общественных организаций в процессе создания и становления социального предприятия;

10) указание на то, что покровительствующая организация выступает донором или инвестором социального предприятия;

11) указание на то, что покровительствующая организация выступает клиентом социального предприятия;

12) указание на то, что покровительствующая организация выступает поставщиком товаров или услуг для социального предприятия.

Каждый указанный признак снижает организационную устойчивость на 1 балл. В целях расчета кумулятивного индекса, необходимого для выявления социальных предприятий, подверженных нерыночным тенденциям, были проверены все возможные комбинации, но это не принесло никаких результатов: подавляющее большинство социальных предприятий (90–95 %) не набрало больше 3 баллов, и только у одного оказалось рекордное количество баллов — 6 (из 12 возможных).

Выводы

Финансовая устойчивость социальных предприятий как субъектов, «использующих рыночные методы достижения социально полезных результатов», «представляющих ценность для клиентов», сильно зависит от стабильности спроса на производимые товары и оказываемые услуги, которая является пред-условием диверсификации клиентов. Почти 2/3 «лучших предпринимателей» «Ашока» могут быть признаны устойчивыми при наличии клиентов, представляющих как минимум 2 сектора из 4 выделенных: организации из государственного сектора, из частного (коммерческого) сектора, из некоммерческого сектора и индивидуальные клиенты. Индивидуальные клиенты составляют значительную часть клиентуры 3/4 социальных предприятий. Кроме того, свыше 90 % социальных предприятий располагают бюджетом с диверсифицированной структурой.

Стремление получать финансовую помощь от государства или благотворительных организаций было прямо выражено у 12 % лидеров социального предпринимательства. По меньшей мере 88 % социальных предпринимателей более или менее бизнесориентированы, включая 73 % с твердыми бизнесориентированными взглядами.

Поддерживаемое ассоциацией «Ашока» движение социального предпринимательства явно представляет собой глобальную целевую инициативу. 2/3 социальных предприятий создавались собственными усилиями; остальные — в основном при поддержке партнерских некоммерческих и коммерческих организаций.

Библиографический список

1. Брялина, Г. И. (2014). Инновационные возможности российского малого бизнеса. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, (1), 85–96.
2. Варданян, И. С. (2014). Развитие малого и среднего бизнеса в России. *Менеджмент в России и за рубежом*, (1), 28–35.
3. Карманова, Н. Е. (2014). Малый бизнес — немалая проблема. *ЭКО*, (1), 179–189.
4. Корчагина, Е. В. (2005). Экономическая устойчивость предприятия: виды и структура. *Проблемы современной экономики*, (3/4), 23–27.
5. Лебедева, И. С. (2010). Барьеры развития межсекторного социального партнерства: региональный аспект. *Идеи и идеалы*, 2 (2), 97–73.
6. Мерсиянова, И. В., Якобсон, А. И. (2011). Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем. *Вопросы государственного и муниципального управления*, (2), 5–24.
7. Тореев, В. Б. (2008). Барьеры на пути малого бизнеса. *Экономическая наука современной России.*, (4), 67–85.
8. Al-Najjar Baqer Salman. (2008). Civil society in the Arab world: a reality that needs re-forming. *Contemporary Arab Affairs*, 1 (1), 43–54.
9. Ashoka. What is a Social Entrepreneur? Retrieved from https://www.ashoka.org/social_entrepreneur
10. Barraket, J., Collyer, N., O'Connor, M. et al. (2010). Finding Australia's social enterprise sector. Retrieved from <http://www.socialtraders.com.au/sites/www.socialtraders.com.au/files/FASES%20full%20final%20report%20July%202010.pdf>
11. Dart, R. (2004). The legitimacy of social enterprise. *Nonprofit Management & Leadership*, 14 (4), 411–424.
12. Dees, J.G. (1998). The meaning of “social entrepreneurship”. Retrieved from http://www.caseatduke.org/documents/dees_SE.pdf
13. Defourny, J., Develtere, P., Fonteneau, B. & Nyssens, M. (Eds.). (2009). *The worldwide making of the social economy, innovations and changes*. Leuven, Belgium: Acco.
14. Emerson, J. & Twersky, F. (1996). *New Social Entrepreneurs: The Success, Challenge and Lessons of Nonprofit Enterprise Creation*. San Francisco, CA: Roberts Foundation.
15. Herranz, J., Council, L. & McKay, B. (2011). Tri-value organization as a form of social enterprise: The case of Seattle's FareStart. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 40 (5), 829–849.
16. Lazarev, V. (2008). Methodological and theoretical fundamentals of stability of the enterprise. *J. of Economics and Management*, (4), 74–85.
17. Luke, B. & Vien Chu. (2013). Social enterprise versus social entrepreneurship: An examination of the “why” and “how” in pursuing social change. *International Small Business Journal*, 31 (7), 764–784.
18. Miller, T.L., Grimes, M.G., McMullen, J.S. & Vogus, T.I. (2012). Venturing for others with heart and head: how compassion encourages social entrepreneurship. *Academy of Management Review*, 37 (4), 616–640.
19. Naím, M. (2007). What is a GONGO? How government-sponsored groups masquerade as civil society. Retrieved from http://www.foreignpolicy.com/articles/2007/04/18/what_is_a_gongo

20. Nicholls, A. (2010a). The legitimacy of social entrepreneurship: Reflexive isomorphism in a pre-paradigmatic field. *Entrepreneurship Theory & Practice*, 34 (4), 611–633.
21. Nicholls, A. (2010b). Institutionalizing social entrepreneurship in regulatory space: Reporting and disclosure by community interest companies. *Accounting Organizations and Society*, 35 (4), 394–415.
22. Ohana, M., Meyer, M. & Swaton, S. (2012). Decision-Making in Social Enterprises: Exploring the Link Between Employee Participation and Organizational Commitment. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 42 (6), 1092–1110.
23. Ridley-Duff, R. & Bull, M. (2011). *Understanding Social Enterprise: Theory and Practice*. London: Sage.
24. Talbot, C., Tregilga, P. & Harrison, K. (2002). *Social Enterprise in Australia: An Introductory Handbook*. Adelaide: Adelaide City Mission.
25. Weerawardena J. & Sullivan Mort, G. 2006. Investigating social entrepreneurship: A multidimensional model. *Journal of World Business*, 41 (1), 21–35.
26. Wilson, S. (2012). China's state in the trenches: a Gramscian analysis of civil society and wrights-based litigation. *Protosociology: An International Journal of Interdisciplinary Research*, 29, 57–75.

Статья поступила в редакцию 20.11.2014.

.....

UN/SUSTAINABILITY OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIPS: SOME NOTES AFTER A PILOT SURVEY

Oberemko O. A., Silaeva V. L.

Oberemko Oleg Alekseevich, Centre for Social Entrepreneurship and Social Innovation,
National Research University Higher School of Economics, 101000, Russia, Moscow,
str. Mjasnickaja, d. 9/11. E-mail: ooberemko@hse.ru.

Silaeva Victoria Leonidovna, Centre for Social Entrepreneurship and Social Innovation,
National Research University Higher School of Economics, 115054, Russia, Moscow,
str. M. Pionerskaja, 12. E-mail: vsilaeva@hse.ru.

The paper reveals some aspects of social entrepreneurs' contextual relationship, taking into account their multifaceted nature shaping in line with the task of solving social problems at the crossroads of market, not-for-profit and state institutions. Take into account a fuzzy nature of "social enterprise" as a phenomenon and concept, the authors use its working definition by the International Association "Ashoka".

The analysis is based on the data of a trial self-administered questionnaire survey. As the sampling frame we used the database of the fellows of Ashoka's International network — a largest organization supporting the leaders of social entrepreneurship worldwide. From May to November of 2012 128 filled online questionnaires were received from 38 countries; the choice of English or Spanish was optional. The used sampling procedures and the response rate of the completed questionnaires are partly predetermined by methodical limitations of Internet research and the very nature of the subject matter explored.

Apart with testing a global data collecting procedure, the survey allowed testing several hypotheses on financial and organizational sustainability, and pro-business attitudes of the globally recognized leaders of the social entrepreneurship. Particularly it is found that financial sustainability of a social enterprise depends on a scale of diversified demand for manufactured goods and services: a social enterprise is more stable if its customers belong, at least, to some two from the three economy sectors: public sector, private (commercial) sector, nonprofit sec-

tor with individual clients. The vast majority of social entrepreneurs expressed their strong orientation of doing business; only about one in ten have financial assistance from the government or charitable organizations as the main condition for organizational and/or financial stability.

Supported by the association «Ashoka» social entrepreneurship movement is clearly a global task initiative. Two out of three social-enterprises created by their own efforts; others — with the support of partner non-profit and commercial organizations.

Key words: social entrepreneurship, financial and organizational stability.

References

1. Bryalina, G.I. (2014). Innovacionnye vozmozhnosti rossijskogo malogo biznesa [The Innovative Capabilities of Russian Small Business]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Jekonomika* [Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics], (1), 85–96.
2. Vardanyan, I.S. (2014). Razvitie malogo i srednego biznesa v Rossii [Developing Small And Medium Business In Russia]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and Abroad], (1), 28–35.
3. Karmanova, N.E. (2014). Malyj biznes — nemalaja problema [Small Business is a Big Problem]. *EKO* [EKO], (1), 179–189.
4. Korchagina, E.V. (2005). Jekonomicheskaja ustojchivost» predpriyatija: vidy i struktura [Economic Stability Of The Enterprise: Types And Structure]. *Problemy sovremennoj jekonomiki* [Problems of Current Economics], (3/4), 23–27.
5. Lebedeva, I.S. [2010]. Bar'ery razvitija mezhsektornogo social'nogo partnerstva: regional'nyj aspekt [Barriers to the Development of Cross-Sectoral Social Partnership: A Regional Perspective]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2 (2), 97–73.
6. Mersiyanova, I.V. & Yakobson, L.I. (2011). Sotrudnichestvo gosudarstva i struktur grazhdanskogo obshhestva v reshenii social'nyh problem [Cooperation Between the State and Civil Society Concerning Social Problems]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija* [Issues of State and Municipal Management], (2), 5–24.
7. Toreev, V.B. (2008). Bar'ery na puti malogo biznesa [Barriers to Small Business]. *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii* [Economics of Contemporary Russia], (4), 67–85.
8. Al-Najjar Baqer Salman. (2008). Civil society in the Arab world: a reality that needs reforming. *Contemporary Arab Affairs*, 1 (1), 43–54.
9. Ashoka. What is a Social Entrepreneur? Retried from https://www.ashoka.org/social_entrepreneur
10. Barraket, J., Collyer, N., O'Connor, M. et al. (2010). Finding Australia's social enterprise sector. Retried from <http://www.socialtraders.com.au/sites/www.socialtraders.com.au/files/FASES%20full%20final%20report%20July%202010.pdf>
11. Dart, R. (2004). The legitimacy of social enterprise. *Nonprofit Management & Leadership*, 14 (4), 411–424.
12. Dees, J.G. (1998). The meaning of “social entrepreneurship”. Retried from http://www.caseatduke.org/documents/dees_SE.pdf
13. Defourny, J., Develtere, P. , Fonteneau, B. & Nyssens, M. (Eds.). (2009). *The worldwide making of the social economy, innovations and changes*. Leuven, Belgium: Acco.

14. Emerson, J. & Twersky, F. (1996). *New Social Entrepreneurs: The Success, Challenge and Lessons of Nonprofit Enterprise Creation*. San Francisco, CA: Roberts Foundation.
15. Herranz, J., Council, L. & McKay, B. (2011). Tri-value organization as a form of social enterprise: The case of Seattle's FareStart. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 40 (5), 829–849.
16. Lazarev, V. (2008). Methodological and theoretical fundamentals of stability of the enterprise. *J. of Economics and Management*, (4), 74–85.
17. Luke, B. & Vien Chu. (2013). Social enterprise versus social entrepreneurship: An examination of the “why” and “how” in pursuing social change. *International Small Business Journal*, 31 (7), 764–784.
18. Miller, T.L., Grimes, M.G., McMullen, J.S. & Vogus, T.I. (2012). Venturing for others with heart and head: how compassion encourages social entrepreneurship. *Academy of Management Review*, 37 (4), 616–640.
19. Naím, M. (2007). What is a GONGO? How government-sponsored groups masquerade as civil society. Retrieved from http://www.foreignpolicy.com/articles/2007/04/18/what_is_a_gongo
20. Nicholls, A. (2010a). The legitimacy of social entrepreneurship: Reflexive isomorphism in a pre-paradigmatic field. *Entrepreneurship Theory & Practice*, 34 (4), 611–633.
21. Nicholls, A. (2010b). Institutionalizing social entrepreneurship in regulatory space: Reporting and disclosure by community interest companies. *Accounting Organizations and Society*, 35 (4), 394–415.
22. Ohana, M., Meyer, M. & Swaton, S. (2012). Decision-Making in Social Enterprises: Exploring the Link Between Employee Participation and Organizational Commitment. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 42 (6), 1092–1110.
23. Ridley-Duff, R. & Bull, M. (2011). *Understanding Social Enterprise: Theory and Practice*. London: Sage.
24. Talbot, C., Tregilga, P. & Harrison, K. (2002). *Social Enterprise in Australia: An Introductory Handbook*. Adelaide: Adelaide City Mission.
25. Weerawardena J. & Sullivan Mort, G. 2006. Investigating social entrepreneurship: A multidimensional model. *Journal of World Business*, 41 (1), 21–35.
26. Wilson, S. (2012). China's state in the trenches: a Gramscian analysis of civil society and wrights-based litigation. *Protosociology: An International Journal of Interdisciplinary Research*, 29, 57–75.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕТРОСПЕКЦИЯ ПРОБЛЕМ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

.....

Гомцяи О. А.

Гомцяи Овсеп Арамаисович, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: ovsep86@mail.ru.

В статье рассматривается тема трансформационных процессов в социуме, происходящих на просторах постсоветской России, влияние трансформаций на образование, разные теоретические подходы к процессам этой трансформации. Выделяются два направления трансформации — технологические и социальные, актуализирующие вопросы адаптации участников социальных отношений. Анализируются пять моделей трансформации: модель «рыночного социализма», «государственно-корпоративная», «бархатной революции», «шоковой терапии», «романтическая модель». Освещается точка зрения В. А. Ядова на трансформации в российском обществе, связанные с понятием «динамический хаос».

Раскрываются позиции М. Делягина, С. Глазьева, А. Бузгалина, других исследователей, исходящих из методологии теории «мир-системного анализа» (А. Франк, И. Валлерстайн). Здесь трансформация выступает как отражение общемировых глобализационных тенденций, столкнувшихся со спецификой социокультурного контекста. Рассматривается позиция Б. Кагарлицкого, направленная на термин «бюрократический капитализм», порождающий «периферийный капитализм»: суть — реставрация и смена декораций при неизменности содержания, связанной с отставанием, произошедшим при переходе стран на периферию относительно «центра».

Основная трудность — Россия чрезмерно развита для периферийной страны. Индустриально развитым странам Запада Россия пока нужна лишь как поставщик природных ресурсов и рынок сбыта.

Россия находится в полосе затяжного кризиса, носящего системный характер. В государстве не сформировались ни результативная система современных общественных институтов, ни гражданское общество. Человеческий потенциал страны в условиях кризиса заметно понизился. Все это — результат приобретения Россией периферийного статуса в мире после периода бурных перемен, ввергших общество в процессы на мировой арене, связанные с глобализацией.

Ключевые слова: трансформация, системный кризис, реформа, социальный регресс, технологическая деградация.

Социальная реальность Российской Федерации претерпевает изменения. Эти изменения происходят в глобальном пространстве трансформаций всей миросистемы. И конечно, изменения страны связаны с тем, как трансформируется миросистема в целом на глобальном уровне, в которой существует страна. Однако страна имеет свою специфику претерпевания этих изменений, причем

специфика российских изменений связана с нарастанием специфической неопределенности. В отличие от общемировых изменений миросистемы и сопряжённой с ними степенями временной неопределенности, при относительной устойчивости мировых социально-политических систем в силу регулирующей роли правовой культуры их общества, силе модернизационного потенциала, идущего снизу от гражданских субъектов, присовокупляющих свой потенциал, нацеленный на изменения, к потенциалу властных структур и укорененности в прошлом их опыта специфического государственного устройства с развитой субъектной активностью граждан в правовых, экономических и культурных полях глобального пространства. Эта специфическая затяжная социальная неопределенность носит именно в России характер стимула, детерминирующего процессы, близкие к перманентному кризису, рискующие перерасти в состояние динамического хаоса. Это в определенном, несколько обобщенном контексте выделял на уровне генерализованного смысла российских трансформаций еще В. А. Ядов. По мнению ряда авторов, проблемные точки, влияющие на периодически возникающие затяжные кризисные состояния в процессе трансформации российской социальной реальности, связанные с низкой правовой культурой и слабой развитостью потенциала гражданских сил, действующего снизу, есть не что иное, как ошибки строительства социализма в прошлом и возвращение в капитализм (Шалимова, 2010). Причем это возвращение в капитализм весьма специфичное — периферическое. С точки зрения В. Г. Федотовой, нынешний капитализм изменился и приобрел сегодня своеобразную форму, в которой просматривается зарождение социального сценария будущей культурно-архаичной феодализации, или превращения нового технически развитого мира именно в культурном отношении в третий мир, новый третий мир, однако с выраженными признаками архаизации, и потому управление архаизацией предстает управлением современной модернизацией и возвращением прошлого в специфичных формах, не уничтожающих настоящего, но носящих явный отпечаток этой выраженной архаики прошлого (Федотова, 2013).

Дело в том, что российской трансформации пошло уже третье десятилетие, и фактически все это время можно констатировать наличие системного кризиса. Несмотря на точку зрения некоторых ученых и заверения политиков, трудно согласиться с тем, что удалось нащупать путь выхода из этого положения. Такого же мнения придерживаются и видные отечественные обществоведы В. Ядов, Т. Заславская, З. Голенкова и др. Определимся с понятиями. Понятие «модернизация» возникло после Второй мировой войны и приобрело практический смысл, им обозначалась политика осовременивания отстающих или слабо развитых стран третьего мира. Но прежде всего радикальная трансформация государств фашистского блока и превращение в осовремененные государства предполагали усвоение правил, норм и специфики институтов по образцу современных западно-демократических обществ с их цивилизационными особенностями, ассоциируемое с проведением либерально-демократических реформ и де-

легируванням суб'єктної активності представителів громадянського суспільства; оно означало і процеси, що відбуваються в посткомуністических суспільствах. При цьому навязуване на глобальному рівні копіювання західних образців по типу «Вашингтонського консенсуса» не обов'язково приводить до модернізації, да і сама модернізація може відбуватися, минула лібералізацію суспільної життя. В цьому і є парадокс, який опровергає базовий постулат теорії модернізації о необхідному відповідності друг другу рівня розвитку технологічного виробництва, існуючого типу соціальної організації і типу свідомості (обумовленого певною розвитістю культури). В силу цього в російській соціальної дійсності неоліберальні практики реформування економіки в обхід адекватної демократизації і без належного стимулювання розвитку структур громадянського суспільства привели до бурному зростанню проявлень тіньового бізнесу, втілюванню витончених корупційних, шахрайських схем і криміналізації (подібна позиція в стосунку цього поняття представлена Обуховим-Ядовим). В. Г. Федотова зв'язує поняття модернізації з залежністю від процесів, що відбуваються в полі культури. Цей автор представляє зв'язи процесів модернізації і культури: 1) стимулювання розгортання процесу формування модерністської західної культури в результаті самої соціальної модернізації; 2) процес модернізації сфер суспільства, не затрагиваючий культури і по цій причині чреватий срывом; 3) процес верховенства традиційної культури над модернізацією, проведеної неграмотно або занадто швидко; 4) урахування власної культури, незмінності національно-культурної ідентичності при реалізації процесу модернізації незахідних країн; 5) прийняття в розрахунок в процесі модернізації побутової, повсякденної культури людей, особливо господарюючих суб'єктів; 6) значущість невідомості модернізаційної культури до західної, формування нових модернізаційних культур (Востока, окремих країн); 7) створення модернізаційних культур незахідних країн на основі традиційної культури і здійснення зв'язаних з цим нових соціальних завдань. По думці В. Г. Федотової перехід на шлях посткомуністического розвитку, обумовив такий процес розвитку, зобразно котрому Росія опинилася перед завданням переходу від догоняючого, неорганічно-мобілізаційного розвитку до органічно-інноваційного. Для адекватного здійснення такого переходу необхідно було не просто поощряти інновації, а стимулювати формування інститутів інновацій, до котрим крім ринку відносяться наука і освіта, в те час як всі зусилля зосредоточили виключно на стимуляції інновацій на просторах ринкової економіки. Крім того, Федотова відзначає національний характер, який приймає модернізація, і зародження ознак соціальної архаїзації, в частині проявлення культурно-архаїчних феодальних рис організації суспільств (Федотова, 2012; Федотова, 2013). В. Ядов визнає більш адекватним визначення модернізації як «зростання здібностей до соціальним перетворенням» (тут він посилається на позицію І. Роксборо)

и вспоминает мировоззренческую установку Т.И. Заславской, которая упомянутое определение дополняет выделением главного вектора развития современных обществ: повышение конкурентоспособности в глобальной миросистеме. Указание на то, что при модернизации значимы способности к социальным преобразованиям, говорит о важности способностей к осуществлению трансформаций, ибо преобразования и есть трансформации. Само понятие «трансформация» происходит от латинского *transformatio*, что означает «преобразование». Преобразование социальных институтов, социальных структур нередко сопровождается ломкой их основ, т.е. их коренной ломкой. Ч.К. Ламажаа определяет социальные трансформации как процесс структурных изменений общественного состояния, а саму трансформацию — как базовые качественные изменения. Когда в основе социальной реальности происходят сдвиги, их отзвуки обычно чувствуются во всех сферах социальной жизни, трансформируют ее важнейшее сущностное качество (Ламажаа, 2011). Понятие «кризис», в свою очередь, представляет собой весьма специфический режим функционирования системы (или одной из фаз ее развития), в ходе реализации которого система трансформируется и становится неспособной адекватно и полноценно осуществлять свои функции и ее функционирование воплощается в высокой степени неопределенности и непредсказуемости, а также в наличии случайных элементов в такой форме, при которой обычная деятельность теряет свою адекватность (Шалимова, 2010).

Необходимо заметить, что процесс социальной трансформации и процессы модернизации генерализованно изучали многие авторы, как отечественные, так и зарубежные, однако осталась неохваченной проблема целостного ретроспективного аналитического обзора социальных трансформаций, которые произошли в России постсоветского периода. Принято считать, что трансформационный процесс нацелен прежде всего на новое качество, а значит на выработку новых целей и формирование новых специфических способов их достижения в ходе диалектического преодоления элементов старого порядка (Мячин, 2007).

В.А. Ядов считает, что российский социум находится в высокоактивной стадии социальных трансформаций, когда нестабильность трансформируемой социальной системы близка к состоянию «динамического хаоса». Именно этим Россия «отличается от стабильно трансформирующихся обществ с прогрессирующей экономикой и устойчивой социально-политической системой» (Ядов, 2002).

Ядов рассматривает трансформации в процессе модернизации системно, выделяя культурные, экономические и политические поля, в которых функционируют субъекты любого общества. Трансформации российской социальной реальности он анализирует в контексте глобальной миросистемы, подчеркивая особую российскую специфику. Глобальную систему мира, влияющую на систему Российского государства, ученый представляет как относительно неустойчивое образование экономического, политического и культурного полей. В. Ядов особо

эксплицитует мировоззренческую установку, согласно которой определяющая роль в трансформациях принадлежит нормативным правилам, их содержанию и степени принудительности, регулируемости ограничений свободы в тех или иных полях. Эти нормативные правила, осуществляющие регулятивные функции в реализации процесса взаимодействия национально-государственных и транснациональных субъектов на экономических, культурных и политических полях, отличаются не только специфическим содержанием, но и той степенью принудительности, которая их характеризует: в экономическом поле — наиболее высокой степенью принудительности, в политическом поле — ситуативно гибкой, в сфере культуры — минимальной. Согласно этой позиции, особенности любых трансформаций определяются и взаимодействием между тремя полями — экономическим, политическим, культурным, специфика которого различна. При этом важно, что политико-экономические коалиции стран образуют узлы взаимосвязей, которые потенциально и реально фрагментируют миросистему, а транснациональные корпорации (финансовые и энергетические в первую очередь) навязывают свои правила, успешно негласно конкурируя за это право с международными институтами (ООН), а также специализированными структурами под ее юрисдикцией. В силу этого особо значимо и то, что так называемая глобальная культура, в которой существует и Россия, на деле предстает максимально локальной, ядро цивилизационных и влиятельных западных, преимущественно национальных, культур выступает как более устойчивое к внешним воздействиям, нежели их периферия. Все эти особенности глобальной миросистемы влияют на специфику существования системы российской социальной реальности. В. Ядов рассматривает специфику российских трансформаций в контексте методологии трех модальностей социальной специфики правил, согласно которым существует общество: регулирующая функция правил, санкционные особенности, связанные с соблюдением правил, так называемая специфика режима правил и грамматика правил, т.е. их усвоение в процессе социализации или полное их игнорирование. При этом ученый подчеркивает особенности модернизации российской социальной реальности, «национальный стиль» развития страны в миросистеме. Этот стиль характеризуется тем, насколько жестко или нежестко навязываются миросистемой собственные правила стране и какова готовность или неготовность, способность или неспособность страны следовать этому существующему, навязываемому миросистемой своду правил. Значимая специфика национального стиля российских модернизаций, согласно Ядову, заключена в значительном отпечатке исторически выработанных стереотипных особенностей, идущих еще из прошлого: все трансформирующие социальную реальность России модернизации от Петровских реформ и до нашего времени разрабатывались и реализовывались исключительно по инициативе верховной власти, начинаясь сверху, а вовсе не по инициативе гражданских субъектов снизу. По Ядову, иная значимая специфическая особенность, трансформаций российской социальной реальности в процессе

модернизаций — это крайне низкая правовая культура гражданских субъектов и чиновников, игнорирование правил, закрепленных законодательно (Ядов, 2002).

Научно-теоретический анализ трансформационных процессов актуализируется в последнее десятилетие XX в. Этот период отмечен принципиальными сдвигами в геополитической ситуации (Мячин, 2007). Распад коммунистического лагеря ознаменовался рядом попыток преобразовать социалистические общества в системы капиталистического характера. Изменения в странах бывшего социалистического лагеря обозначаются как системная трансформация, затрагивающая весь спектр общественной жизни. При этом масштабы произошедших перемен делают маловозможным применение термина «реформирование», поскольку налицо факт коренной ломки социетальных структур. Итак, системная трансформация, применительно к бывшим социалистическим странам, обозначается как:

1) изменение политической и государственной системы, отказ от монополии одной партии, создание парламентской республики западного типа, общая демократизация общественных отношений;

2) обновление экономических основ общественной системы, отход от «централизованно планируемой экономики» с ее распределительными функциями, ориентацией на экономику рыночного типа, в интересах которой:

а) проводится разгосударствление собственности и широкая программа приватизации;

б) создается новый правовой механизм экономических и финансовых отношений, допускающий многоукладность форм экономической жизни и создающий инфраструктуру для развития частной собственности;

в) вводятся «свободные цены»;

3) отказ от социалистической «всеобщности труда», ликвидация системы «социального иждивенчества» с одновременным провозглашением стандартных либерально-демократических свобод;

4) практическое приспособление к требованиям мирового рынка, новые формы внешнеэкономической деятельности, реструктурирование экономики, т.е. изменение ее установившихся пропорций и кооперационных связей;

5) перемена духовно-культурных ориентиров общественного развития (Данилов, 1998).

Представители отечественной экономической социологии В. Радаев и А. Бузгалин описывают пять возможных моделей качественного преобразования социалистических систем.

Первая модель *рыночного социализма* возникла как вариант последовательных реформ социалистического строя. Данная модель (Китай, Вьетнам) демонстрирует сегодня наиболее успешные результаты.

Вторая модель — *государственно-корпоративная*, в отличие от первой модели (с которой у нее много общего), характеризуется большим радикализмом в перераспределении экономической власти, контроля и собственности от центральных государственных структур к отдельным участвующим корпорациям.

Третья модель «*бархатной революции*» делает ставку на постепенные сдвиги с целью принципиальных изменений в экономической и политической сферах. Корпоративно-капиталистическая собственность остается доминирующей, но с точки зрения целевого распределения данная модель близка стандартам социального рыночного хозяйства.

Пятая «*романтическая модель*» предлагает возникновение институтов смешанной экономики, в рамках которых максимальным образом удастся использовать общецивилизационные тенденции социализации и гуманизации общественной жизни (Радаев, Бузгалин, 1995).

Что касается советского социума, то его трансформация преимущественно вписывается в рамки, обозначенные четвертой моделью — *шоковой терапией*. Эта модель представляет собой наиболее жесткий вариант трансформации, типичными характеристиками которой считается одномоментное разрушение административными методами существовавшей системы центрального планирования и «внедрение» рынка. В данном случае осуществляется ускоренная передача государственной собственности в руки частных лиц, обладающих как достаточным экономическим, так и политическим капиталом. Специфической чертой следует признать явное доминирование цели над средствами — создание буржуазной рыночной модели пусть даже и высокой экономической и социальной ценой. «При этой модели, — пишет А. Данилов, — рыночная саморегуляция существенно потеснена монополизмом; частная собственность оказывается по своему содержанию корпоративно-номенклатурной; экономика развивается по асоциальному пути, а «финансовая стабилизация» в конечном итоге приводит к стагфляционной ловушке» (Данилов, 1998).

Академик Т. Заславская ставит Российскую Федерацию в ряд среднеразвитых стран (наряду с Украиной, Болгарией, Румынией), которые достигли немногого в деле построения эффективной либерально-демократической системы. Социально-экономическая сфера этих общественных систем «не модернизируется, а скорее становится более отсталой, чем прежде». Названные страны лишь «застряли между исчерпавшей себя советской системой и тем либерально-демократическим идеалом, который виделся их реформаторам. Попытка вырваться из советского тупика привела их в другой, не менее опасный тупик» (Заславская, 2004).

Любопытная точка зрения высказывается Ю. Красиным. Он полагает, что российское общество не столько находится в точке бифуркации, сколько вступило в полосу бифуркационного зстоя, который, видимо, продлится не одно десятилетие и не известно еще чем закончится. «Это означает, что общество

находится в таком состоянии, при котором необходимость выбора между демократией и авторитаризмом вроде бы очевидна, но у власти нет воли, а в обществе нет сил для того, чтобы этот выбор сделать» (Красин, 2003).

Неопределенность положения российского общества, причем как в плане внутренней, так и внешней ситуации, порождает многозначность подходов к объяснению сути происходящих в российском обществе процессов. В кругах либерально ориентированных ученых (Е. Ясин, В. Мау и др.) по-прежнему популярна точка зрения, согласно которой произошедшие сдвиги российского социума носят революционный характер, знаменуя реальную попытку возвращения в цивилизованное сообщество, место в котором было якобы потеряно после событий октября семнадцатого года. Встретившиеся на пути преобразований затруднения объясняются сторонниками рассматриваемой позиции как результат непоследовательности в проведении либерализации и демократизации общественной жизни. Сторонники другой точки зрения (С. Кирдина, С. Кара-Мурза) стремятся включить в анализ причин столь катастрофического характера экономических и политических преобразований российского общества культурно-цивилизационный фактор. Принципиальные культурно-традиционные различия не дают эффективно прижиться западным институтам на российской почве, приобретая зачастую деструктивный характер.

Наконец, третья позиция содержится в работах М. Делягина, С. Глазьева, Б. Кагарлицкого, А. Бузгалина и др. Методологической базой их исследований послужила теория мир-системного анализа (А. Франк, И. Валлерстайн), вписывающаяся в марксистскую парадигму. Они предпочитают рассматривать отечественную трансформацию как отражение общемировых глобализационных тенденций, которым пришлось столкнуться со спецификой социокультурного контекста. Действительно, объективный анализ социальных процессов без учета фактора глобализации становится весьма затруднительным. Как полагают названные ученые, мировые субъекты (ТНК, политические структуры) все активнее вмешиваются в политическую, экономическую, культурно-духовную жизнь государств и общностей, главным образом с целью устранения препятствий для свободного движения транснационального капитала.

По мнению Б. Кагарлицкого, посткоммунистические преобразования в России носили не революционный, но реставрационный характер, а «ельцинская Россия, объявив себя преемником России царской, повторила многие черты ее отсталости». (Кагарлицкий, 2003). Результатом произошедших перемен ученый считает не индустриальный рывок, но восстановление на российской почве периферийного капитализма — того типа капитализма, который отличал дореволюционную Россию и другие незападные страны. Периферийный капитализм представляет собой необходимый элемент мировой экономической системы. Логика последней предполагает, что одни страны развиваются быстрее, успешнее других. Там, где появляется «открытая экономика», начинается

стихийное перераспределение ресурсов в пользу более развитых и богатых стран. Причем богатство и высокая степень развития этих стран с определенных пор обусловлены именно их центральным статусом в мировой системе. Отсталость же периферии является необходимым условием процветания центра (Кагарлицкий, 2003). Между странами периферии идет ожесточенная конкуренция за место в этом, своего рода «клубе избранных». Географическая близость к странам центра придает дополнительную весомость экономическим притязаниям стран периферии. Например, Словения, Чехия, а также немецкие «новые земли» демонстрируют относительное благополучие, в отличие от более отстоящих от центра Польши, Румынии, Украины и России. И тем не менее даже наиболее удачливым странам путь в мировую элиту заказан — для ее расширения просто не хватит ресурсов. Так что успехи отдельных стран — той же Словении и Чехии — могут означать дополнительные проблемы, скажем, для не имеющих прочного положения в элите Португалии и Греции.

Отсюда следует невеселый, но вполне логичный вывод по поводу причин дефицита финансовых ресурсов, бегства капиталов и сырьевого характера отечественной экономики. Став частью периферии, Россия обрекла себя именно на такое положение дел. Более того, для статуса периферийной страны Россия оказалась чрезмерно развитой, что и предопределило неизбежный упадок промышленности, технологии, науки и образования. Субъектам глобализации — индустриально развитым странам Запада — Россия нужна лишь как поставщик природных ресурсов и рынок сбыта. В ином же качестве она «не только не нужна, но даже опасна» (Кагарлицкий, 2003).

Логика развития периферийного капитализма принципиально иная по сравнению с тем же капитализмом стран центра. Здесь не может быть первичного накопления хотя бы в силу того, что в рамках глобальной экономики происходит постоянное стихийное перераспределение ресурсов в пользу стран центра (Запада). При этом транснациональный капитализм, навязывая свои правила игры, опирается на традиционные структуры, характерные для периферийного капитализма. Следовательно, главная особенность периферийного капитализма заключается в том, что в него встроены многочисленные некапиталистические структуры. Российский практический опыт наглядно демонстрирует непотопляемость ряда институциональных структур, которые предполагалось ликвидировать в ходе либерализации и демократизации. Бюрократизация, патрон-клиентская система отношений, теневая экономика не только нигде не исчезли, но, напротив, демонстрируют тенденции к росту, захватывая все новые и новые сферы социальных взаимодействий.

«Россия, — пишет Б. Кагарлицкий, — капиталистическая страна в той мере, в какой она является частью глобальной капиталистической экономики, мирового рынка капитала, международного капиталистического разделения труда. И в то же время... Россия остается общинной, корпоративной, авторитарно-ази-

атской и даже феодально-бюрократической. Здесь господствует своеобразная превращенная форма *бюрократического коллективизма*, продолжающая традицию советской *этакратии*. Просто убраны «социалистические» декорации, устранены или ослаблены реальные элементы социализма, существовавшие в советском обществе» (Кагарлицкий, 2003).

Логика периферийного капитализма предполагает лишь ограниченное и фрагментарное участие образовательных структур. Советский Союз ставил своей задачей индустриализацию и работал в направлении создания собственной мир-системы. В свете подобных задач образованию отводилась решающая роль — массовая подготовка профессионалов, строителей глобального социализма. Нынешний статус Российской Федерации определяет совсем иную роль образовательных структур, да и науки тоже. И развитие событий в России за два последних десятилетия внушают мало оптимизма.

В последние десятилетия существования СССР начало проявляться его технологическое отставание от противостоящего в холодной войне Запада. В постсоветскую эпоху положение дел изменилось, но отнюдь не в лучшую сторону. По сути дела, окончательно сложилась сырьевая ориентация отечественной экономики, что, безусловно, сказывается на политике государства в области производственных технологий. С момента перестройки ученый мир ставит очень остро проблему модернизации отечественной экономики. Особенно благоприятный шанс представился в начале 2000-х гг., когда сложилась весьма благоприятная конъюнктура внешнего рынка. Высокие цены на энергоносители давали реальную возможность в основном собственными силами усовершенствовать прежде всего производственные мощности. Причем видные отечественные эксперты (С. Глазьев, М. Делягин, С. Меншиков и др.) требовали немедленных мер по технической модернизации, указывая на катастрофическое состояние промышленного оборудования, его моральную изношенность.

Однако российская правящая элита избрала другой путь, который исследователи предпочитают характеризовать как консервативную модернизацию. Ее суть в общем плане сводится к сохранению существующего положения вещей, причем никакой переориентации национальной экономики с сырьевой направленности не предусматривается. Более того, предпринимаются шаги по поддержанию близких властям сырьевых компаний (200 млрд дол. из валютного резерва), при этом урезаются расходы на науку, образование, высокие технологии (Кива, 2011).

Общее собрание Российской академии наук в декабре 2008 г. охарактеризовало десятилетие после 1999 г. не как экономический рост, но как время упущенных возможностей, что вполне обоснованно. Приводимый Агентством РИФ своеобразная «табель о рангах» отводит России незавидное место: лишь 15-е место по числу интернет-пользователей; 16-е — по ВВП, 21-е — по числу запатентованных изобретений; 27-е — по качеству образования; 57-е — по ка-

честву жизни. Что касается аспекта технологий, с чем собственно связываются постиндустриальные тенденции, то здесь картина еще более неприглядная — лишь 70-е место по использованию информационных и коммуникационных технологий; 62-е — по уровню технологического развития. Наконец, на 71-м месте российское общество стоит по уровню развития человеческого потенциала (или человеческого капитала), что вполне закономерно, учитывая 72-е место по расходам государства на человека.

Если конец советской эпохи был ознаменован как технологическое отставание, то в постсоветский период вполне уместно заговорили о технологической деградации, особенно в плане научно-производственного потенциала. Даже в конце 1980-х гг. доля промышленных предприятий, где разрабатывались и внедрялись нововведения, составляла около двух третей, что, по мнению О. Шкаратана, вполне сопоставимо с типичными показателями развитых стран (около 70%). К 2002 г. такие предприятия составляли уже менее 10% (Шкаратан, 2009). Стремительно снижается интенсивность инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности (до 1%), тогда как уровень инновационности продукции составил около 10%. Россия находится в числе аутсайдеров и по доле мирового наукоемкого экспорта гражданской продукции. Ее доля здесь составляет всего лишь 0,5%, в то время как доля самой технологически продвинутой страны США — 36%, далее идут Япония — 30, Германия — 16 и Китай — 6% (Глазьев, 2007).

С точки зрения Т. Заславской, главная стратегическая цель реформ российской социальной реальности, связанная с возможностью обеспечения социально-экономической конкурентоспособности России с ведущими странами Запада, не может считаться полностью достигнутой. Автор объясняет это несформированностью системы современных общественных институтов, которые бы могли быть эффективными, и отсутствием социально-групповой структуры, которая детерминировала бы ее функционирование. Кроме того, потенциал гражданских субъектов России не вырос, а заметно снизился, что говорит об объективности самой потребности в дальнейшем развитии трансформации России. К тому же результаты реформ, в контексте мировоззренческой позиции Т. Заславской, как и связанного с ними перераспределения общественного богатства оцениваются массовыми слоями общества как добытые нечестным путем через мошеннические и коррупционные схемы, а потому нелегитимные. Т. Заславская отмечает завершение целенаправленных реформ сверху, однако указывает, что это не означает прекращение трансформационных процессов, способных принимать иную форму, воплощенную, например, в зарождении, а также распространении новых социальных практик снизу. Как полагает автор, активный процесс либерально-демократических трансформаций приостановлен лишь временно, ибо наблюдается истощенность и верхов власти, и низов общества от социально-политических и экономических реформ

и острая жажда ими стабильного периода некоей передышки. Однако, этот автор предрекала весьма недолгую стабилизацию.

Обобщая итоги данной статьи, остановимся на следующих положениях.

Современный социум в значительной степени может быть определен как трансформирующее общество. Два основных направления трансформации — технологическое и социальное — актуализируют вопросы адаптации к изменениям для участников социальных отношений.

Важнейшая цель реформ — обеспечение социально-экономической конкурентоспособности РФ с развитыми странами Запада — не достигнута. В государстве пока еще не сформировались ни результативная система современных общественных институтов, ни социально-групповая структура, обеспечивающая ее функционирование. Человеческий же потенциал российского общества не вырос, а заметно понизился.

Россия пока не преодолела полосу затяжного системного кризиса. Последний в основном связан с переориентацией России на периферийный статус в мировой системе. В настоящий момент приходится констатировать продолжающийся социальный регресс вкупе с технологической деградацией. Таким образом, объективная потребность в дальнейшем развитии трансформационных процессов сохраняется.

Библиографический список

1. Аверина, Н. В., Лотаренко, М. В., Попов, В. В., Щеглов, Б. С. (2014). Особенности альтернативности в социальных трансформациях. *Фундаментальные исследования*, 9, 2115–2119.
2. Ананьев, Е. В. (2013). Культурная динамика в массовом обществе потребления. *Мир науки, культуры, образования*, 1, 234–237.
3. Анахин, Т. В. (2013). Институциональный дизайн России: эволюция общественной системы и социальная трансформация. *Вестник Бурятского государственного университета*, 6, 129–133.
4. Атабиев, З. А. (2010). Параметры социальных изменений в обществе в условиях глобализации. *Научные проблемы гуманитарных исследований*, 9. Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/parametry-sotsialnyh-izmeneniy-v-obschestve-v-usloviyah-globalizatsii>
5. Глазьев, С. О. (2007). Стратегии экономического развития России. *Вопросы экономики*, (5), 31.
6. Грицкевич, Т. И. (2014). Управляемость в социальных изменениях: возможность реформирования и неопределенность. *Вестник кемеровского государственного университета*, 3, 199–202.
7. Горбунова, М. Ю. (2012). Эмоции акторов и социальные трансформации. *Вестник саратовского университета*, 2, 148–151.
8. Данилов, А. Н. (1998). *Переходное общество: Проблемы системной трансформации*. Минск: Харвест.

9. Дронов, В. Т. (2014). Культурно-цивилизационный подход и его необходимость в современной российской социологии. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*, 166, 102–107.
10. Жалуев, З. А. (2012). Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: теоретические предпосылки концептуализации и социологические рамки исследования. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 6, 178–182.
11. Жмайло, А. И. (2008). Социальный риск как показатель социетальной трансформации современного общества. *Вестник ЮУрГУ*, 21, 83–87.
12. Заславская, Т. И. (2004). *Современное российское общество: Социальный механизм трансформации*. Москва: Изд-во «Дело».
13. Заславская, Т. И. (2000). Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6. Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/povedenie-massovyh-obschestvennyh-grupp-kak-faktor-transformatsionnogo-protssesa>
14. Иода, Ю. В. (2012) Институциональные аспекты модернизации в России. *Социально-экономические явления и процессы*, 12, 100–108.
15. Кагарлицкий, Б. Ю. (2003). *Реставрация в России*. Москва: Едиториал УРСС.
16. Кива, А. В. (2011). Многоликость российской модернизации. *Общественные науки и современность*, 1, 42.
17. Красин, Ю. А. (2003). Полоса бифуркационного застоя. В Т. И. Заславская (ред.) *Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации* (с. 40–41). Москва: МВШСЭН.
18. Кукушкина, М. Л. (2010). Функционирование общества как составляющая социетальной системы. *Социально-экономические процессы и явления*, 1, 40–44.
19. Курабцев, В. А. (2012). Модернизационные процессы российского общества. *Вестник МГИМО университета*, 6, 190–193.
20. Ламажаа, Ч. К. (2011). Социальная трансформация. Знание. Понимание. Умение, 1, 262–264.
21. Мун, Д. В. (2010). Современные тенденции развития стратегических социальных рисков России в условиях кризиса. *Научные проблемы гуманитарных исследований*, 1. Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-strategicheskikh-sotsialnyh-riskov-rossii-v-usloviyah-krizisa>
22. Мячин, И. В. (2007). *Развитие местного самоуправления в России (на примере Краснодарского края)*: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Майкоп.
23. Радаев, В. В., Бузгалина, А. В. (ред.). (1995). *Экономика переходного периода*. Москва: Изд-во МГУ.
24. Руценко, И. П. (2010). «Криминальная революция» как социальный фактор. *Криминология: вчера, сегодня, завтра*, 1, 84–103.
25. Сергеева, Э. А. (2014). Индивид как центральная фигура конструирования социальной реальности. *Теория и практика общественного развития*, 1, 44–46.
26. Силантьева, М. В. (2012) Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия модернизационных процессов. *Вестник МГИМО университета*, 6, 206–210.

27. Учитель, Ю. Г. (2010). Системный кризис в России: пути его преодоления. *Вестник Алтайского государственного университета*, 4, 112–118.
28. Федотова, В. Г. (2011). Роль социальной науки и социальной философии в российском обществе. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*, 2 (14), 8–19.
29. Федотова, В. Г. (2013). Кризис модернизации и архиезация общества. *Знание. Понимание. Умение*, 1, 309–313.
30. Федотова, В. Г. (2012). Модернизация и культура. *Знание. Понимание. Умение*, 4, 139–147.
31. Шалимова, Л. А. (2010) О природе современного кризиса в России. *Власть*, 12, 58–59.
32. Шаповалова, В. Ю. (2010). Роль социальной трансформации в процессе развития общества. *Теория и практика общественного развития*, 4, 9–12.
33. Шкаратан, О. И. (2009). Становление постсоветского неозакратизма. *Общественные науки и современность*, 1, 16.
34. Хачецуков, З. М. (2013). Социальный комфорт в контексте трансформационных процессов в структуре современной российской повседневности. *Вестник МГИМО университета*, 2, 214–219.
35. Ядов, В. А. (2002). *Россия как трансформирующееся общество*. Москва: МВШСЭН.
36. Brady, E., Phemister, P. (Eds.). (2012). *Human-Environment relations: transformative values in theory and Practice* springer. Springer Dordrecht Heidelberg London New York.
37. Darity, W. A. (Ed.). (2008). *International encyclopedia of the social sciences*. Vol. 7. 2nd ed. Detroit: Macmillan Reference USA.
38. Granovetter, M. (2003). Economic action and Social Structure: the problem of embeddedness. *American journal of sociology*, 91, 481–510.
39. Kandasamy, W. B. V., Smarandache, F., Llanthenral, K. (2007). *Elementary fuzzy matrix theory and fuzzy models for social scientist*. Los Angeles: Automaton.
40. Polanyi, K. (2001). *The great transformation the political and economic origins of our time*. Boston: Beacon Press.
41. Vaitheeswaran, V. V. (2012) *Need, Speed and Greed: now the new rules of innovation can transform businesses, propel nation to greatness and tame the world's most wished problems*. Harper Business.
42. Varien, M. D., Potter, J. M. (Eds.). (2008) *The Social construction of communities: agency, structure and identity in the prehispanic southwest*. California: AltaMira Press, U.S.
43. Wagner, P. A (2003). *Sociology of modernity: liberty and discipline*. London, New York: Taylor & Francis e-Library.
44. Wiener, J. M. (2003). Social Origins of Dictatorship and democracy. Lord and Peasant in the making of the modern world. *History and theory*, 15 (2), 146–175.
45. Zinn, J. O. (2008) (edited). *Social theories of risk and uncertainty: An introduction* Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishing.

Статья поступила в редакцию 26.03.2014.

.....

TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY: RETROSPECTION OF THE PROBLEMS OF POST-SOVIET RUSSIA

Gomcjan O. A.

Gomcjan Ovsep Aramaisovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: ovsep86@mail.ru.

The article dwells on the topic of transformational processes in the society that take place in the territory of the post-Soviet Russia, impact of the transformations on education, different theoretical approaches to this transformation. The author defines two directions of transformation: technological and social, which make the issues of social relations participants' adaptation urgent. Five transformation models are analyzed: model of "market socialism", model of corporate statism, and model of "velvet revolution", model of "shock therapy" and "romantic model". V. A. Jadov's point of view on the transformations in Russian society connected with the notion of the "dynamic chaos" is reviewed.

Insights of M. Deljagin, S. Glaz'ev, A. Buzgalin and other researchers employing the methods of world-system analysis (A. Frank, I. Wallerstein) are highlighted. Here transformation acts as a reflection of the world globalization tendencies, colliding with social and cultural context. The author considers B. Kagarlickij's idea, focused on «bureaucratic capitalism» term. "Bureaucratic capitalism" gives rise to "periphery capitalism" that is essentially characterized by restoration and scene change with the contents remaining invariable; it is connected with a lag that occurred during the transition of a country from the «core» to the periphery.

Main difficulty is that Russia is too developed for a periphery country. Industrially developed Western countries need Russia only as a supplier of natural resources and market outlet.

Russia is in the period of protracted crisis that has systemic character. There are neither modern social institutions, nor civil society established in the state. Human resource potential of the country has significantly decreased in the crisis environment. It is caused by Russia's gaining periphery status in the world after a period of turbulent changes that had the society involved into the processes on the world arena connected with globalization.

Key words: transformation, systemic crisis, reform, social regress, technological degradation.

References

1. Averina, N. V., Lotarenko, M. V., Popov, V.V. & Shheglov, B. S. (2014) Osobennosti al'ternativnosti v social'nyh transformacijah [Peculiarities of variability in social transformations]. *Fundamental'nye issledovanija* [Fundamental Researches], 9, 2115–2119.
2. Anan'ev, E. V. (2013). Kul'turnaja dinamika v massovom obshhestve potreblenija [Cultural dynamics in mass consumption society]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of Culture, Science and Education], 1, 234–237.
3. Anahin, T. V. (2013). Institucional'nyj dizajn Rossii: jevoljucija obshhestvennoj sistemy i social'naja transformacija [Institutional design in Russia: evolution of social system and social transformation]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University], 6, 129–133.
4. Atabiev, Z. A. (2010). Parametry social'nyh izmenenij v obshhestve v uslovijah globalizacii [Parameters of social changes in the society in the conditions of globalization]. *Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij* [Scientific issues of humanities researches], 9. Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/parametry-sotsialnyh-izmenenij-v-obshchestve-v-usloviyah-globalizatsii>

5. Glaz'ev, S. O. (2007). Strategii jekonomicheskogo razvitija Rossii [Strategies of Economic Development of Russia]. *Voprosy jekonomiki* [Issues of Economics], (5), 31.
6. Grickevich, T. I. (2014). Upravljaemost' v social'nyh izmenenijah: vozmozhnost' reformirovanija i neopredelennost' [Manageability in social changes: possibility of reforming and ambiguity]. *Vestnik kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 3, 199–202.
7. Gorbunova, M. Ju. (2012). Jemocii aktorov i social'nye transformacii [Emotions of actors and social transformations]. *Vestnik saratovskogo universiteta* [Bulletin of Saratov University], 2, 148–151.
8. Danilov, A. N. (1998). *Perehodnoe obshhestvo: Problemy sistemnoj transformacii* [Transitional Society: problems of system transformation]. Minsk: Harvest.
9. Dronov, V. T. (2014). Kul'turno-civilizacionnyj podhod i ego neobhodimost' v sovremennoj rossijskoj sociologii [Cultural and civilizational approach and its relevance in contemporary Russian sociology]. *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena* [News-bulletin of Herzen University], 166, 102–107.
10. Zhaluev, Z. A. (2012). Social'nyj immunitet rossijskogo obshhestva v uslovijah institucional'noj transformacii: teoreticheskie predposylki konceptualizacii i sociologicheskie ramki issledovanija [Social immunity of Russian society in the institutional transformation environment: theoretical prerequisites of conceptualization and sociological framework of research]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical, Social and Educational ideas], 6, 178–182.
11. Zhmajlo, A. I. (2008). Social'nyj risk kak pokazatel' societal'noj transformacii sovremenogo obshhestva [Social risk as an indicator of contemporary society transformation]. *Vestnik JuUrGU* [Bulletin of South Ural State University], 21, 83–87.
12. Zaslavskaja, T. I. (2004). *Sovremennoe rossijskoe obshhestvo: Social'nyj mehanizm transformacii* [Contemporary Russian society: social mechanism of transformation]. Moscow: Izd-vo "Delo".
13. Zaslavskaja, T. I. (2000). Povedenie massovyh obshhestvennyh grupp kak faktor transformacionnogo processa [Behavior of mass social groups as a factor of transformational process]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 6. Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/povedenie-massovyh-obschestvennyh-grupp-kak-faktor-transformatsionnogo-processa>
14. Ioda, Ju. V. (2012) Institucional'nye aspekty modernizacii v Rossii [Institutional Aspects of Modernization in Russia]. *Social'no-jekonomicheskie processy i javlenija* [Social and economic processes and phenomena], 12, 100–108.
15. Kagarlickij, B. Ju. (2003). *Restavracija v Rossii* [Restoration in Russia]. Moscow: Editorial URSS.
16. Kiva, A. V. (2011). Mnogolikost' rossijskoj modernizacii [Diversity of Russian Transformation]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1, 42.
17. Krasin, Ju. A. (2003). Polosa bifurkacionnogo zastoja [Period of bifurcational stagnation]. T. I. Zaslavskaja (Ed.) *Kuda prishla Rossija?.. Itogi societal'noj transformacii* [Where has Russia come?.. Results of social transformation] (pp. 40–41). Moscow: MVSHSEN.

18. Kukushkina, M. L. (2010). Funkcionirovanie obshhestva kak sostavljajushhaja societal'noj sistemy [Functioning of society as a constituent of societal system]. *Social'no-jekonomicheskie processy i javlenija* [Social and economic processes and phenomena], 1, 40–44.
19. Kurabcev, V. L. (2012). Modernizacionnye processy rossijskogo obshhestva [Modernization processes of Russian Society]. *Vestnik MGIMO universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 6, 190–193.
20. Lamazhaa, Ch. K. (2011). Social'naja transformacija [Social transformation]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1, 262–264.
21. Mun, D. V. (2010). Sovremennye tendencii razvitija strategicheskikh social'nyh riskov Rossii v uslovijah krizisa [Contemporary tendencies of strategic social risks development in the crisis environment]. *Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij* [Scientific Issues of Humanities Researches], 1. Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-strategicheskikh-sotsialnyh-riskov-rossii-v-usloviyah-krizisa>
22. Mjachin, I. V. (2007). *Razvitie mestnogo samoupravlenija v Rossii (na primere Krasnodarskogo kraja)* [Development of local self-government in Russia (on the example of Krasnodar Krai)]: dissertation of a Candidate of Social Sciences. Maikop.
23. Radaev, V. V. & Buzgalina, A. V. (Eds.). (1995). *Jekonomika perehodnogo perioda* [Economics of transitional period]. Moscow: Izd-vo MGU.
24. Rushhenko, I. P. (2010). “Kriminal'naja revoljucija” kak social'nyj faktor [“Criminal revolution” as a social factor]. *Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow], 1, 84–103.
25. Sergeeva, Je. A. (2014). Individ kak central'naja figura konstruirovaniya social'noj real'nosti [An individual as a central figure of social reality design]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development], 1, 44–46.
26. Silant'eva, M. V. (2012) Metamorfozy social'nyh organizmov v svete transformacii kul'turnyh granic: global'nye sledstvija modernizacionnyh processov [Metamorphoses of social organisms from the point of view of cultural boundaries transformation: global consequences of modernization processes]. *Vestnik MGIMO universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 6, 206–210.
27. Uchitel', Ju. G. (2010). Sistemnyj krizis v Rossii: puti ego preodolenija [Systemic crisis in Russia: ways to overcome it]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University], 4, 112–118.
28. Fedotova, V. G. (2011). Rol' social'noj nauki i social'noj filosofii v rossijskom obshhestve [Role of social science and social philosophy in Russian society]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 7: Filosofija. Sociologija i social'nye tehnologii* [Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Social sciences and technologies], 2 (14), 8–19.
29. Fedotova, V. G. (2013). Krizis modernizacii i arhiezacija obshhestva [Crisis of modernization and archaization of society]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1, 309–313.
30. Fedotova, V. G. (2012). Modernizacija i kul'tura [Modernization and culture]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 4, 139–147.

31. Shalimova, L. A. (2010) O prirode sovremennogo krizisa v Rossii [The nature of contemporary crisis in Russia]. *Vlast'* [Power], 12, 58–59.
32. Shapovalova, V. Ju. (2010). Rol» social'noj transformacii v processe razvitija obshhestva [Role of social transformation in the social development process]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development], 4, 9–12.
33. Shkaratan, O. I. (2009). Stanovlenie postsovetskogo neojetokratizma [Establishment of post-Soviet neo-etacratism]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1, 16.
34. Hachecukov, Z. M. (2013). Social'nyj komfort v kontekste transformacionnyh processov v strukture sovremennoj rossijskoj povsednevnosti [Social comfort in the context of transformational processes in the structure of contemporary Russian routine]. *Vestnik MGIMO universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2, 214–219.
35. Jadov, V. A. (2002). *Rossija kak transformirujushheesja obshhestvo* [Russia as a society in the process of transformation]. Moscow: MVSHSEN.
36. Brady, E., Phemister, P. (Eds.). (2012). *Human-Environment relations: transformative values in theory and Practice* springer. Springer Dordrecht Heidelberg London New York.
37. Darity, W. A. (Ed.). (2008). *International encyclopedia of the social sciences*. Vol. 7. 2nd ed. Detroit: Macmillan Reference USA.
38. Granovetter, M. (2003). Economic action and Social Structure: the problem of embeddedness. *American journal of sociology*, 91, 481–510.
39. Kandasamy, W. B. V., Smarandache, F., Llanthenral, K. (2007). *Elementary fuzzy matrix theory and fuzzy models for social scientist*. Los Angeles: Automaton.
40. Polanyi, K. (2001). *The great transformation the political and economic origins of our time*. Boston: Beacon Press.
41. Vaitheeswaran, V. V. (2012) *Need, Speed and Greed: now the new rules of innovation can transform businesses, propel nation to greatness and tame the world's most wished problems*. Harper Business.
42. Varien, M. D., Potter, J. M. (Eds). (2008) *The Social construction of communities: agency, structure and identity in the prehispanic southwest*. California: AltaMira Press, U.S.
43. Wagner, P. A (2003). *Sociology of modernity: liberty and discipline*. London, New York: Taylor & Francis e-Library.
44. Wiener, J. M. (2003). Social Origins of Dictatorship and democracy. Lord and Peasant in the making of the modern word. *History and theory*, 15 (2), 146–175.
45. Zinn, J. O. (2008) (edited). *Social theories of risk and uncertainty: An introduction*. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishing.

СЕПАРАТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ, ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

.....

Баранов А. В.

Баранов Андрей Владимирович, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: baranovandrew@mail.ru.

Статья посвящена выявлению особенностей сепаратизма в современной Италии 1990–2014 гг. Работа выполнена на основе исторического неинституционализма. Определены факторы, влияющие на выбор институционального строения и политических стратегий сепаратистских партий. К ним относятся позднее и непрочное национал-строительство, слабость экономической и социокультурной интеграции государства, влияние глобализации и евроинтеграции. Раскрыты особенности активности сепаратистских сил в различных регионах: на севере страны (в том числе Венеции, Южном Тироле), юге, Сардинии. Определены институциональные формы сепаратистских организаций, их растущая поддержка в общественном мнении. Доказано, что фрагментация партийной системы размывает грань между организационными формами партии и движения, повышает шансы новых региональных партий. Выявлены политические стратегии сепаратистских партий. Лига Севера в зависимости от фаз макроэкономического цикла и соотношения партийных коалиций чередует стратегии федерализации и сепаратизма. Радикально-сецессионистские стратегии избрали партия «Венецианская независимость» и Сардинская партия действия, Южнотирольский союз стрелков. Для итальянских партий и движений характерно растущее применение информационных технологий продвижения своих стратегий: онлайн-референдумов, групп в социальных сетях.

Ключевые слова: сепаратизм, современная Италия, факторы развития, институционализация, политические стратегии.

В современных условиях глобализации национальные государства испытывают нарастающие риски сепаратизма. Мировой экономической кризис активизировал сепаратистские движения во многих странах Европейского союза. Новым явлением стало кросс-национальное распространение идеологием и методов активности сепаратистских движений. Так, референдумы о независимости Венеции, Шотландии и Каталонии придали новый импульс росту сепаратизма в ряде регионов Италии. Насущным стал вопрос об условиях перерастания регионализма в сепаратизм.

Выбор Италии для исследования вызван тем обстоятельством, что данное государство занимает ключевые экономические и геополитические позиции

в Южной Европе. Сепаратизм в современной Италии значительно отличается по своим причинам, институциональным формам и стратегиям от такового в других постиндустриальных обществах. Нуждается в осмыслении феномен «конкурирующих» сепаратистских движений в Ломбардии, Венеции, Южном Тироле, на Сардинии и др., проекты которых отчасти конфликтны между собой.

С позиций политической науки проблематика сепаратизма исследована недостаточно. Традиции исследований, сложившиеся в этнологии, политической географии, международном праве, исторической науке, слабо интегрированы между собой. Типологии сепаратизма как политического движения на основе компаративного анализа обосновывают Б. Коппитерс и Р. Саква (Coppiters, Sakwa, 2003), Л. Де Винтер (DeWinter, 1998). Преобладает трактовка сепаратистских партий в современной Европе как проявления политических конфликтов, а этнические и региональные аспекты мобилизации считаются инструментом конкуренции за власть (Альтермат, 2000). Новые институциональные и идеологические формы сепаратизма, связанные с антиглобализмом и мигрантофобией, выявляют А. Бёттишер и М. Марес (Bötticher, Mares, 2013). В российской научной традиции наиболее аргументированные типологии сепаратизма предложили В. А. Тишков с позиций этнополитологии (Тишков, 2003), Д. В. Заяц (Зяц, 2004) и Ф. А. Попов (Попов, 2012) — в русле политической географии.

Сепаратизм проявляется и в странах консолидированной демократии (Канаде, Великобритании, Франции, Испании, Италии, Бельгии), и более чем в 40 развивающихся странах (Попов, 2012). Прямой зависимости между качеством жизни и уровнем влияния сепаратизма нет. Ведущими причинами популярности сепаратизма называют: незавершенное нациестроительство; слабость национальной идентичности в сравнении с региональными и этническими (Passarelli, Tuorto, 2012); восприятие территориальных конфликтов в категориях политической культуры (Laible, 2008).

Исторические факторы роста сепаратизма в Италии определили Дж. Прокаччи (Прокаччи, 2012), Р. Патнэм (Патнэм, 1996) и Е. В. Морозова (Морозова, 1998). Влияние децентрализации унитарного государства и федералистских проектов на рост сепаратизма установили В. П. Любин (Любин, 2004) и О. Н. Барабанов (Барабанов, 2011). Особенности идеологии Лиги Севера исследовали Ю. А. Вялков (Вялков, 2004), Т. В. Зонова и В. Н. Любин (Зонова, Любин, 2011), В. А. Ачкасов (Ачкасов, 2012), А. В. Махова (Махова, 2013).

Дискуссионными остаются такие аспекты, как влияние макроэкономического цикла на уровень популярности сепаратизма; взаимодействие европейских, национальных и регионально-локальных факторов движения; потенциал повышения легитимности национальной политической системы. Мало изучены сепаратистские партии Южного Тироля, Венеции, Сардинии. Эти аспекты определили выбор приоритетов исследования.

Методологической основой статьи избран исторический неoinституционализм. Сепаратизм понимается нами как политическое движение, ставящее цель отделить от государства часть его территории и создать там новое государство. Сепаратизм включает в себя не только идеологические проекты и организованные субъекты политики (партии, движения), но и проявления политической идентичности, социальные практики активности, как конвенциальные, так и неконвенциальные. Сепаратизм означает высший предел дезинтеграции государства и общества. Центробежные движения обретают политический характер в «развитых перифериях» (по И. М. Бусыгиной), где есть ресурсная база борьбы за повышение статуса региональных сообществ (Бусыгина, 2001). Рост сепаратизма возможен при сочетании факторов: исторического самосознания регионального сообщества; институционализации региональных интересов; сплоченной и активной элиты; кризиса национального государства. Подъем сепаратизма происходит неравномерно, в зависимости от фаз экономических циклов и социокультурных факторов. Избиратели оказывают массовую поддержку таким движениям, когда органы власти игнорируют или решают неэффективно проблемы регионов.

Цель статьи — выявить особенности сепаратизма в современной Италии. Это потребует решить следующие задачи: определить, какие факторы влияют на выбор институционального строения и политических стратегий сепаратистских партий в Италии; раскрыть особенности активности сепаратистских сил в различных регионах: на примере севера страны (в том числе Венеции, Южного Тироля), Сардинии, юга страны.

Хронологические рамки работы выбраны с 1991 г. по настоящее время, что определяется критерием «повестки дня» политического процесса в Италии и, следовательно, датировкой роста популярности сепаратизма.

Рассмотрим деятельность региональных партий Италии. Именно в этой стране партийный регионализм имеет глубокие основы, проявляется в протестных формах, взаимосвязан с этническим и экономическим измерениями фрагментации политических систем. В Италии Лига Севера возникла на основе ряда областных лиг (Ломбардской, Савойской и др.). Большинство региональных партий образовалось на основе массовых общественных движений, первоначально требовавших культурной и экономической автономии своих территорий (DeWinter, 1998). Партии стремятся укоренить в сознании избирателей идею исторической преемственности. Лига Севера использует привлекательные исторические образы городских республик Средневековья. Задача партий данного типа — региональная мобилизация на основе территориальной идентичности, жизненно важных интересов сообщества как единого целого. Различают два типа партий: этнические (немецкие в Южном Тироле) и региональные лиги.

Сепаратистские партии Италии традиционно существовали в форме областных лиг. Основой их влияния служит устойчивый политико-культурный раскол

страны на постиндустриальный Север и более отсталый Юг (Патнэм, 1996). Для Севера характерны ценности гражданской культуры, солидарной ответственности, сотрудничества. Ориентации южан — корпоративизм, безответственность, уклонение от общественного долга, авторитаризм. Социологический опрос под руководством И. Диаманти и П. Сегатти (1994 г.) показал, что «локально-муниципальная привязанность» занимает 4-е из 11 мест (64% ответов) в иерархии черт итальянцев, «чувство гражданина, доверие к государству» — на последнем месте (16% ответов). Ещё ярче выявляет регионализм вопрос об уровне власти, права которого следовало бы расширить прежде всего. 78% респондентов назвали местный уровень, 71% — областной и только 44% — центральный (Левин, 2001).

Север, где с XII в. сложилась многовековая традиция городских республик, недоволен центральными институтами власти. Северяне полагают, что мафиозный и ленивый Юг отнимает деньги трудолюбивых энергичных налогоплательщиков. Например, в процветающем Трентино-Альто-Адидже безработица не выше 4%, а в среднем по Италии — 11, на Сицилии — 20% (Rosenberger, 2012). Валовой региональный продукт на душу населения составляет в Южном Тироле 37 тыс. евро, а в Неаполе — 16 тыс. евро в год (Marchetti, 2014). На этой почве в середине 1970-х гг. зародились областные лиги — Ломбардская, Пьемонтская, Венецианская, Фриуланская и др. Все они выступали за расширение полномочий областной и муниципальной власти и привилегии для северян, против «паразитизма» южан и иммигрантов из «третьего мира» (Wilson, 1994). Лиги жёстко критиковали бюрократизм и коррупцию центральных властей, общенациональных партий. Для дистанцирования от национальной итальянской идентичности используется миф о «трудолюбивых кельтах», противостоящих «Риму — вору» (Passarelli, Tuorto, 2012).

Социальной опорой лиг первоначально были протестные слои общества: малый бизнес, безработные, фермеры. Как указывал С. Коларизи, первоначально областные лиги возникли в аграрных и относительно отсталых местностях Ломбардии и Венето (Вялков, 2004). Но лиги поддерживают и влиятельные бизнес-группы и муниципальные элиты, новый средний класс. Они критикуют бюрократизм и коррупцию центральной власти, используя трансграничные связи регионов Италии с соседними странами.

Областные лиги объединились в Лигу Севера в ноябре 1989 г., получив на общеитальянских парламентских выборах 1990 г. 5,4% (Вялков, 2004). Лига Севера во главе с У. Босси выдвинула требования превращения Италии в федерацию трех республик: Падании, Этрурии и Республики Юга. В ведении центральных властей планировалось оставить только дела обороны, внешней политики, денежного обращения и суда. На общегосударственных выборах 1992 г. Лига получила 8,6% голосов по стране и 14–25% — в областях Северной Италии. Оглушительный успех подтвержден в 1996 г. и позже (Wilson, 1994).

Лига Севера стала участницей правительственных коалиций с правоцентристским движением «Вперёд, Италия!» и постфашистским Национальным альянсом (1994–1995, с 2001 г.).

В действиях и идеологии Лиги Севера проявляется сепаратизм, хотя в 1998–2007 гг. она выступала за федерализацию. Лигу поддержал ректор Католического университета в Милане, профессор политической философии Дж. Мильо. Он называл национальное государство излишним в условиях глобализации; Евросоюз-де обязан выработать формы политического сотрудничества между новыми территориальными образованиями (Вялков, 2004). Взгляды идеолога Лиги противоречивы. Дж. Мильо говорил и о «Соединенных Штатах Италии», и об «Итальянском Союзе» в составе «свободной ассоциации» Падании, Этррурии и республики Юга. Предлагалось свободное самоопределение регионов — роспуск государства и его «пересборка» на добровольной основе в новых границах (Баранов, 2011).

Как подметил Л. Зидентоп, Италия более других стран подвержена угрозе распада, так как поздно создала национальное государство. Отсутствие системы баланса интересов между Севером и Югом позволило Лиге Севера «с легкостью призывать к полной независимости... Такой сплав популистской аргументации и экономического упрощенчества подчеркивает настоятельную необходимость тщательного конституционного оформления принципа субсидиарности». Надо чётко определить пределы, в которых возможны требования регионов к государству (Зидентоп, 2004).

Особенно радикальны действия Лиги Севера в середине 1990-х гг., когда она ушла в оппозицию правоцентристскому правительству. В 1995 г. съезд Лиги решил создать Федеральную ассамблею Севера. Лидер Лиги У. Босси провозгласил в Венеции 15 сентября 1996 г. «свободу и независимость Падании», названной по латинскому топониму р. По. Босси призвал граждан «отныне независимой Падании сбросить колониальное ярмо ненавистного латинского империализма и порвать с Римом, символом угнетения» (Морозова, 1998). На октябрь 1997 г. Босси назначал выборы самозванного парламента Республики Падания. Самозванный парламент в составе 200 чел. возглавил бывший мэр Милана. Выборы в «парламент» проведены незаконно и не получили юридической силы. Для голосования не требовалось предъявлять документы.

Прокуратура Италии возбудила дела о преследовании за нарушение государственного единства. Протестная мобилизация быстро проходит, если цели утопичны. К тому же лозунги децентрализации и федерализма были перехвачены другими партиями, что ставило вопрос о выживании Лиги. Эти факторы вынудили У. Босси в 1996 г. резко сменить партийную стратегию. Лига взяла курс на поддержку введения федерации, стремясь увеличить свою фракцию в национальном парламенте и превратить Сенат в «палату регионов». Но реформы политической системы носили ограниченный характер

в рамках унитарной модели. Условием блока Лиги Севера с правоцентристской коалицией «Дом свободы» во главе с С. Берлускони (2001 г.) стало признание политического единства Италии. У. Босси занимал пост министра по делам реформы органов управления и децентрализации. Лига также контролировала министерство юстиции, министерство труда и социальной политики (Любин, 2004). Однако вскоре представители Лиги вышли из состава правительства. На выборах в Палату депутатов 2001 и 2006 гг. Лига увеличила влияние только с 3,9 до 4,6% голосов (Зонова, Любин, 2011). Это побудило партию выдвигать популистские лозунги: возродить семью и церковь, запретить аборт, ввести кастрацию осужденных за изнасилование, лицензировать мечети, разрешить пограничникам обстреливать незаконных иммигрантов, исключить Италию из зоны евро [Лига Севера].

Конституционная реформа 2001 г. впервые разграничила полномочия и предметы ведения центральной и региональной власти. Области получили право участия в международных отношениях, внешней торговле и связях с ЕС. Области увеличили свои права в новых статутах. Расширение финансовой и налоговой автономии областей привело к неравномерности децентрализации на Севере, в Центре и на Юге страны. Ужесточено миграционное законодательство. Реформы в долгосрочной перспективе работают в пользу фрагментации государства.

Мировой экономический кризис привел к возрождению популярности Лиги. Следует учитывать и стимулирующее влияние евроинтеграции, ослабляющей государства в пользу наднациональных и субнациональных институтов власти. На парламентских выборах 2008 г. представительство Лиги Севера в парламенте возросло вдвое (Ачкасов, 2012). Используя ослабление кабинета Берлускони в 2011 г., лидер Лиги У. Босси потребовал переноса ряда министерств из Рима в города Севера (Bossi, 2011).

Традиционная партийная система Италии становится с 1990 г. всё более фрагментированной. Это следствие экономических процессов диверсификации регионов, появления «Третьей Италии» в высокоразвитых областях: Южном Тироле, Венето, Фриули-Венеция-Джулия, Тоскане, Эмилии-Романье (Барабанов, 2011). Возросло значение муниципальных элит и лидеров. Как отмечал Л. де Винтер, «этнорегиональные партии уже имеют наибольшее влияние на партийную систему по размерам, измерениям и природе соперничества на выборах». Сложилось много «псевдоавтономных партийных систем» в итальянских областях, что может поощрить региональную мобилизацию (DeWinter, 1998).

Важная тенденция: судя по итогам национальных и областных выборов, с 2011 г. дивиденды от сепаратистских лозунгов получает уже не Лига Севера (её влияние на парламентских выборах 2013 г. сократилось вдвое), а региональные партии «нового поколения» [Archivio Storico Delle Elezioni].

Наибольшего успеха достиг сепаратизм в области Венето, где 65–80 % жителей поддержали независимость и популярность партии «Венецианская независимость» (Kington, 2014). Венецианская лига активизировалась в 1997 г., когда её активисты провели демонстративный захват Кампаниллы (колокольни на площади Св. Марка). Взаимоотношения венецианских сепаратистов с Лигой Севера — конкурентные и конфликтные (Визель, 2014). В 2006 г. принят областной закон о референдуме, проведение которого поддержал губернатор области Л. Дзайя (представитель Лиги Севера), ссылаясь на право наций на самоопределение. Конституция и законы Италии не предусматривают процедуры референдумов о сецессии. Председатель комитета за независимость области Венето Дж. Бузато подчеркивает преемственность статуса региона: «За нами 1100 лет истории независимости Венецианской республики». Он настаивает на незаконности плебисцита 1866 г. о вхождении Венеции в состав Италии как якобы сфальсифицированного, что открывает возможность восстановления независимости (Референдум о выходе). Жители региона могли зарегистрироваться на сайте www.plebiscito.eu и выразить 16–21 марта 2014 г. отношение к статусу Венето. По данным организаторов, в онлайн-голосовании приняли участие 2,36 млн чел. (63,2 % имеющих право голоса). Из них 2,1 млн чел. (89,1 % участников) поддержали независимость в формулировке «поддерживаю создание независимой, суверенной, федеративной республики Венето». Опрос не признан итальянскими органами власти, предъявлены обвинения в подтасовке итогов. 24 активиста движения, в том числе — бывший член парламента страны и основатель Венецианской лиги Ф. Роккетта, вскоре были арестованы за «акции, включая насильственные, в поддержку отделения Венето и других частей итальянского государства» (Визель, 2014).

В Трентино-Альте-Адидже — зажиточной области, где этнические немцы составляют 70 % жителей, областные власти недовольны тем, что центр требует внести 120 млн евро на покрытие дефицита национального бюджета. Взамен министр экономики области Т. Вилдманн в 2012 г. предложил «выкупить» независимость Южного Тироля за 15 млрд евро либо уменьшить отчисления в бюджет Италии с 10 до 3 % региональных налоговых поступлений (Южный Тироль). На радикализацию общественного мнения повлиял раскол в 2008 г. правящей в области Южнотирольской народной партии. Голосование за её сепаратистское крыло — «Свободу» выросло с 5,0 до 14,3 % (2003–2008 гг.), а совокупное влияние радикалов в 2012 г. достигло 30 %. Они апеллируют за поддержкой к правительству Австрии (Rosenberger, 2012). «Южнотирольский союз стрелков» и движение «Прочь от Рима» организовали мирную демонстрацию (5 тыс. участников) с лозунгами выхода из состава Италии и присоединения к Австрии (Bell, 2012). Есть и меньшинство в пользу независимости Южного Тироля.

В отличие от случаев Венето и Южного Тироля, на Сардинии сепаратизм не имеет глубокой исторической традиции и представляет собой прагматический проект. В социальной сети Facebook создана группа CantonMaritimo, ставящая цель присоединения Сардинии к Швейцарии. Она выражает позиции Сардинской партии действия. Один из основателей движения «Приморский кантон» А. Карузо заявил: «Специфика Сардинии подвергалась бы ещё меньшей угрозе в Швейцарии с её федеральной системой, которая уважает права национальных меньшинств и имеет опыт работы с разными языковыми, этническими и религиозными группами». Он предлагает передать остров Швейцарии в качестве компенсации государственного долга (Гирко), поскольку официально признанный уровень безработицы на острове составляет 18,1%. Тот факт, что Швейцария не является членом Евросоюза, лидеры движения считают конкурентным преимуществом (Davies, 2014). В 2012 г. опрос показал, что 40% жителей Сардинии проголосовали бы за отделение от Италии, хотя методика его проведения сомнительна (Станет ли Сардиния...). Активисты движения планируют референдум о независимости по примеру венецианского.

На Сицилии действует партия «Движение за автономию», её возглавляет губернатор данной области Р. Ломбардо. Партия представлена, хотя и слабо, в обеих палатах итальянского парламента. Её программа — правоцентристская, не выходит за рамки широкой экономической и политической автономии. Более радикальна партия «Движение за независимость Сицилии» — наследница исторической группировки 1940-х гг. Но влияние этих организаций невелико (Мое, 2006; Попов, 2012).

Сделаем выводы. Определены факторы, влияющие на выбор институционального строения и политических стратегий сепаратистских партий в Италии. К ним относятся позднее и непрочное нациестроительство, слабость экономической и социокультурной интеграции государства, влияние глобализации и евроинтеграции. Раскрыты особенности активности сепаратистских сил в различных регионах: Севере Италии (в том числе — Венеции, Южном Тироле), Сардинии, Юге. Определены институциональные формы сепаратистских организаций, их растущая поддержка в общественном мнении. Доказано, что фрагментация партийной системы размывает грань между организационными формами партии и движения, повышает шансы новых региональных партий. Выявлены политические стратегии основных сепаратистских партий. Лига Севера в зависимости от фаз макроэкономического цикла и соотношения партийных коалиций чередует стратегии федерализации и сепаратизма. Радикально-сецессионистские стратегии избрали партия «Венецианская независимость», Сардинская партия действия и Южнотирольский союз стрелков. Для итальянских партий и движений характерно широкое применение информационных технологий продвижения своих стратегий: онлайн-референдумов, групп в социальных сетях.

Библиографический список

1. Альтермат, У. (2000). *Этнонационализм в Европе*. М.: Изд. центр РГГУ.
2. Ачкасов, В.А. (2012). Ложная альтернатива: «Третий путь» европейских крайне правых популистских партий. *Праворадикальные и правоэкстремистские партии и движения в современной Европе*. Изд. 2-е, доп. (с. 193–223). СПб.: Петрополис.
3. Барабанов, О.Н. (2011). Деволюция и квазифедерализация государственного устройства. *На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века* (с. 83–98). М.: Весь мир.
4. Бенси, Дж. (2003). Великие стройки, затемнение... Плюс берлусконизация всей страны. *Независимая газета*. 2003. 3 окт.
5. Бусыгина, И.М. (2001). Политическая роль регионов в структуре Европейского Союза: концептуальные и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М.: МГИМО (У).
6. Визель, М. (2014). Несерьезный референдум Эксперт. № 21 (900). 19 мая. Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2014/21/nesereznyij-referendum/>
7. Вялков, Ю.А. (2004). Лига Севера: Проекты отделения Севера от Юга (обзор). *Современная Италия: Сб. обзоров и рефератов* (с. 112–126). М.: ИНИОН РАН.
8. Гирко, Т. Сардиния войдет в состав Швейцарии? Режим доступа: <http://www.nashagazeta.ch/news/politica/17294>
9. Заяц, Д.В. (2004). Географические типы сепаратизма. *Проблемы геоконфликтологии. В 2 т.* (с. 36–58). М.: Соло. Т. 1.
10. Зидентоп, Л. (2004). *Демократия в Европе*. М.: Логос. 312 с.
11. Зонова, Т.В., Любин, В.Н. (2011). Кризис Первой республики: становление новой партийной системы. *На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века* (с. 17–50). М.: Весь мир.
12. Левин И. Б. (2001). Италия после Первой республики *Политические институты на рубеже тысячелетий. XX–XXI в.: Сб. статей* (с. 330–357). Дубна: «Феникс+».
13. Лига Севера. Режим доступа: <http://right-world.net/countries/italy/lc>
14. Любин, В.П. (2004). Федерализация Италии (Обзор). *Современная Италия: Сб. обзоров и рефератов* (с. 52–67). М.: ИНИОН РАН.
15. Махова, А.В. (2013). Итальянский регионализм: Лига Севера (история и специфика партии). *Клио*, (11), 51–58.
16. Морозова, Е.В. (1998). *Региональная политическая культура*. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та.
17. Патнэм, Р. (1996). *Чтобы демократия работала: гражданские традиции в современной Италии*. М.: AdMarginem.
18. Попов, Ф.А. (2012). *География сецессионизма в современном мире*. М.: Новый хронограф.
19. Прокаччи, Дж. (2012). *История итальянцев*. М.: Весь мир.
20. Референдум о выходе из Италии начался в Венеции. Режим доступа: <http://www.vz.ru/news/2014/3/16/677282.html>
21. Станет ли Сардиния «морским кантоном» Швейцарии? Режим доступа: <http://business-swiss.ch/2014/09/stanet-li-sardiniya-morskim-kantonom-shvejsarii/>

22. Тишков, В.А. (2003). *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. М.: Наука.
23. Южный Тироль предлагает Италии выкуп за свою свободу. Режим доступа: <http://obozrevatel.com/abroad/09342-yuzhnyj-tirol-predlagaet-italii-vyikup-za-svoyu-svobodu.htm>
24. Archivio Storico Delle Elezioni — Camera del 24 Febbraio 2013. Retried from <http://elezionistorico.interno.it/index.php?tpel=C&dtel=24/02/2013&tpa=I&tpe=A&lev0=0&levsut0=0&es0=S&ms=S>
25. Bell, B. (2012). Euro Crisis Turns German-Speaking Italians Against Rome. Retried from <http://www.bbc.com/news/world-europe-19813284>
26. Bossi: “Ministeri al Nord? Aprono il 23 Luglio” (2011). *Corriere della Sera*. 10.07. Retried from http://archiviosistorico.corriere.it/2011/luglio/10/articoli_del_10_luglio_2011.html
27. Bötticher, A. & Mares, M. (2013). Conceptualizing New Forms of Separatism in Europe. Paper Presented at the 7th ECPR General Conference Panel «State of Unions: Separatism and Crisis of National Unity in Time of EUs Crisis» Bordeaux, 4–7 September 2013. Retried from <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/3dc79fac-fb1c-4576-8dc6-2c3758362768.pdf>
28. Cento Bull, A. (2014). All Is Not What It Seems With Venice’s Separatist Vote: A Flash in the Pan, or the Start of Something Big? Retried from <http://www.newstatesman.com/politics/2014/04/all-not-what-it-seemed-venice-s-separatist-vote>
29. Coppeters, B. & Sakwa, R. (eds.) (2003). *Contextualizing Secession: Normative Studies in Comparative Perspective*. Oxford: University Press.
30. Davies, L. (2014). Italy’s Separatist Spirit Takes New Shape as Sardinians Push to Become Swiss. Retried from <http://www.theguardian.com/world/2014/mar/23/italy-separatist-sardinian-swiss-canton-marittimo>
31. De Winter, L. (1998). A Comparative Analysis of the Electoral, Office and Policy Success of the Ethnoregionalist Parties. In *Regionalist Parties in Western Europe* (pp. 204–247). L.; N.Y.: Routledge.
32. Kington, T. (2014). Veneto Residents Support Leaving Italy in Unofficial Referendum. Retried from <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/italy/10715888/Veneto-residents-support-leaving-Italy-in-unofficial-referendum.html>
33. Laible, J. (2008). *Separatism and Sovereignty in the New Europe: Party Politics and the Meanings of Statehood in a Supranational Context*. N.Y.: Palgrave MacMillan.
34. Marchetti, S. (2014). Italiano? Nein. A Part of Italy Wants Out. Retried from <http://www.newsweek.com/2014/01/17/italiano-nein-part-italy-wants-out-245068.html>
35. Moe, N.J. (2006). *The View from Vesuvius: Italian Culture and the Southern Question*. Berkeley: Univ. of California Press.
36. Passarelli, G. & Tuorto, D. (2012). *Lega&Padania: Storie e Luoghi delle Camicie Verdi*. Bologna: ilMulino.
37. Rosenberger, M.P. (2012). Self-Determination in South Tyrol — The Red Eagle Spreads its Wings. Retried from <http://www.fairobserver.com/region/europe/self-determination-south-tyrol-red-eagle-spreads-its-wings/>
38. Wilson, F.Z. (1994). *European Politics Today: The Democratic Experience*. 2nd ed. Englewood Cliffs: Prentice Hall.

Статья поступила в редакцию 20.12.2014.

.....

SEPARATISM IN CONTEMPORARY ITALY: FACTORS OF DEVELOPMENT, INSTITUTIONALIZATION, POLITICAL STRATEGIES

Baranov A. V.

Baranov Andrey Vladimirovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: baranovandrew@mail.ru.

The article is dedicated to determination of the features of separatism in contemporary Italy in 1990–2014. The work is based on historical approach of new institutional economics. The factors influencing the choice of institutional structure and the political strategies of the separatist parties are defined. They include the belated and fragile nation-building, economic and sociocultural weakness of the state integration, influence of globalization and European integration. The features of the activity of the separatist forces in different regions: the north of the country (including Venice, South Tyrol), Sardinia, South, are revealed. Institutional forms of the separatist organizations, their growing support in public opinion are identified. The fragmentation of the party system is proved to blur the line between the organizational forms of parties and movements, and increase the chances of new regional parties. Political strategies of the separatist parties are specified. Northern League alternates strategies of federalization and separatism, depending on the phase of the macroeconomic cycle and the ratio of party coalitions. Venice independence party, the Sardinian Action Party and the Union of South Tyrolean Shooters have opted for radical secessionist strategies. Italian parties and movements are characterized by the growing use of information technologies like online referendums and groups in social networks to promote their strategies.

Key words: separatism, contemporary Italy, factors of development, institutionalization, political strategies.

References

1. Al'termatt, U. (2000). *Etnonacionalizm v Evrope* [Ethnonationalism in Europe]. Moscow: Publishing center of Russian State University for the Humanities.
2. Achkasov, V.A. (2012). Lozhnaya al'ternativa: "Tretij put" evropejskih kraine pravyyh populisticheskix partii [False alternative: "third way" of the European extreme right-wing populist parties] *Pravoradikal'nye i pravoekstremistskie partii i dvizheniya v sovremennoi Evrope* [Right-wing radical and the extreme right-wing parties and movements in Contemporary Europe] 2nd Edition, enlarged (p. 193–223). St. Petersburg: Petropolis.
3. Barabanov, O.N. (2011). Devolyuciya i kvazifederalizaciya gosudarstvennogo ustroystva [Devolution and quasi-federalization of political order] *Na perekrestke Sredizemnomor'ya: "Ital'yanskij sapog" pered vyzovami XXI veka* [At the crossroads of the Mediterranean: "Italian boot" Facing the Challenges of the XXI century] (p. 83–98). M.: Ves' mir.
4. Bensi, Dzh. (2003). Velikie stroiki, zatemnenie plyus berluskonizaciya vsej strany [Great construction sites, blackout ... Plus Berlusconiization of the whole country] *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 2003, 3 Oct.
5. Busygina, I.M. (2001). *Politicheskaya rol' regionov v strukture Evropejskogo Soyuza: konceptual'nye i prikladnye aspekty* [The political role of the regions in the structure of the European Union: the conceptual and applied aspects]. Abstract of a thesis of a Doctor of Political Sciences. M.: MGIMO (U).

6. Vizel', M. (2014). Nesper'eznyi referendum [Hollow referendum] *Ekspert* [Expert]. No 21 (900). 19 may. Retrieved from: <http://expert.ru/expert/2014/21/nesereznyij-referendum/>
7. Vyalkov, Yu. A. (2004). Liga Severa: Proekty otdeleniya Severa ot Yuga (obzor) [Northern League: Projects of separating the North from the South (review)] *Sovremennaya Italiya: Sb. obzorov i referatov* [Contemporary Italy: Collection of reviews and abstracts] (s. 112–126). M.: INION RAN.
8. Girko, T. Sardiniya voidet v sostav Shveysarii? [Will Sardinia be part of Switzerland?] Retrieved from: <http://www.nashagazeta.ch/news/politica/17294>
9. Zayats, D.V. (2004). Geograficheskie tipy separatizma [Geographical Types of Separatism] *Problemy geokonfliktologii* [Problems of Geoconflictology]. In 2 Vol. (p. 36–58). M.: Solo. Vol. 1.
10. Zidentop, L. (2004). *Demokratiya v Evrope* [Democracy in Europe]. M.: Logos.
11. Zonova, T.V., Lyubin, V.N. (2011). Krizis Pervoj respubliki: stanovlenie novoj partiinoj sistemy [Crisis of the First Republic: genesis of new party system] *Na perekrestke Sredizemnomor'ya: "Ital'yanskij sapog" pered vyzovami XXI veka* [At the crossroads of the Mediterranean: "Italian boot" Facing the Challenges of the XXI century] (p. 17–50). M.: Ves' mir.
12. Levin, I.B. (2001). Italiya posle Pervoj respubliki [Italy after the First Republic] *Politicheskie instituty na rubezhe tysyacheletij. XX–XXI v.: Sb. statej* [Political Institutions on the edge of millenniums. 20–21 centuries, Collection of articles] (p. 330–357). Dubna: "Feniks+".
13. Liga Severa [Northern League]. Retrieved from: <http://right-world.net/countries/italy/ls>
14. Lyubin, V.P. (2004). Federalizaciya Italii (Obzor) [Federalization of the Italy (Review)] *Sovremennaya Italiya: Sb. obzorov i referatov* [Contemporary Italy: Collection of reviews and abstracts] (p. 52–67). M.: INION RAN.
15. Mahova, A.V. (2013). Ital'yanskij regionalizm: Liga Severa (istoriya i specifika partii) [Italian regionalism: Northern League (the party's history and specific character)] *Klio* [Clio], (11), 51–58.
16. Morozova, E.V. (1998). *Regional'naya politicheskaya kul'tura* [Regional political culture]. Krasnodar: Publishing House of the Kuban State University.
17. Putnam, R. (1996). *Chtoby demokratiya srabotala: grazhdanskije tradicii v sovremennoj Italii* [Making Democracy Work: civic traditions in modern Italy]. Moscow: Ad Marginem.
18. Popov, F.A. (2012). *Geografiya secessionizma v sovremennom mire* [Geography of secessionism in the contemporary world]. Moscow: Novyj hronograf.
19. Procacci, J. (2012). *Istoriya ital'yancev* [History of the Italian People]. Moscow: Ves' mir.
20. Referendum o vyhode iz Italii nachalsya v Venecii [The referendum on secession from Italy began in Venice]. URL: <http://www.vz.ru/news/2014/3/16/677282.html>
21. Stanet li Sardiniya "morskim kantonom" Shveicarii? [Would Sardinia become the "Sea Canton" of Switzerland?]. URL: <http://business-swiss.ch/2014/09/stanet-li-sardiniya-morskim-kantonom-shveitsarii/>
22. Tishkov, V.A. (2003). *Rekvjem po etnosu: Issledovaniya po social'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos: Researches on the sociocultural anthropology]. Moscow: Nauka.
23. Yuzhnyi Tirol' predlagaet Italii vykup za svoyu svobodu [South Tyrol offers a ransom for its freedom from Italy]. URL: <http://obozrevatel.com/abroad/09342-yuzhnyij-tirol-predlagaet-italii-vyikup-za-svoyu-svobodu.htm>

24. Archivio Storico Delle Elezioni — Camera del 24 Febbraio 2013. Retried from <http://elezionistorico.interno.it/index.php?tpel=C&dtel=24/02/2013&tpa=I&tpc=A&lev0=0&levsut0=0&es0=S&ms=S>
25. Bell, B. (2012). Euro Crisis Turns German-Speaking Italians Against Rome. Retried from <http://www.bbc.com/news/world-europe-19813284>
26. Bossi: “Ministeri al Nord? Aprono il 23 Luglio” (2011). *Corriere della Sera*. 10.07. Retried from http://archivistorico.corriere.it/2011/luglio/10/articoli_del_10_luglio_2011.html
27. Bötticher, A. & Mares, M. (2013). Conceptualizing New Forms of Separatism in Europe. Paper Presented at the 7th ECPR General Conference Panel “State of Unions: Separatism and Crisis of National Unity in Time of EUs Crisis” Bordeaux, 4–7 September 2013. Retried from <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/3dc79fac-fb1c-4576-8dc6-2c3758362768.pdf>
28. Cento Bull, A. (2014). All Is Not What It Seems With Venice’s Separatist Vote: A Flash in the Pan, or the Start of Something Big? Retried from <http://www.newstatesman.com/politics/2014/04/all-not-what-it-seemed-venice-s-separatist-vote>
29. Coppieters, B. & Sakwa, R. (eds.) (2003). *Contextualizing Secession: Normative Studies in Comparative Perspective*. Oxford: University Press.
30. Davies, L. (2014). Italy’s Separatist Spirit Takes New Shape as Sardinians Push to Become Swiss. Retried from <http://www.theguardian.com/world/2014/mar/23/italy-separatist-sardinian-swiss-canton-marittimo>
31. De Winter, L. (1998). A Comparative Analysis of the Electoral, Office and Policy Success of the Ethnoregionalist Parties. *Regionalist Parties in Western Europe*. L.; N.Y.: Routledge, pp. 204–247.
32. Kington, T. (2014). Veneto Residents Support Leaving Italy in Unofficial Referendum. Retried from <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/italy/10715888/Veneto-residents-support-leaving-Italy-in-unofficial-referendum.html>
33. Laible, J. (2008). Separatism and Sovereignty in the New Europe: Party Politics and the Meanings of Statehood in a Supranational Context. N.Y.: Palgrave MacMillan.
34. Marchetti, S. (2014). Italiano? Nein. A Part of Italy Wants Out. Retried from <http://www.newsweek.com/2014/01/17/italiano-nein-part-italy-wants-out-245068.html>
35. Moe, N.J. (2006). *The View from Vesuvius: Italian Culture and the Southern Question*. Berkeley: Univ. of California Press.
36. Passarelli, G. & Tuorto, D. (2012). Lega&Padania: Storie e Luoghi delle Camicie Verdi. Bologna: ilMulino.
37. Rosenberger, M.P. (2012). Self-Determination in South Tyrol — The Red Eagle Spreads its Wings. Retried from <http://www.fairobserver.com/region/europe/self-determination-south-tyrol-red-eagle-spreads-its-wings/>
38. Wilson, F.Z. (1994). *European Politics Today: The Democratic Experience*. 2nd ed. Englewood Cliffs: Prentice Hall.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ»

Ковалёва Н. В.

Ковалёва Наталья Владимировна, Адыгейский государственный университет, 385000, Республика Адыгея, Майкоп, ул. Первомайская, д. 208. Эл. почта: natkov2007@rambler.ru.

3–4 октября 2014 года на базе Адыгейского государственного университета состоялась Всероссийская психологическая научно-практическая конференция с иностранным участием «Личностная идентичность: вызовы современности». Она стала логическим продолжением цикла научно-практических конференций «Личность и бытие: научный подход», проводимых Кубанским государственным университетом и Институтом психологии РАН с 2002 г., а также серии других научных форумов, организуемых Южным федеральным университетом, Сочинским государственным университетом. Квалификационный уровень участников конференции (70 % участников имеют научную степень, 27 % — доктора наук) подтверждает актуальность рассматриваемых проблем личностной идентичности и потребность в активных научных контактах представителей различных регионов России

Проведение конференции такого уровня стало возможным благодаря научному сотрудничеству Центра социально-психологических проблем НИИ комплексных проблем АГУ, Кубанского государственного университета и Института психологии Российской академии наук.

Собравшихся приветствовали проректор по научной работе АГУ, д.б. н., профессор Шаханова А. В. и директор НИИ комплексных проблем АГУ, д.б. н., профессор Цикуниб А. Д. Они отметили актуальность проблемы идентичности личности и научную ценность конференции для формирования и раскрытия исследовательского потенциала научного психологического сообщества как Адыгеи, так и всего Южно-российского региона.

Большое внимание на конференции было уделено проблеме личностной идентичности в изменяющемся пространстве человеческого бытия. Д. психол. н., проф. Рябикина З. И. (Краснодар) обратила внимание на то, что в периоды

социальных катаклизмов проявляется своеобразная гетерохрония — разные аспекты идентичности оформляются с различной скоростью, а в условиях информационных интервенций со стороны СМИ прежде всего изменяется когнитивная составляющая идентичности, а аффективная и конативная составляющие требуют большего времени для оформления.

Д. психол. н., профессор Знаков В. В. (Москва), анализируя итоги пятнадцати лет исследований по психологии человеческого бытия, отметил, что за указанный период в этой области психологического познания сложились предмет, методы исследования, структура, что свидетельствует о наличии ясно очерченных границ и перспективных направлений дальнейших исследований.

На примере изучения психологической устойчивости преподавателей вуза в условиях реформы к. психол. н., доцент Ковалева Н.В. (Майкоп) показала, что субъектная идентичность, наряду с толерантностью к неопределенности, эмоциональными переживаниями-отношениями и включённостью в инновационную деятельность, является важным компонентом в структуре психологической устойчивости личности в условиях инноваций.

Интересная дискуссия развернулась вокруг темы «Идентичность как научная проблема», которую раскрыл в своем выступлении к. психол. н., доц. Кимберг А. Н. (Краснодар), и поставил перед исследователями идентичности задачу определиться с критериями оценки идентичности относительно её содержания и динамики.

Рассматривая ролевую идентичность и ролевые конфликты личности, д. психол. н., профессор Куликов Л. В. (Санкт-Петербург) подчеркнул, что динамика ролей личности происходит не только в пространстве взаимодействия, но и в пространстве диспозиций, и часто изменения в диспозициях предшествуют освоению новой роли, а после утраты роли сохраняют её как единицу субъективного пространства.

Д. психол. н., проф. Дёмин А. Н. (Краснодар), раскрывая взаимосвязи профессиональной идентичности и психологической структуры занятости человека, обратил внимание собравшихся на то, что интегрированный анализ профессиональной идентичности, психологической структуры занятости, реального социально-поведенческого статуса личности может быть полезным при изучении конкретных и типичных линий карьерного развития.

Актуальным для участников конференции стал доклад д. психол. н., проф. Горской Г. Б. (Краснодар), который был посвящен особенностям становления профессиональной идентичности в рамках включения студентов-художников в социальный контекст творческой самореализации.

Д. филос. н., проф. Тесля С. Н. (Сочи) в своём выступлении «Контексты изучения «личности» и «идентичности» отметила, что проблема заключается в понимании и изучении того, как личностная идентификация связана со смыс-

ловым полем идентичности в снятии противостояния ценностей этноса и ценностей субъекта.

Живой интерес аудитории вызвали проблемы гендерной идентичности и панических атак как модальности прерывания взаимодействия в ситуации вызовов и угроз современности, раскрытая д. психол. н., проф. Ожиговой Л. Н. (Краснодар), ценностных оснований этнокультурной идентичности (к. психол. н., доц. Тучиной О. Р., Краснодар) и тема личностной идентичности в биографической рефлексии, (к. психол. н., доцент Клементьевой М. В., Тула).

На конференции была представлена монография «Протестная активность личности: сущность, динамика, трансформация» к. психол. н., доцента Гусейнова А. Ш. (Краснодар).

На секционных заседаниях и круглых столах участниками конференции были рассмотрены различные психологические аспекты проблем личностной идентичности, связанные с этнической идентичностью, проявляющимися на стыке современных трансформаций общества и социальных практик, а также с проблемами идентичности в образовании, в условиях преобразования мира профессий, особенностями проявления идентичности личности в контексте её бытия и со-бытия с другими (брак, семья, детско-родительские отношения, временная и предметно-пространственная среда и др.). Следует отметить интересный опыт исследований, представленный коллегами из Омского государственного университета под руководством д. психол. наук, проф. Дементий Л. И.

В конференции приняли участие ученые, аспиранты и психологи-практики из Москвы (ИП РАН, МГУ, МГПУ), Санкт-Петербурга (СПбГУ), Омска (ОмГУ), Тулы (ТГУ), Сочи (СГУ), Симферополя (Тавр.НУ), Краснодара (КубГУ, КубГТУ, КГУФКСиТ, КУ МВД, ВУНЦ ВВС «ВВА»), Майкопа (АГУ, АФ РАНХиГС), было заслушано 49 выступлений. По материалам конференции был опубликован сборник, включающий 96 научных статей 110 авторов.

Состоявшийся форум подвёл определённые итоги в понимании сущности личностной идентичности, её роли в становлении и проявлении субъектности современной личности, а также определил перспективные направления будущих исследований в этой актуальной сфере научного познания.

Статья поступила в редакцию 02.11.2014.

.....

SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «PERSONAL IDENTITY: CHALLENGES OF THE PRESENT»

Kovaleva N. V.

Kovaleva Natalia Vladimirovna, Adyge State University, 385000, Republic of Adygea,
Maikop, str. Pervomayskaya, 208. E-mail: natkov2007@rambler.ru.

ЦЕЛЬ АМЕРИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ КОЛЛЕДЖЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ШТАТА МЭРИЛЕНД)

.....

Боткин М. А.

Боткин Маршалл, Муниципальный колледж г. Фредерик, США, 7932
Opossumtawn Pike, Frederick, Maryland 21702. Эл. почта: MBotkin@frederick.edu.

История зарождения идеи муниципальных колледжей восходит к началу XX в. Данное явление, фактически проявившееся к середине XX столетия, до сегодняшнего дня вносит значительный вклад в образование американских граждан. Муниципальные колледжи также именуются колледжами с двухгодичными курсами или техникумами; тем не менее в рамках этой статьи мы будем использовать общее наименование муниципального колледжа. Американская ассоциация муниципальных колледжей определяет их как «основную возможность получить хорошее образование недалеко от дома и по доступным ценам» (About Community Colleges, 2014, p. 1).

Более того, по заявлению Комиссии Карнеги по высшему образованию, муниципальные колледжи оказывают существенное содействие американской системе высшего образования, выполняя адаптационную миссию. Они представляют локальный уровень системы образования, уровень непосредственного взаимодействия с обществом. Для того чтобы выполнять адаптационную миссию, многопрофильные муниципальные колледжи предоставляют возможности для: 1) получения общего и гуманитарного образования; 2) получения профессионального и технического образования; 3) получения образования для взрослых, прохождения курсов повышения квалификации и курсов в рамках муниципальных систем обучения взрослых; 4) прохождения развивающего, исправительного и подготовительного обучения; 5) получения консультаций, помощи в размещении и содействии развитию студентов (Carnegie Commission on Higher Education, 1970, p. 7).

Проще говоря, суть муниципальных колледжей заключается в том, чтобы сделать высшее образование доступней посредством их размещения непосредственно в населенных пунктах и установления приемлемых цен на образовательные услуги. Однако есть ряд принципиальных отличий муниципальных колледжей от университетов. Первое отличие заключается в том, что муни-

ципальные колледжи предлагают одногодичные и двухгодичные программы обучения. Как правило, после завершения обучения в муниципальном колледже выпускнику присваивается степень ассоциата, а те студенты, которые хотят получить степень бакалавра или заниматься научно-исследовательской деятельностью, могут продолжить обучение в четырехгодичном колледже или университете. Второе отличие заключается в роли преподавательского состава. В университетах преподаватели выполняют двойную функцию: проводят исследования и обучают студентов. В муниципальных колледжах основной функцией преподавателей является обучение, проведение исследований не входит в их обязанности, в отличие от преподавателей университетов.

В прошлом люди выражали беспокойство по поводу того, что требования к обучению в муниципальных колледжах не настолько высокие, а уровень получаемых в муниципальных колледжах знаний не такой глубокий, как в университетах. Однако, как показали исследования, это неверно. К студентам муниципальных колледжей предъявляют те же требования, что и к студентам четырехгодичных колледжей. Более того, они используют те же учебники, посещают то же количество учебных часов и оцениваются по тем же критериям. Квалификация преподавателей муниципальных колледжей не уступает квалификации преподавателей университетов, и многие преподаватели колледжей публикуют материалы своей научно-исследовательской деятельности, хотя это и не обязательно. Примечательно, что муниципальные колледжи тесно связаны с четырехгодичными колледжами и университетами, и все направления обучения допускают перевод в высшее учебное заведение. Кроме того, многие муниципальные колледжи гордятся тем, что их студенты, поступившие в четырехгодичные колледжи, в целом демонстрируют более высокий уровень подготовки к обучению и более высокие результаты, чем студенты, сразу поступившие в четырехгодичные колледжи.

Муниципальные колледжи профессионального или технического образования присваивают студентам по окончании обучения высшую ученую степень в какой-либо науке, что позволяет им сразу же найти работу. Многие четырехгодичные американские колледжи не предоставляют своим студентам такой возможности. Более того, муниципальные колледжи могут предложить краткосрочные курсы и тем самым удовлетворить образовательные потребности общества, например, потребности деловых кругов или требования директив, которые образовательные учреждения также должны учитывать. К примеру, предприятие вводит новую технологию и ему необходимо обучить своих сотрудников этой технологии. Муниципальный колледж может оперативно организовать обучение и оказать предприятию эти образовательные услуги. Как утверждают специалисты по экономическому моделированию, значительное экономическое влияние американской системы муниципальных колледжей обусловлено обеспечиваемым ими уровнем образования, профессионального обучения, повышения квалификации (Economic Modeling Specialists Intl., 2014, p. 17). С момента их создания муници-

пальные колледжи стали неотъемлемой частью системы профессионального обучения лиц, впервые или снова выходящих на американский рынок труда.

Также специалисты по экономическому моделированию считают, что муниципальные колледжи оказывают существенное экономическое воздействие. Глубокие знания и обширные навыки студентов муниципальных колледжей улучшают производительность предприятий, принимающих их на работу, что в дальнейшем приводит к увеличению дохода и делает экономику более устойчивой. В совокупности деятельность выпускников, трудоустроенных в Америке в 2012 г., принесла государству дополнительные 806,4 млрд дол. к национальному доходу. Это составило примерно 5,4% ВВП государства. Каждый доллар, который был потрачен в 2012 г. на муниципальные колледжи за счет налогоплательщиков на государственном, региональном и местном уровнях, принес обществу в целом прибыль в размере 25,90 дол. (Economic Modeling Specialists Intl., 2014, p. 8).

Пример штата Мэриленд

По данным Ассоциации муниципальных колледжей штата Мэриленд (МАСС), в нем насчитывается 16 муниципальных колледжей и 23 студенческих городка. По состоянию на осень 2012 г. количество поступивших студентов составило 145 000 (Maryland Association of Community Colleges, 2013, p. 6). Кроме того, больше половины выпускников средних школ Мэриленда поступают именно в муниципальные колледжи, а не четырехгодичные учебные заведения. Обучение в муниципальных колледжах Мэриленда дает студентам следующие преимущества: 1) муниципальные колледжи сотрудничают с четырехгодичными колледжами и университетами в рамках программ бакалавриата и программ, доступных тем группам населения, которые на данный момент не могут учиться в четырехгодичных учебных заведениях; 2) стоимость обучения в муниципальных колледжах остается самой низкой среди других высших учебных заведений; 3) муниципальные колледжи предлагают ранние программы обучения для учащихся средних школ (некоторые учащиеся могут начать обучение еще до окончания школы); 4) муниципальные колледжи предлагают развивающие курсы для студентов, уровень подготовки которых не соответствует уровню, необходимому для обучения в колледже. Муниципальные колледжи служат отправной точкой для малообеспеченных и недостаточно подготовленных студентов. Считается, что для того, чтобы поддерживать соответствующий уровень жизни и уровень доходности штата и нации в целом, необходимо увеличение количества граждан штата Мэриленд, получивших высшее образование (Maryland Association of Community Colleges, 2013, p. 21).

Заключение

Муниципальные колледжи занимают особое место в американской системе образования. Они расширяют перечень программ высшего образования, добав-

ляя в расписание новые практические дисциплины, удовлетворяющие нужды передового, сложного технического общества. Федеральное правительство поощряет это расширение посредством стимулирования муниципальных колледжей. Это связано с тем, что на рынке труда растет спрос на людей с высшим образованием, в то время как спрос на людей со средним образованием снижается. Муниципальные колледжи в их различных проявлениях — уникальный компонент американской системы высшего образования. Они представляют собой гибкую и адаптационную форму получения высшего образования, приспособленную к местным потребностям. Также муниципальные колледжи гарантируют беспрепятственный перевод студентов, поступающих в четырехгодичные учебные заведения, а также служат основной подготовительной платформой для тех, кому необходима для трудоустройства степень ассоциата. Кроме того, они делают высшее образование доступным для малообеспеченных групп населения.

Библиографический список

1. About Community Colleges (2014). American Association of Community Colleges. Retrieved from <http://www.aacc.nche.edu/AboutCC/Pages/default.aspx>
2. Brint, S. & Karabel, J. (1989). *The Diverted Dream: Community Colleges and the Promise of Educational Opportunity in America, 1900–1985*. New York: Oxford University Press.
3. Carnegie Commission on Higher Education (1970). *The Open-Door Colleges: Policies for Community Colleges*. New York: McGraw-Hill.
4. Cohen, A. M. & Brawer, F. B. (1996). *The American Community College* (3rd ed.). San Francisco: Jossey-Bass.
5. Economic Modeling Specialists Intl. (2014). *Where Value Meets Values: The Economic Impact of Community Colleges*. Idaho, Moscow. Retrieved from http://www.aacc.nche.edu/About/Documents/USA_AGG_MainReport_Final_021114.pdf
6. Gleazer, Ed. J. Jr. (1980). *The Community College: Values, Vision, and Vitality*. Washington, D.C.: American Association of Community and Junior Colleges.
7. Maryland Association of Community Colleges (MACC) (2013). *Community Colleges: Where the People go to College*. Conference and Leadership Institute on May 17, 2013.
8. President's Commission on Higher Education (Truman Report) (1947). *A Report of the President's Commission on Higher education*. Washington, D.C.
9. Ratcliff, J. L. (1987). First Public Junior Colleges in an Age of Reform. *Journal of Higher education*. 58, 151–180.

.....

THE PURPOSE OF THE AMERICAN COMMUNITY COLLEGE SYSTEM: A STATE OF MARYLAND PERSPECTIVE

Botkin M. A.

Botkin Marshall, Frederick Community College, USA, 7932 Opossumtown Pike, Frederick, Maryland 21702. E-mail: MBotkin@frederick.edu.

НАШИ АВТОРЫ

.....

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Боткин Маршалл, PhD, профессор социологических наук в Муниципальном колледже г. Фредерик, Мэриленд, США.

Гомцяи Овсеп Арамаисович, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Ковалёва Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент Адыгейского государственного университета, Майкоп, Россия.

Красина Ольга Владимировна, кандидат политических наук, доцент, сотрудник центра социологических исследований «МИЦАР», Жуковский, Московская область, Россия.

Краснянская Татьяна Максимовна, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки, Россия.

Крутий Ирина Андреевна, кандидат социологических наук, советник РАЕН, директор центра социологических исследований «Мицар», Жуковский, Московская область, Россия.

Лозовая Анна Алексеевна, магистр, сотрудник центра «МИЦАР», Жуковский, Московская область, Россия.

Ляо Да Чи, Ph.D, профессор Национального университета им. Сунь Ят Сена, Директор Института политических наук, Каошунг, Тайвань.

Оберемко Олег Алексеевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социального предпринимательства и социальных инноваций Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, доцент кафедры методов социологических исследований Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Москва, Россия.

Пахомова Виктория Георгиевна, аспирант кафедры глубинной психологии и психотерапии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.

Сан Джи Хванг, Ph.D, профессор Национального университета им. Сунь Ят Сена, Директор департамента информационных технологий, Каошунг, Тайвань.

Силаева Виктория Леонидовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра социального предпринимательства и социальных инноваций Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Москва, Россия.

Тылец Валерий Геннадьевич, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки, Россия.

Чен Бо Ю, Ph.D, профессор Национального университета им. Сунь Ят Сена, сотрудник Института политических наук, Каошунг, Тайвань.

OUR AUTHORS

.....

Baranov Andrey Vladimirovich, doctor of political sciences, doctor of historical sciences, professor of the Chair of Political Science and Political Management of the Kuban State University. Krasnodar, Russia.

Botkin Marshall, Ph.D, professor of sociology, Frederick Community College, Frederick, Maryland, USA.

Chen Bo Yu, Ph.D, professor, National University Sun Yat-Sen, member of the Institute of political sciences, Kaohsiung, Taiwan.

Da Chi Liao, Ph.D, professor, National Sun Yat-Sen University, Director of the Institute of political sciences, Kaohsiung, Taiwan.

Gomcjan Ovsep Aramaisovich, candidate of social sciences, professor of the Chair of Social Work, Psychology and Pedagogics of Higher Education in the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Kovaleva Natalia Vladimirovna, candidate of psychological sciences, associate professor of Adyghe State University, Maikop, Russia.

Krasina Olga Vladimirovna, candidate of political sciences, associate professor, member of the center for sociological research "MICAR", Zhukovsky, Moscow region, Russia.

Krasnyanskaya Tatiana Maksimovna, doctor of psychological sciences, professor, department of pedagogics and psychology of the Branch of Stavropol State Pedagogical Institute in Essentuki, Russia.

Krutiya Irina Andreevna, candidate of sociological sciences, advisor of the Russian Academy of natural Sciences, Director of the center for sociological research "MICAR", Zhukovsky, Moscow region, Russia.

Lozovaya Anna Alekseevna, master of arts, associate of the center for sociological research "MICAR", Zhukovsky, Moscow region, Russia.

Oberemko Oleg Alekseevich, candidate of sociological sciences, leading research fellow, Center for Social Entrepreneurship and Social Innovation Studies (CSE), NRU Higher School of Economics; associate professor, Department of Sociological Research Methods, NRU Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Pahomova Viktorija Georgievna, postgraduate student of the Chair of Depth Psychology and Psychotherapy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

San Y Hwang, Ph.D, professor, National University Sun Yat-Sen, The Director of the Department of information technology, Kaohsiung, Taiwan.

Silayeva Victoria Leonidovna, candidate of philosophical sciences; leading research fellow, Center for Social Entrepreneurship and Social Innovation Studies (CSE), NRU Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Tylets Valery Gennadievich, doctor of psychological sciences, professor, department of pedagogics and psychology of the Branch of Stavropol State Pedagogical Institute in Essentuki, Russia.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации).
Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — *первое цит.*, затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — *первое цит.*, затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «рр.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабдош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobyitij na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellect: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). *Российский гендерный порядок: социологический подход*. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). *Rosyiskiyi gendernyi poryadok. Sotsiologicheskiy podkhod* [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). *Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices*. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R. P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U. S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). *Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877)*. Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). *Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years)*. [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Hesel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

.....

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: <http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf>

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

.....

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

.....

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

.....

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.